

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ
ИМ. Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО

«Институты мышления»

*Цикл Чтений
памяти Г.П. Щедровицкого*

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Чтений памяти Г.П. Щедровицкого

XVII Чтения – «История институтов мышления»

**XVIII Чтения – «История и современное состояние
институтов мышления»**

Москва, 23 февраля 2011 г. / 23 февраля 2012 г.

Отель «Ренессанс Москва»

От редакторов

Уважаемый читатель!

Основное содержание данного сборника составляют отредактированные расшифровки аудиозаписей материалов XVII и XVIII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого. Подобные мероприятия проводятся ежегодно 23 февраля, начиная с 1995 года. Дата приурочена ко дню рождения Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994) – выдающегося отечественного мыслителя, общественного и культурного деятеля, лидера основанного и руководимого им на протяжении 40 лет Московского методологического кружка (ММК) и развернувшегося на его основе методологического движения.

Публикация материалов Чтений стала уже добной традицией, которую начали два методологических журнала – «Вопросы методологии» и «Кентавр», публикавшие [лучшие доклады I–IV Чтений](#). В 2000 году в московском издаельстве «Путь» вышел первый сборник (он назывался «Методологический фронт 90-х»), который содержал доклады и дискуссии V Чтений, отредактированные выступавшими. Это начинание продолжилось в 2002 году публикацией материалов VII Чтений, которые вышли в Москве в издаельстве «Эдиториал УРСС».

С 2003 года инициативу издания материалов Чтений взял на себя Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». Материалы стали публиковаться в виде серии книг с единым оформлением и общим подходом к подготовке и редактированию. Ранее уже вышли материалы VIII и IX Чтений (2004 г.), X и XI Чтений (2006 г.), XII и XIII Чтений (2008 г.), XIV и XV Чтений (2010 г.), XVI Чтений (2011 г.). Подготовленная к XIX Чтениям шестая книга в данной серии из материалов XVII–XVIII Чтений по некоторым причинам в «бумажном» виде не публикуется. Однако все эти материалы доступны в полном объеме на сайте [ИНФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»](#).

XVII и XVIII Чтения посвящены обсуждению институтов мышления: тема Чтений 2011 года – «История институтов мышления», Чтений 2012 года – «История и современное состояние институтов мышления». Чтения проходили в традиционной для ММК форме докладов с развернутыми дискуссиями «по основаниям». Доклады сопровождались также выводимыми на экран презентациями.

При публикации материалов редакторы старались сохранить живую стилистику интеллектуальных споров об истории, современном состоянии и перспективах развития как институтов мышления, так и самой методологии ММК. Общее редактирование, которому в меньшей степени подверглись доклады и в большей – дискуссии, было максимально «щадящим» и преследовало цели

приближения устной речи к стандартам письменной при максимальном сохранении особенностей авторского стиля. Устранились явные оговорки, слова-паразиты и некоторые вводные фразы типа «то есть», «как бы», «мне кажется» и т.п. Для избегания повторов некоторые слова заменялись синонимами, но это, разумеется, не касалось терминов, понятий, категорий и т.д. В отдельных случаях порядок слов в предложениях менялся на более характерный для «письменной» речи, а слишком длинные предложения разбивались на более короткие – естественно, без изменения смысла сказанного. Иногда редакторы считали оправданным восполнить пропуски слов, допустимые в устной речи, но создающие трудности понимания при «чтении глазами» (такие слова заключены в квадратные скобки). Для лучшей передачи атмосферы и ситуации в зале добавлены краткие пояснения (они выделены курсивом и также заключены в квадратные скобки).

Как и ранее, редакторами был добавлен необходимый для понимания и удобства «навигации» по тексту справочный аппарат (отсылки к другим докладам, библиографические ссылки, комментарии и т.д.). При подготовке ссылок и комментариев редакторы стремились сделать наследие богатейшей интеллектуальной традиции ММК открытым и для «внешнего» читателя, разъяснив встречающиеся в тексте слова и выражения из «методологического жаргона», а также указав на важнейшие работы, в которых вводились обсуждаемые на Чтениях схемы, понятия и категории.

Авторство сносок может принадлежать как докладчикам (тогда указываются их инициалы), так и редакторам.

Заинтересованные читатели могут найти основные работы Г.П. Щедровицкого и других участников ММК на сайте [Некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»](#), а также на других сайтах широкого круга участников методологического сообщества:

- [Школа культурной политики](#);
- Фонд «[Архив Московского методологического кружка](#)»;
- «[Методология в России](#)»;
- «[Промета](#)»;
- «[Миссия России](#)»;
- [Московская методологическая корпорация](#);
- [Школа СМД-консультирования](#);
- Группа «[Школа КМД](#)» в сети Facebook;
- [Институт психологии и педагогики развития](#);
- «[Онтологический музей](#)»;
- [Всероссийская ассоциация по играм в образовании \(RAGE\)](#);
- Группа «[Всероссийской ассоциации по играм в образовании \(RAGE\)](#)» в сети Facebook;
- Группа «[Технологии мышления. СМД-онтология](#)» в сети Facebook;
- Группа «[Открытая стратегия Калининградской области](#)» в сети Facebook и др.

Публикации из периодических изданий, посвященных методологии ММК, можно найти на сайтах журнала «[Вопросы методологии](#)» и альманаха «[Кентавр](#)».

Тезисы и презентации в редакции их авторов доступны на сайте НИФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» в рубрике «[Чтения](#)».

Хочется высказать слова благодарности авторам докладов, взявшим на себя труд терпеливого совершенствования собственных текстов. Как всегда, неоценимую помощь оказала Юлия Пузырея, представляющая собой уникальный тип «содержательного корректора», способного ставить вопросы, которые позволяют не только улучшить стилистику текста, но и прояснить его смысл, а также устраниТЬ разного рода неточности.

Наше издание адресовано в первую очередь методологам, философам, «управленцам» различными процессами и сферами практики – всем тем, кто, как говорил Г.П. Щедровицкий, «берет на себя окаянство» инициировать и осуществлять институциональные преобразования, а также ученым, преподавателям, студентам и аспирантам, специализирующимся в этих областях. Но мы надеемся, что этот сдвоенный выпуск материалов Чтений будет интересен и более широкому кругу читателей – всем, кто вдумчиво относится к истории институтов и также рефлексивно – к своей собственной деятельности, стремясь к ее совершенствованию средствами современного мышления. Именно такие люди в течение нескольких десятилетий становились участниками ММК и методологического движения. И мы надеемся, что благодаря вам, уважаемые читатели, этот процесс будет продолжаться, а методология ММК получит стимул к дальнейшему развитию.

Вячеслав Марача и Валерий Проскурин,
6 февраля 2013 г.

Часть I

Программа и регламент XVII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого «История институтов мышления»

23 февраля 2011 года

10.00 –	<u>Открытие XVII Чтений:</u>
10.20	Г.А. Давыдова: Вступительное слово.
	П.Г. Щедровицкий: Вступительное слово.
10.20 –	<u>Эдвард Люттвак: «Концепция “Большой Стратегии”»</u>
11.00	(Edward N. Luttwak: «The concept of “Grand Strategy”»)
11.00 –	<u>Кофе-брейк</u>
11.20	<u>I коллоквиум</u>
11.20 –	<u>Н.А. Потемкин: «Грамматические школы и школьные грамматики ХХII-XVII вв. как один из институтов европейского мышления».</u>
12.00	<i>Вопросы по докладу.</i>
12.00 –	<u>В.Л. Данилова: «Средневековый университет как институт мышления».</u>
12.40	<i>Вопросы по докладу.</i>
12.40 –	<u>В.Г. Марача: «Суд как институт мышления».</u>
13.20	<i>Вопросы по докладу.</i>
13.20 –	<i>Дискуссия по докладам</i>
14.00	
14.00 –	<u>Перерыв на обед</u>
15.00	<u>I коллоквиум</u>
15.00 –	<u>В.М. Розин: «Методологический анализ становления и функционирования института “социальных трансформаций” (на материале деяний св. Бернара и истории Ордена тамплиеров)».</u>
15.40	<i>Вопросы по докладу.</i>
15.40 –	<u>А.И. Липкин: «Естественная наука как институт мышления».</u>
16.20	<i>Вопросы по докладу.</i>
16.20 –	<u>Г.Э. Афанасьев: «Фабрики мысли и интеллектуальные сети: две стратегии институционализации».</u>
17.00	<i>Вопросы по докладу.</i>
17.00 –	<i>Дискуссия по докладам</i>
17.30	
17.30 –	<u>Кофе-брейк</u>
17.40	<u>III коллоквиум</u>
17.40 –	<u>В.М. Розин: «Проблемы методологического обсуждения “института мышления”».</u>
18.20	
18.20 –	<u>Общая дискуссия</u>
19.00	
19.00	<u>Закрытие XVII Чтений</u>

Открытие XVII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого

Давыдова. Дорогие коллеги, пожалуйста, рассаживайтесь.

Доброе утро!

Я рада приветствовать вас здесь, уже в который раз, от имени фонда «Институт развития имени Г.П. Щедровицкого» и от себя лично. Сегодня не так холодно, поэтому, наверное, можно было утром более-менее выйти из дома; погода чуть-чуть нас пожалела, в отличие от вчерашнего дня.

Тема сегодня сложная – начинается новый цикл тематизации Чтений. Тема очень непростая, я бы сказала – конфликтная в некотором смысле, что и хорошо, поэтому нужно быть внимательными, слушать, и – вперед!

Щедровицкий. Спасибо, Галина Алексеевна.

Поздравляю вас всех сегодня с праздником во всех смыслах этого слова!

Я поддерживаю тот посыл, который высказала Галина Алексеевна. Действительно, тема институтов мышления, институционализации мышления и возможности применения к мышлению представлений об институтах и институционализации на подготовительном этапе нашей работы в течение последнего полугода неожиданно для меня вызвала достаточно острую дискуссию внутри сообщества. И я считаю, что это хороший признак, который свидетельствует о том, что чуть иной взгляд на методологическое мышление, на проект методологического мышления, который развивал и продвигал Георгий Петрович Щедровицкий, на методологическое движение и социальный контекст реализации основных идей системомыследеательской методологии – как в период жизни самого Георгия Петровича, так и после его смерти, – позволяет увидеть новые грани этой истории, той ситуации, в которой мы находимся, и того будущего, к которому мы стремимся.

Я не буду говорить никаких вступительных слов о понятии института и институционализации: так, как оно формировалось в социологии, в социальных науках, в политологии, и частично – в философии, обслуживающей эти дисциплины. Я думаю, каждый из вас знает о том, что были такие авторы, которые вообще считали, что социология – это целиком и полностью наука об институтах и институционализации. Это всё написано в энциклопедиях, и, просмотрев вчера тезисы, подготовленные нашими спикерами к Чтениям, я обнаружил, что в этом вопросе между ними практически нет разногласий. Они тоже читали все эти энциклопедические статьи и, в общем и целом, пользуются тем понятием института и институционализации, которое на сегодня сложилось в социологической литературе.

Гораздо большую дискуссию вызывает применение понятия института и институционализации к мышлению.

Я хочу выделить только два момента по этому поводу.

Первый момент состоит в том, что представления о мышлении в Московском методологическом кружке, безусловно, с самого начала содержали в себе

очень важный аспект нормативного анализа. Не только потому, что Георгий Петрович начинал с логики, но и в силу определенной установки, приведшей в начале 1960-х годов к появлению *схемы воспроизводства деятельности и трансляции культуры* и к достаточно жесткому проведению той мысли, что нормировка, нормативный план, парадигматический план, план трансляции через культуру является важнейшей характеристикой понятия мышления.

Я всегда говорю о том, что как минимум три аспекта мышления традиционно и комплексно интересовали Московский методологический кружок. Это аспект целеустремленности мышления – аспект, который дал основания для выделения тех моментов, тех инфраструктур в мышлении, которые могут трактоваться как *деятельность*; аспект (достаточно понятный и широко разобранный в философии) *объектно-онтологической ориентации* мышления; и третье, безусловно, это аспект *нормативный*. Само представление о «способах мышления», которое было введено в начале 1960-х годов фактически параллельно с развитием представлений о воспроизведстве деятельности и трансляции культуры, на мой взгляд, указывает на очень важный смысл, параллельный или референтный по отношению к тому обсуждению институтов и институционализации, которое чуть раньше, одновременно или чуть позже проводилось в социологической литературе.

Есть и второй момент, на который я бы хотел обратить внимание. Идея мышления во многом остается проектом. В [тезисах В.М. Розина](#) к этим Чтениям вообще утверждается, что *то* понятие мышления, которым мы сегодня пользуемся, не было бы возможно, если бы не было установки на методологизацию мышления. В полном объеме (я так понял *то*, что написано в тезисах Розина) идея мышления – родившись, конечно, задолго до начала работы Московского методологического кружка, – получает свое полноценное выражение именно в принципах, схемах и понятии *методологического мышления*.

Это – *проект*. Это проект, который развивается; это проект, в который методология сделала свой вклад. Но уже в силу этого, создавая какие-то новые формы, новые стили мышления, методология не могла не столкнуться с вопросом об институциональных рамках реализации подобного мышления. А кто, собственно, имеет право на мышление? При каких условиях мы можем сказать, что вот это – мышление, а вот это – не мышление? Кому мы отдаем возможность говорить от лица мышления?

Безусловно, ответ на этот вопрос (о применении понятия института и институционализации к мышлению. – Ред.) не может быть чисто технологическим. Логика в такой же мере является технологией мышления, в какой и институтом мышления. Она указывает на определенные типы социальной организации, занимая место в которых, ты можешь претендовать на представительство мышления здесь-и-теперь, в этой социокультурной ситуации. И поэтому, с моей точки зрения, вопрос об институтах мышления является принципиально важным, ибо, если такой институционализации методологического мышления не произойдет в той или иной форме, то мы всегда рискуем быть спутанными с какими-то другими социальными ролями и позициями. Я не говорю о городских сумасшедших, но я имею в виду, что право на мышление заслуживается не

только результативностью этого мышления, но и той функцией, тем местом, которое представители данной мыслительной традиции занимают в социальных структурах и социальной организации.

Завершая это свое короткое вступительное слово, я хочу сказать, что Георгия Петровича в последние годы его жизни, конечно, очень сильно интересовали *вопросы связи между методологическим мышлением и современным управлением*. Можно сказать, что управление, становясь в XX веке массовой деятельностью, востребовало определенные типы и технологии мышления – как для своего технического самообеспечения, для решения конкретных управленческих задач, так и для оправдания самого управления как типа мышления и деятельности. И вы хорошо знаете, что в 1980-е годы Георгий Петрович много и подробно занимался вопросами управления. Я рискну предположить, что именно в управлении лежит одна из возможностей ре-институционализации методологического мышления.

У нас есть инновация в программе. Так получилось, что достаточно случайно (хотя я не верю в случайности) одновременно с проведением наших Чтений в Москве оказался профессор Люттвак. Я думаю, все, кто читает работы по большой политике и геоэкономике, знают, что он является автором целого комплекса новых понятий, которые возникли в последние двадцать лет в сфере управления. Он дал любезное согласие участвовать в Чтениях и выступить с докладом, который я рискну назвать методологическим. Тема этого доклада – «Концепция “Большой стратегии”». С моей точки зрения, *стратегия*, безусловно, является одним из институтов современного управления, востребующих мышление и задающих схему кооперации между мышлением и управленческой деятельностью. Но профессор Люттвак сам расскажет о своем понимании этой темы, и я передаю слово для доклада нашему гостю.

Эдвард Люттвак

**Концепция «Большой Стратегии»
(Edward N. Luttwak. The concept of «Grand Strategy»)
Доклад**

Люттвак. Доброе утро!

Признаюсь, что я не очень комфортно чувствую себя в Москве, потому что та одежда, которая путешествует со мной, привезена из моей последней поездки в финскую Лапландию. И оказалось, что эта одежда – слишком теплая для московских морозов.

В свое время, будучи студентом в Лондоне, я слушал лекции профессора Карла Поппера. Почему я так хорошо помню эти лекции? Потому что он был единственным профессором, который говорил в микрофон. Одет он всегда был

очень элегантно, стоял как-то прямо, с достоинством, и всегда шептал свои лекции, поэтому ему нужен был микрофон. Ну, и в результате все хорошенкие девушки бывали у него на лекциях.

Когда изучаешь Карла Поппера, в общем-то, немногому научаешься, то есть не очень многие вещи для себя почерпываешь – но если уж почерпываешь, делаешь это очень глубоко. Как вы знаете, ключевой концепцией у Поппера является концепция фальсификации¹. Не верификации, но фальсификации. Это дает вам возможность воспринять и осознать очень многие вещи, которые могут оказаться противоречивыми. Так, например, демократия есть не что иное, как система фальсификации, которая тоже строится на противоречиях.

Всякий раз, когда Поппер скатывался, что называется, на уровень политики, Имре Лакатос всегда его возвращал, так сказать, на научные основы, а Имре Лакатос – известный математик. И поэтому последние работы Поппера как раз представляют собой глубокий анализ логики науки, или, как по-немецки было бы сказано – реальной логики науки. Для ученого это открыло какие-то определенные новые двери, подчеркнув важность мышления в противоположность эмпирическому исследованию. Поппер не был марксистом, но так же, как и марксисты, совершенно не уважал факты. Он предлагал: попытайтесь взять какой-то случайный фрагмент доказательств и построить на нем теорию – а дальше будьте готовы к тому, что это будет фальсифицировано. Дальше вы формируете новую теорию и подвергаете ее еще одному тесту, и это ведет к некоей динамической последовательности, потому что вы не занимаетесь защитой слабых теорий, а ищете новые. Как только вы видите первого черного лебедя, вы тут же отказываетесь от теории, что все лебеди должны быть белыми. А если вы – автор книги, которая называется «Все лебеди белые», на появление черного лебедя вы не реагируете тем, что пытаетесь сказать: «Нет, это не лебедь». Вы просто отказываетесь от своей теории.

Должен сказать, что я был плохим студентом Карла Поппера, и я пошел в том направлении, от которого он как раз пытался бежать, а именно в направлении логики стратегии. А это, в свою очередь, означает логику конфликта. Поппер пытался уйти от конфликта. Когда евреи разбегались из Вены, кто-то бежал во Францию, кто-то в Голландию, кто-то оказался в Лондоне и подвергся бомбежке, а он уехал в Новую Зеландию. И я у него спросил: «А почему Вы уехали в Новую Зеландию?». Он сказал: «Я думал, что японцы попытаются захватить Австралию». Я в это время служил в частях британской армии, и я ему сказал: «Это совершенно невозможно! Японцы не могут захватить Австралию в силу логистических причин». Он сказал: «Во время войны люди теряют способность рационально мыслить, и японцы просто не будут знать, что у них в силу логистики нет такой возможности – захватить Австралию, поэтому они будут пытаться это делать». Вот поэтому он и уехал в Новую Зеландию. Если окажаться на севере Австралии, то можно видеть там следы бомб, это в районе Дарвина: следы японских бомб, – то есть они пытались-таки бомбить Австралию.

¹ См., напр.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 65.

В любом случае, давайте перейдем к тому, чем я занимался, а именно к логике стратегии. Я стал заниматься тем, что, вместо приятных прямых линий, вместо линейной логики, заинтересовался логикой парадоксальной.

Противоречие образуется просто. Если вы хотите оказаться в Минске из Москвы, то в мирное время, естественно, самым коротким будет прямой путь по Минскому шоссе. А во время войны как раз на этом шоссе вас будет ожидать враг, и поэтому, чтобы его обойти, вы должны будете продвигаться болотами, лесами, то есть это обходной путь, дальний путь, но он окажется как раз самым безопасным путем. Итак, первый парадокс формулируется очень просто, а именно: хорошая дорога – плохая, а плохая дорога – хорошая. И такое противоречивое положение встроено в то, что мы ощущаем и чувствуем инстинктивно. Например, во время войны вам не нужны эффективные системы.

Переводчик. Сейчас господин Люттвак дал здесь такой небольшой комментарий: эффективные системы не нужны, говоря по-русски – «эффективные». Но в английском есть два слова: *efficient* и *effective*. *Effective* обычно переводится как «результативный»; *efficient* – как «эффективный». Так вот, они должны быть не «эффективными», а «результативными».

Люттвак. Потому что эффективный (*efficient*) достигает цели, прибегая к минимуму ресурсов, когда не требуется ничего избыточного, ничего не нужно дублировать, не нужна никакая дополнительная защита. В то время как во время войны вам нужна как раз избыточность и в защите, и в средствах, и дублирование. То есть получается, что вы достигаете результата (вы результативны – *effective*), но неэффективно. Например, на танке разъезжать неэффективно, в отличие от Porsche или Ferrari. Хотя, впрочем, наверное, для московских пробок как раз лучше подошел бы танк, чем Ferrari.

Парадокс становится динамичным, как только вы переходите от решения к действию. Если в вашем распоряжении есть армия, армия выигрывает сражения и продвигается вперед. По мере продвижения вперед она всё больше и больше отрывается от своей базы, у нее возникает всё больше и больше логистических проблем, то есть получается, что, одерживая всё больше и больше побед, армия, по существу, становится всё слабее и слабее. Враг отступает всё больше и больше; отступая, он всё ближе и ближе приближается к своим базам, к своим тылам, и в результате он становится сильнее. Поэтому, если вы не мыслите стратегически и продвигаетесь без такого стратегического мышления в своих победах вперед, в общем-то, *на каком-то этапе вы эту победу превратите в поражение*.

И во всем том, что касается войны, военных действий, есть такое понятие, как «кульминационная точка успеха». В мирной деятельности, в частности, в мирной экономической деятельности такого понятия, как кульминационная точка успеха, не существует. Когда у «Макдоналдса» было десять тысяч ресторанов, дойти до двадцати тысяч ресторанов не представляло большой проблемы – это было просто. В гражданской жизни применима линейная логика – в ней нет парадокса, в ней нет противоречия. А в условиях конфликта самое важное – это знать, где эта самая кульминационная точка успеха, и вовремя остановиться.

Проблема состоит в том, что именно в этот момент и перестает действовать логика. Во время войны успех порождает эмоциональную реакцию, которая, в свою очередь, притупляет или вообще убивает способность мыслить рационально. Рационально вы должны были бы сказать себе: «Остановись!» – а эмоционально вы движетесь дальше. Если бы, скажем, можно было бы оказаться в шатре Наполеона и сказать ему: «Остановись, не нужно идти на Россию!» – это как раз было бы примером рационального решения, но эмоции превалируют, он не слушает, и он идет на Россию. В уме такого человека, такой личности, как Наполеон, мы можем понять эту эмоциональную составляющую.

Что касается «*Большой стратегии*», то она занимается *ситуациями, когда эмоции коллективные*. Представьте себе, что вы оказываетесь в Германии, в Берлине, в 1890 году и начинаете общаться с немцами. В то время в Германии были лучшие университеты, лучшая промышленность – электроэнергетическая, химическая, лучшие банки. О чем тогда говорили в Германии? О том, как важно построить военно-морской флот. И если бы кто-то там оказался и сказал им: «Послушайте, вы очень успешны в академическом плане, в промышленности, в науке, в финансах, но вам не нужно строить военно-морской флот, иначе вы окажетесь во врагах у британцев. Если начнется война, вы окажетесь в состоянии эмбарго, вам запретят выходить в море, и в результате может оказаться, что вы выиграете, может быть, тысячу сражений, но войну-то вы проиграете просто потому, что вы будете голодать».

В 1890-х годах в Германии были лучшие философы, лучшие мыслители, ученые – а что оказалось? Оказалось, что в результате всего этого собрания лучших философов, мыслителей, ученых сформировалось коллективное сумасшествие, то есть они фактически вступали вот в такую сферу коллективного сумасшествия. Тогда в Берлине все были захвачены мыслями о том, какой Германия будет через тридцать лет, и все нормальные, обычные люди считали, что Германия будет великой мировой империей. И единственный человек, кто считал, что через тридцать лет страна будет абсолютно разрушена, разделена на части и будет в состоянии бедности, был Ницше. Что с ним произошло? Его посадили в сумасшедший дом, признав сумасшедшими.

Итак, вначале мы начинаем с парадоксальной логики стратегии – она всегда присутствует. И когда ее далее пытаются тактически применить для того, чтобы выиграть какое-то локальное сражение, очень часто она срабатывает, а если ее пытаются применить к Большой стратегии – не к конкретно одному какому-то сержанту, а к некоему коллективному разуму, представленному генералами, мыслителями, – *эмоции блокируют «рацио»*.

В современном мире мы это видели, когда президент Джордж Буш-старший в 1991 году, захватив, по существу, Кувейт, отказывается двигаться дальше на Багдад. Он сказал: «Нам нужна красивая победа, и мы этого добились в Кувейте, но мы не хотим разрушать Ирак». Сын его думал, что он может добиться гораздо большего – в результате получил гораздо меньше. Надо сказать, что для американцев такие войны не на своей, а на какой-то удаленной территории – это своего рода спорт. Американцы любят воевать. В результате Ираку причинены очень существенные разрушения, а самой Америке – нет.

Гораздо более опасным является, когда логика стратегии применяется к каждодневной жизни. Если вы примените логику маневра или какого-то еще более гибкого маневра, чтобы нейтрализовать предыдущий, к личной жизни, то в результате может оказаться, что, скажем, ваша семья может быть разрушена. Если применить логику стратегии к политике, результатом может явиться большевизм, поскольку, по существу, эта логика применяется в условиях войны. И тогда уже исчезает понятие граждан: есть только «ваши» и «враги», а врага нужно разбить.

И все знают, особенно в вашей стране, что в гражданской жизни, в мирной жизни нужно применять как раз нечто противоположное логике стратегии. Такой *противоположностью логике стратегии оказывается логика верховенства права (rule of law)*. Это верховенство права как раз и обязывает вас – по существу, заставляет вас – ехать по этому самому Минскому шоссе, если вы хотите ехать из Москвы в Минск. Она не дает вам углубляться куда-то в леса и болота, обходя дорогу, а заставляет вас двигаться по этой прямой дороге.

Почему верховенство права так важно – и вы все, конечно, знаете об этом? Причина тому – некая мистическая природа вещей, а именно: только малые компании могут порождать инновации. Как-то раз, встретившись с Сергеем Брином², я спросил у него: «Почему Google прекратил инновационно развиваться, почему вы можете двигаться вперед, только покупая малые компании?». А он мне ответил: «Развиваться вы можете только тогда, когда вы растете. Я родился новатором, а закончил тем, что стал бюрократом». Оказалось, что большим компаниям не нужно верховенство права: они могут покупать политиков, покупать чиновников, запугивать их, даже покупать целые армии. В то время как верховенство права нужно малым компаниям – без малых компаний нет инноваций. И я не знаю, почему, но, скажем, какие-нибудь крупные фармацевтические компании действительно инновациями не занимаются. Я не знаю, почему это так, но это так. Одним из аспектов современной жизни является как раз та роль, которую играют сообщества малых компаний (клUSTERы) в разных странах. И вам известно, что Кремниевая долина и места, подобные ей, состоят из анархических сообществ, из малых компаний.

Сегодняшнее постиндустриальное общество не пользуется понятием верховенства права – это известно. Постиндустриальное общество сталкивается с другой проблемой – с низкой рождаемостью. И те из присутствующих, кто занимается системным планированием, могут изучать, исследовать те системные элементы, которые необходимы для того, чтобы убедить женщин рожать детей. Например, имеет место такой странный феномен: если поехать в Испанию, то там проводится масса разных конференций и обсуждается масса разных проблем. Но при этом именно в Испании не обсуждается проблема того, что у нее-то как раз нет будущего. Это страна без будущего, потому что в ней не рождаются дети, ну или почти не рождаются. Это вопрос о том, что ставить

² Брин Сергей Михайлович (род. в 1973 г. в Москве) – американский предприниматель и учёный в области вычислительной техники, информационных технологий и экономики, миллиардер (24 место в мире) – разработчик поисковой системы Google и сооснователь (совместно с Ларри Пейджем) одноименной компании. Проживает в городе Пало-Альто (США). – Ред.

в центр внимания, вопрос приоритетов – а он, в свою очередь, связан с логикой каждойодневной жизни. И всё это меня подводит к Большой стратегии.

Прежде всего, Большая стратегия должна включать в себя понятие *национальной стратегии* – а она, в свою очередь, включает вопрос о том, как сделать население страны физически здоровым, экономически защищенным и т.д. Всё это – также и вопрос о логике каждойодневной жизни. Для большинства стран самым важным является вопрос экономического развития. Для некоторых стран, которые богаты природными ресурсами (скажем, таких, как Норвегия), вопрос стоит так: развитие и диверсификация. Страны, в которых низкая рождаемость, должны иметь нечто типа французской системы – для того, чтобы детей было больше. Таким образом, демографическая политика, экономическая политика – все они управляются логикой каждойодневной жизни.

И вот сейчас мы поговорим о Большой стратегии, как она фактически представлена, реализуется в нашей современной жизни. Если оказаться сегодня в Пекине, то можно увидеть рациональное, логичное применение линейной логики в отношении каждого базового элемента Большой стратегии. То есть у них есть демографическая политика, которая решает их проблему – проблему избыточной рождаемости. И, безусловно, у них есть очень успешная политика экономического роста, которая включает создание таких зон, где реально действует верховенство права. Если оказаться, например, в китайским Синьцзяне³, то можно увидеть массу малых компаний, которые совершенно не боятся налоговых органов, не боятся политиков, потому что там реально действует это верховенство права. Таким образом, если вы приезжаете в Китай и видите успешное применение экономической политики, социальной политики, демографической политики, то вы, в общем-то, оказываетесь совершенно не готовы к тому, что я называю «сумасшествием Большой стратегии».

В последние два года китайцы как-то очень рассорились, насмерть рассорились с Индией. И этассора прямо не на жизнь, а на смерть усугубилась еще и отношениями с Вьетнамом, с Сингапуром и с другими странами Юго-Восточной Азии. И буквально несколько месяцев назад такую же вражду не на жизнь, а на смерть они затеяли с Японией. Но у этих стран – Вьетнама, Индии, Сингапура и других – в совокупности население больше, чем китайское, и технология у них более передовая, чем в Китае, и денег у них больше, чем в Китае. И это не считая того скромного вклада, который делает небольшая по сравнению с ними страна – Соединенные Штаты Америки. Но если оказаться в Пекине и начать говорить там с советниками правительства в таких терминах: «Вы разве не видите, что вы делаете? Вы не помните уроков Германии?» – они ответят: «Конечно, мы это всё понимаем, но мы не можем это контролировать, потому что всё это контролирует правительство, политики, армия, военно-морской флот, крупные компании, сумасшедшие в министерстве иностранных дел», – и, таким

³ Синьцзян (кит. – «новая граница», «новые рубежи») – регион на северо-западе Китая. Самая большая по площади административно-территориальная единица КНР. Исторический топоним – Восточный Туркестан. Население – 21,8 млн. человек (2010). Столица и крупнейший город – Урумчи. – Ред.

образом, можно говорить о том, что верховенство эмоций разрушает, с точки зрения Большой стратегии, логику каждойдневной жизни.

Но, по крайней мере, можно сказать, что в результате всего этого Москва может оказаться центром мировой политики, потому что и китайцы, и антикитайская коалиция будут стремиться к тому, чтобы привлечь Россию на свою сторону. Будем надеяться, что, поскольку это не война, а контекст экономический, он принесет Москве, России очень хорошие результаты. Только единственное, чем нужно заняться московским властям, – это улучшить дорожное движение, потому что иначе дипломаты просто не смогут выполнять свои функции.

Спасибо!

Щедровицкий. Эдвард, у меня один вопрос. Я не дам возможность залу задавать вопросы, потому что наш регламент исчерпан, но у меня один вопрос. Это вопрос к Вашему примеру с Ницше. Правильно ли я понял, что сумасшедший дом – это место для наиболее реалистичного мышления?

И к Вам. Вот Вы, как мыслящий человек в системах принятия коллективных решений, удовлетворены своим местом и своим влиянием?

Люттвак. Ну, надо не забывать, говоря о Ницше, что он мыслил эмпирически. Он, во-первых, участвовал в войне 1870 года, видел массовые передвижения войск, массовые жертвы, агонии. Он имел основания прогнозировать и понимал, что если Германия окажется в крупной войне, она будет разрушена.

Но я, правда, не в сумасшедшем доме. Почему? Потому что я никогда не был советником в правительстве. Хотя одно время я был консультантом, но, поскольку с 2003 года было известно, что я против войны в Ираке, меня просто не призывали, мое мнение не послушали. И если во время первой иракской войны в 90-е годы я занимался реальным делом, а именно – участвовал в военно-воздушных силах в наведении на цель и т.д., то во время второй войны я просто поехал отдохнуть на Бали. И, кстати говоря, поселился на вилле, в которой CNN не было. Вот именно этим мыслящий человек и должен заниматься, если на это посмотреть с точки зрения Большой стратегии.

Щедровицкий. Спасибо большое, Эдвард!

Коллеги, регламент, может быть, не совсем правильно выстроен. Мы сейчас сделаем перерыв на 20 минут. Я думаю, что Эдвард не будет против, если во время перерыва кто-то задаст ему вопросы, но не все сразу, а только некоторые.

И просьба – через двадцать минут собраться здесь.

I коллоквиум

Щедровицкий. Коллеги, может быть, это первый год, когда действительно можно говорить о том, что на семинарах Фонда «Институт развития» имени Георгия Петровича Щедровицкого были заслушаны практически все заявочные темы, которые инициативным образом сформировались при подготовке программы чтений. Из них была отобрана часть тем и докладов для участия в программе чтений, и тезисы докладов были представлены на сайте за несколько дней до начала самих чтений. Поэтому я хотел бы выразить благодарность организаторам этого процесса: так держать! И я думаю, что мы потихоньку восстановим эту элементарную академическую дисциплину, которая является важным элементом содержательной подготовки.

У нас шесть докладов. В силу того, что, я надеюсь, с текстами тезисов большая часть участников уже познакомились заранее, я бы просил докладчиков фокусироваться на наиболее ключевых тезисах. Помните: тезисов должно быть не более трех. И у нас есть возможность немножко подискутировать и обсудить тему в целом на материале отдельных докладов.

Пожалуйста, Николай.

Н.А. Потемкин

Грамматические школы и школьные грамматики XII–XVII вв. как один из институтов европейского мышления⁴.

Доклад, вопросы по докладу и обсуждение

Потемкин. Когда была объявлена тема этих Чтений, я предложил организаторам включить в программу подготовки к Чтениям тему «Грамматические школы и школьные грамматики как один из институтов европейского мышления» и встретил понимание. Сейчас поясню, почему я предложил такую тему.

Я думаю, что в этом зале немало тех, кто помнит, как неоднократно Георгий Петрович Щедровицкий говорил о преимуществах формального образования в сопоставлении с материальным. В свое время это был один из значимых лейтмотивов, говорящий, что преимущество старого образования состояло в том, что оно было формальным, а сейчас преобладает материальное, и это ведет к некоторым негативным последствиям.

Под старым формальным образованием чаще всего, по крайней мере, в XIX веке, имелось в виду классическое образование, опирающееся на многолетнее и упорное изучение латыни и греческого. При этом основным, базовым курсом, который лежал в основе этого формального образования, была латин-

⁴ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

ская грамматика. Поэтому я предположил, что было бы немаловажным заглянуть в историю грамматик, в частности – грамматик, лежащих в основе формального образования, и найти некоторое ядро или ключевое звено, показывающее, как и за счет чего в старом формальном образовании происходило формирование фундамента для такой базовой способности и базовой для европейской цивилизации интеллектуальной функции, как мышление.

Исходной была гипотеза, что если погрузиться в историю грамматик, то будет найдена точка, в которой грамматика стала таким носителем, или материалом, на котором осуществлялась трансляция или воспроизведение базовых элементарных форм мышления. Забегая вперед, скажу, что такая точка была найдена.

В XII веке в европейской культуре в два такта произошла «инсталляция», я бы это так назвал, формы суждения в грамматику (рис. 1 (Потемкин)). Первым тактом была работа авторов из круга так называемой «философской грамматики», представленных, прежде всего, Гийомом из Конша. Кстати говоря, по достаточно странному совпадению этот самый Гийом из Конша был большим другом [Бернара из Клерво](#), о котором нам предстоит услышать еще один доклад на сегодняшних Чтениях. И когда будет о нем доклад, вы поймете, в чем странность этого совпадения.

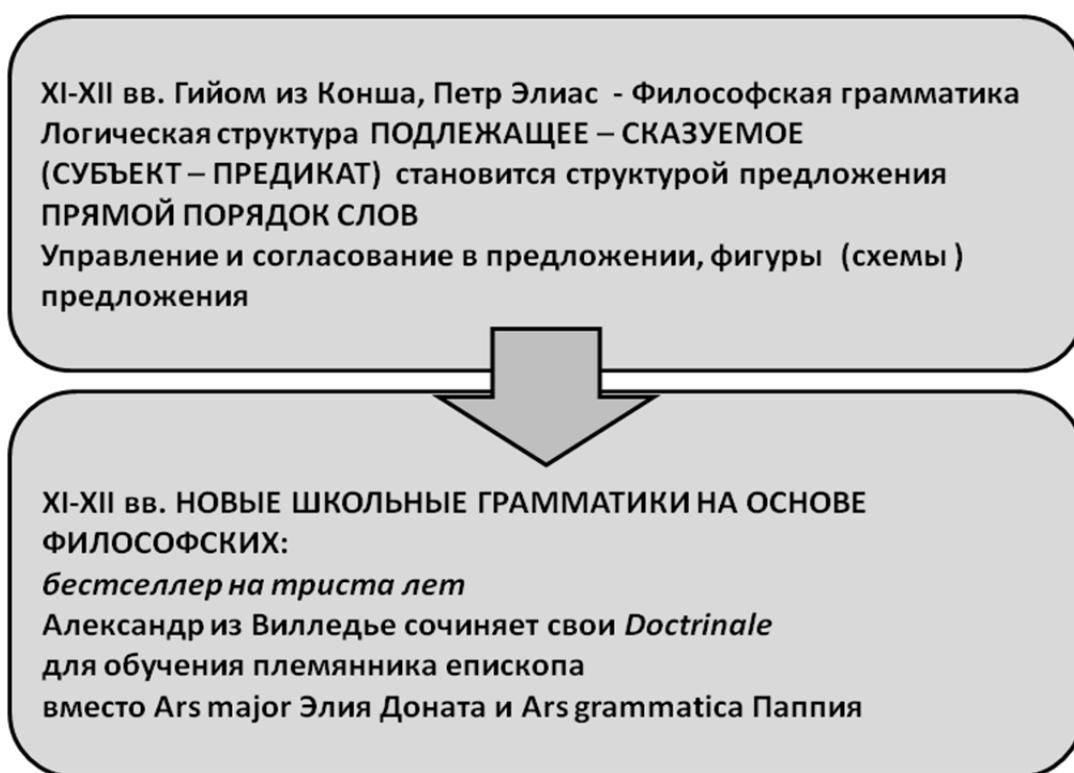

Рис. 1 (Потемкин). Инсталляция элементов мышления в грамматику

В это время в философских грамматиках впервые было сформулировано совершенно новое положение о том, что язык есть средство осуществления мышления, что люди говорят для того, чтобы выражать свои мысли. И пункт второй, что, соответственно, в каждом предложении должны присутствовать

достаточно странные для грамматики того времени вещи – подлежащее и сказуемое. Для современного человека это не вызывает никакого удивления, а исторический материал показывает, что вплоть до XII века в грамматиках не существовали такие термины. Подлежащее и сказуемое, то есть субъект и предикат, были чисто логическими единицами. И если уж сильно утрировать, то люди говорили, опираясь на пийтику и риторику, и при этом мысль строили отдельно, то есть мысль строилась отдельно, а потом подбирались языковые инструменты для ее выражения. Так, начиная с XII века стали обсуждать, как нужно строить предложение исходя из обязательного наличия в нем логических единиц – субъекта и предиката; при этом тогда употреблялись несколько разные термины. И все эти дискуссии и обсуждения велись в узких кругах высоколобых схоластов и теологов.

Я опираюсь на работы английского исследователя Роберта Блэка⁵, который собрал обширный материал по истории школьного обучения в средневековой и ренессансной Европе и показал, как произошел переход идей из философской грамматики в школьную рутину. Он тщательнейшим образом изучил архивы итальянских городов на предмет того, как строилось обучение в итальянских школах XII–XV вв., и проанализировал, какие тексты использовались и были распространены в качестве учебников в то время.

Обычная школьная практика тогда представляла собой примерно следующее: на первой ступени, в элементарных школах, изучение латинского букваря, а следующий шаг – изучение, точнее, заучивание наизусть так называемой «Ars minor», полностью «Ars minor grammatica» – «Малое искусство грамматики» античного автора Элия Доната. Кстати говоря, в русскую грамматическую школьную традицию этот автор попал под названием Донатус, почему и грамматики в России долгое время назывались «донатусами».

При этом, что любопытно, в элементарной школе – в школе первой ступени – обучать детей мог человек, который латыни не знал. Ему важно было правильно скандировать соответствующие строки псалмов и добиваться того, чтобы дети всё это знали наизусть. Итогом этого было то, что дети знали определенное количество псалмов, плюс к тому осваивали алфавит и могли записывать слова и даже писать короткие записи на родном разговорном языке, а не на латыни.

Грамматические школы, то есть школы второй ступени, выходя из которых, человек должен был уже читать латинских авторов, а также писать и составлять речи на латинском языке, опирались на античные грамматики – «Ars major» того же самого Элия Доната, а также грамматику Паппия. Были еще и другие тексты, но, как оказалось, наиболее распространенными были Донат и Паппий.

При этом античные грамматики были устроены таким образом, что *то*, что мы изучаем сегодня в школе, – строение предложения, – там отсутствовало. Фактически там был переход от частей речи сразу к употреблению отдельных

⁵ Robert Black. Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy: Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 2001.

форм в связках, и дальше уже делался ход к риторике. В XII же веке была изобретена так называемая *secondary grammar* – вторичная грамматика, философская, и такого рода грамматики стали уже описывать структуру предложения.

Но вот в самом конце XII века случилась такая замечательная история. Ученый монах Александр де Вилледье по просьбе своего патрона, епископа, должен был составить учебник грамматики для его племянника. В то время школьные учебники грамматики представляли собой набор катехизических стихотворных текстов, которые были сделаны в виде кратких стихов для облегченного запоминания наизусть. Александр де Вилледье переложил в стихах для племянника епископа то, что сформулировали высокие схоластические умы в философских грамматиках. И в этих стихах уже содержались краткие и ясные инструкции. Например, строя фразу на латинском языке, ученик должен был сначала обозначать подлежащее, потом сказуемое. Всё, что было в философских грамматиках, было внесено в эту облегченную школьную грамматику, которая стала бестселлером и на протяжении трехсот лет была не только самым популярным школьным учебником грамматики, но и образцом для других учебников.

Если внимательно рассмотреть этот исторический эпизод, мы можем увидеть, как фактически происходит переформатирование языка и речи от, скажем так, риторической традиции, в основном апеллирующей к формам украшения и выразительности речи, к обучению языку как *средству формулирования и выражения мысли*. Если на знаменитую «Грамматику Пор-Рояля»⁶, считающуюся одной из вершин теоретической лингвистической мысли XVII века, посмотреть под этим углом зрения, то ее деление на части (I-ая – «Слова как звуки» и II-ая – «Слова как средства выражения и передачи мысли») уже не вызывает удивления. В этой грамматике проводятся различия между основными операциями нашего рассудка: созерцать, судить и умозаключать. В грамматике, не в логике! Таким образом, в XVII веке универсальная грамматика фактически уже представляется как структура, через которую идет освоение базовой, элементарной формы для выражения мысли – суждения.

Надо сказать, что в то время, как в России эта линия развития образования была прервана в 1920-е годы, в зарубежных странах – в Англии, Германии, Франции – до сих пор существуют *secondary schools*, или классические лицеи, классические гимназии, и они являются достаточно успешными образовательными формами. Поэтому то, о чем я сейчас говорю, – это не прекратившаяся история, а в каких-то линиях еще продолжающаяся.

К сожалению, наши отечественные практики образования эту линию, связанную с *формированием способности суждения*, можно сказать, оставили за бортом. Мне вчера случилось пообщаться с Павлом Владимировичем Малиновским – он подсказал, что в основном способность суждения и рассуждения формировалась до 1969 года в практике преподавания алгебры и геометрии за

⁶ «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля», «Грамматика Пор-Рояля» – книга, изданная аббатами монастыря Пор-Рояль Антуаном Арно и Клодом Лансло в 1660 году. См. ее перевод: Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М.: Прогресс, 1990.

счет того, что ученику вменялось сопровождать решение задачи построением рассуждения о решении, что потом было отменено. Я, к примеру, уже попал в то поколение, которое этого не проходило.

Таким образом, в наших образовательных практиках, на мой взгляд, возникла лакуна, которая на сегодняшний день не заполнена – *механизм передачи формы суждения*. И чтобы уже перейти от этого кейса и перекинуть какой-то небольшой мостик к сегодняшнему дню, я бы обратил внимание еще на следующий момент.

Сегодня, в рамках болонского процесса, сформулированы так называемые «дублинские дескрипторы», описывающие требования к выпускнику университета, и на основе этих дескрипторов ведущие университеты Европы формулируют требования к выпускнику.

Я приведу пример из [требований к выпускнику по специальности «Инженерия автоматизации» Болонского университета](#). Там выделен большой блок коммуникативных компетенций, предполагающий, что выпускник должен, первое – письменно и устно сформулировать и описать анализ ситуации, предложенной ему к автоматизации; второе – сформулировать письменно и устно проблемы, которые он видит или обнаруживает в той фирме, в той компании, которую необходимо автоматизировать. Но что самое примечательное – далее этот блок содержит требования к способности изъяснить свое понимание проблемы в разных аудиториях: для профанов, для специалистов, для инвесторов, – то есть разным языком. И есть отдельный блок, который так и называется: «Способности к суждению», «Judgment skills». Таким образом, в сегодняшних требованиях к университетскому выпускнику в рамках болонского процесса воспроизводится эта же самая *способность к суждению*, базой для которой, на мой взгляд, должно быть все-таки нечто, формирующее способность относиться к собственной речи как к искусственно выстраиваемой. К сожалению, эта установка ушла из нашей образовательной практики, в которой скорее преобладает анализ чьих-то высказываний, нежели построение своих.

С другой стороны, этот пример, с моей точки зрения, показывает, что новые техники и типы мышления могут или должны поддерживаться такими единицами, какими для формации мышления, опирающегося на суждение, стали грамматики. А что станет таковым для мышления, активно использующего графические схемы? Я бы тут сделал ремарку: по-гречески схемами назывались фигуры силлогизма. «Фигура» – это по-латыни, «схема» – по-гречески. Поэтому мы переходим к новому поколению (или типу) схем, и этот тип схем будет требовать каких-то других «грамматик».

Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо!

Коллеги, мы имеем возможность задать три вопроса. Да, пожалуйста.

Вопрос. Вы не могли бы пояснить ту фразу, в которой Вы говорите, что до XII века мысли были как бы сами по себе, а риторика сама по себе? Поясните это, пожалуйста, или пример приведите. Ведь даже схемы или мимика все

равно выражают какие-то мысли. Как это так, что не было связи между мыслями и риторикой?

Потемкин. Я бы сказал так: обучение мышлению шло отдельно от обучения языку, а обучение языку – отдельно от обучения мышлению. А в XII веке появились практики, где обучение латинскому языку совпадало с формированием элементарных форм мышления, с обучением элементарным формам мышления.

Щедровицкий. Спасибо! Еще вопрос. Да, прошу Вас.

Левенчук. Всё время звучало слово «грамматики», и особенно в заключении, когда Вы говорили о схемах и грамматиках, – а почему не звучит «синтаксис»? Потому что схемы и синтаксис – это вопрос, который сейчас решается, и синтаксис графических схем, в общем, достаточно легко обсуждается.

Потемкин. Не готов глубоко отвечать на этот вопрос. Пока кратко отвечу. По терминам, которые присутствовали в реальной истории: там использовался термин «фигуры». То, что мы сейчас называем «схемой предложения», называлось «фигуры» – это то, что сейчас в синтаксисе рассматривается под «схемой предложения». Термин «синтаксис» циркулировал, но современного значения еще не было, я бы так сказал.

Щедровицкий. Спасибо! Да, пожалуйста, Рустем.

Максудов. Скажите, пожалуйста, может быть, я просто не до конца понял: а какая, на Ваш взгляд, традиция форм мыслимости институционализировалась в школьных грамматиках, что приобрелось, что потерялось? Я так понимаю, приобрелось то, что на разных этапах терялось, – эта способность суждений. Может быть, еще что-то приобрелось. Но что при этом потерялось?

Потемкин. Я бы ответил так: вся школьная грамматика XII–XVII вв. – это все-таки «арс», свободное искусство, которое изучает свободный гражданин, дабы стать «совершенным членом общества». И это – досуговые вещи, то есть ты можешь этого и не изучать. Это традиция, которая сохраняется скорее в американских и английских элитных образовательных учреждениях, когда человек получает образование не для какой-то конкретной деятельности, а, скажем, для своего определенного человеческо-общественного статуса. Эта традиция – полагать, что мы учимся за счет своего досуга и для самосовершенствования, а не для достижения каких-то прямых прагматических целей или результатов, – иногда утрачивается. Это серьезная коллизия, потому что сейчас начинают преобладать образовательные услуги как покупка своей способности к продаже на рынке себя в качестве работника. Но есть же еще вторая составляющая, которая иногда забывается. Я бы так ответил.

Щедровицкий. Спасибо!

У нас есть возможность высказать три тезиса, которые относились бы к тематике Чтений, то есть про институты и институционализацию, что в докладе отражено, что не отражено и т.д. Борис Васильевич, пожалуйста.

Сазонов. Добрый день!

Мне кажется, что для того, чтобы прояснить эту ситуацию более детально, надо учесть, что это не просто работа с грамматикой, а это работа в ситуации

ции, когда происходит обучение незнакомому языку: не родному языку, а латыни как некоторому универсальному языку с универсальной грамматикой. И там дополнительно возникает проблема – проблема понимания текста, проблема пользования этого текста не на родных языках и т.д. И, по-видимому, проблема привлечения логики в качестве способа обучения, понимания, работы с грамматикой появляется именно в связи с этой ситуацией.

Но дальше возникает очень важный вопрос. Ведь привлекается логика, но аристотелевская логика никогда не была логикой мышления; она была логикой суждения и, на самом деле, рассуждения. И вопрос: почему, каким образом при этом в рамках подобного логического представления возникает еще так называемое представление о мышлении, и в какой мере...

Щедровицкий. И возникает ли?

Сазонов. И возникает ли? Но я говорю мягче: да, вообще-то, возможно, что-то похожее возникает, но это понятие, естественно, не совпадает с теми представлениями и понятиями, которые сегодня мы имеем.

Соответственно, как привлекается и почему от рассуждений включается мышление, и следующий шаг – что происходит, когда возвращаются к родным языкам, что происходит с грамматическими и логическими структурами, и с мышлением в том числе, когда от универсальной грамматики и универсального латинского языка возвращаются к нашим родным языкам?

Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо! Да, прошу Вас.

Волков. Вас было бы легче понимать, если бы Вы отреагировали на вводные слова, которые произносил Петр Георгиевич. Когда Вы пишете в названии «институт европейского мышления», проводите ли Вы различие между грамматиками как технологиями мышления, или для Вас это непременно институциональная форма? Различаете ли Вы в этом – в названии Вашего доклада и в дискурсе, который Вы проводите, – грамматику как *технологию* и грамматику как *институт*?

Щедровицкий. Поскольку у нас вопросы завершены, то воспринимать это как вопрос невозможно. А если у Николая будет ответ, он его даст в заключительном слове.

Пожалуйста, Рустем.

Максудов. Мне кажется, что в докладе неявно (хотя это моя гипотеза) есть такое допущение – и оно, вроде бы, понятно было, и Петр Георгиевич об этом говорил, – что, если представлять мышление как деятельность, то, соответственно, можно обсуждать процесс его институционализации.

Щедровицкий. А если нет, то нельзя. Сильная гипотеза, пока ни на чем не основывающаяся.

Животрепещущие еще есть какие-то суждения? Да, пожалуйста.

Балобанов. Мне кажется, что из доклада отчетливо виден следующий, важный для ключевой темы, момент. Я бы попробовал сказать, что грамматические школы и, соответственно, грамматики в данном случае не задают целостность института. Они вроде бы выступают как средства, способы нормирования, и через это, конечно, задают институт, потому что институт – это нормы.

Но что нормируется? За этим есть подоснова, которую я бы назвал базовыми социальными процессами. Зачем нужно было всем этим заниматься? Затем, что за всем этим стоят как минимум две вещи: образование и влияние. Что такое риторика? Это говорение для того чтобы оказать влияние на других. И это социально важно, а поскольку это социально важно, вокруг этого много всяких интересов, и поверх этого появляется грамматика как нормировка этих процессов, особенно в образовании, и именно так и складывается институт. Мне кажется, что без учета этих базовых социальных процессов восприятие грамматики как института подвисает, поскольку не возникает полноты.

Щедровицкий. Спасибо! Пожалуйста, Николай.

Потемкин. Я прошу прощения, в устном выступлении я опустил некоторые моменты – так, выпали два основных тезиса про институты. С моей точки зрения (и в данном докладе это использовано), эффективно использовать представление об институтах не такое, как на левой схеме (рис. 2 (Потемкин)), когда одному типу мышления соответствует один институт, а такое, как на правой. Это такая «недосхемочка», опирающаяся на представление, бытующее в экономической теории, когда каждому типу рынка соответствуют пять-шесть институтов, когда говорится про «институты свободного общества», что их три, четыре, пять. Скажем, можно предположить, что тип мышления поддерживается пакетом институтов, каждый из которых отвечает за что-то свое.

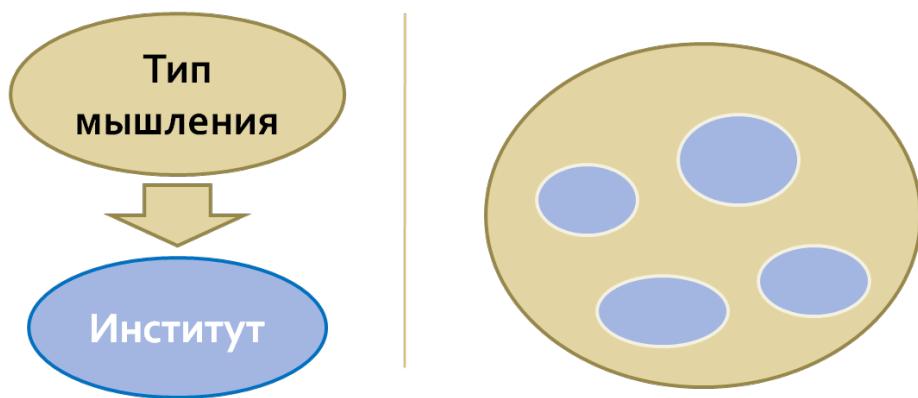

Рис. 2 (Потемкин). Институты мышления: один или набор институтов?

Вторая «недосхемка» (рис. 3 (Потемкин)) указывает, что можно рассматривать институт как то, что очерчивает границу для институционализированных актов, то есть признающихя таковыми – например, актов мышления в рамках какого-то института. Скажем, акты научного мышления в университете и в академии наук – это признаемые институциональные акты научного мышления, а то же самое во дворе или в пивной уже не есть признаваемый акт научного мышления.

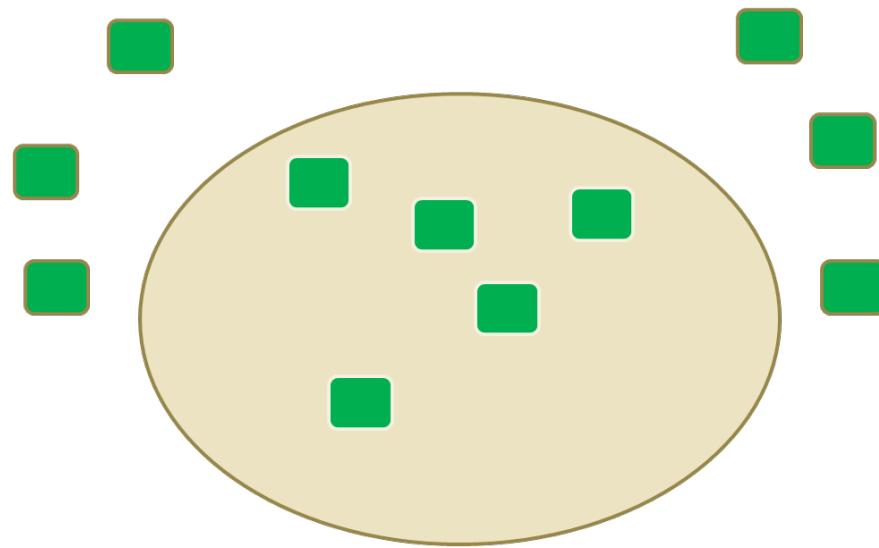

Рис. 3 (Потемкин). Институты и массивы институциональных актов

И третья «недосхемка» (рис. 4 (Потемкин)). В ней, с моей точки зрения, в темном овале (в центре – *Ped.*) должна быть некая схема на основе акта деятельности. Эта схема говорит о том, что есть институты, в которых осуществляется сам базовый акт (образование или неважно какой), задействующий мышление, и есть институты, поставляющие как бы ингредиенты и компоненты, необходимые для осуществления акта мышления.

Рис. 4 (Потемкин). Институты осуществления актов мышления
и институты формирования условий

И тогда, соответственно, грамматики, с учетом последнего замечания, могли бы рассматриваться как институт, поставляющий нормы и технологии в те институты, где осуществлялись акты мышления – например, в суд, или в военную стратегию, или в инженерное искусство и т.д.

Щедровицкий. Всё?

Потемкин. Да. Спасибо.

Щедровицкий. Спасибо большое! Коллеги, поблагодарим докладчика.

Вера Леонидовна, пожалуйста, Ваш доклад.

В.Л. Данилова

Средневековый университет как институт мышления⁷. Доклад, вопросы по докладу и обсуждение

Данилова. Тема моего доклада: «Средневековый университет как институт мышления».

На мой взгляд, обсуждение институтов мышления опирается на следующее предположение: *несмотря на то, что каждый акт мышления осуществляется в ситуации, совокупность актов может быть воспроизведимой*. Эмпирически это выливается в то, что мы видим (и на своем опыте, и при анализе исторического материала), что есть сообщества, в которых акты мышления, во-первых, достаточно сходны (и, благодаря этому, мы можем говорить о типе мышления), а во-вторых, встречаются достаточно часто. А есть места как бы пустые относительно мышления. Этот эмпирический феномен заставляет думать о том, при каких условиях мышление становится возможным.

Я думаю, что никакая система воспроизведения мышления мышление не гарантирует. Но можно предположить, что существует культура мышления, и трансляция этой культуры увеличивает возможность (вероятность) мышления в тех сообществах, где такая трансляция происходит. Собственно говоря, для меня тема институционализации мышления опирается на это предположение.

Итак, рамкой для обсуждения этой темы для меня является проблема воспроизведения мышления. Понятно, что как человека из методологического сообщества меня в первую очередь интересует вопрос о воспроизведении нашей интеллектуальной культуры, то есть о воспроизведении той культуры мышления, которая сложилась в Московском методологическом кружке и дальше развивается, поддерживается методологическим сообществом.

В предыдущем обсуждении уже возникла оппозиция институтов и технологий, и я считаю нужным к ней отнестись. Я думаю, что может быть несколько стратегий, обеспечивающих воспроизведение мышления. Можно идти в сторону технологизации. Это одна из возможных стратегий, когда основное внимание уделяется операциональному составу, правильной последовательности операций и средствам мышления (скажем, тому, о чем писал Зинченко в своих заметках⁸). Можно идти в сторону языков мышления. И несколько лет назад мы сделали этот ход, начав обсуждать схематизацию как язык мысли⁹. А можно идти в сторону институтов. В чем заключается, на мой взгляд, специфика этого пути, я буду обсуждать дальше.

⁷ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

⁸ См.: [Зинченко А.П. Реплика в оппозицию замыслу и теме XVII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого](#).

⁹ См. материалы [Архива методологических конференций по схематизации](#).

Итак, я вполне традиционно буду рассматривать институт как машину воспроизведения. На мой взгляд, *институт – это некая связка из норм разного типа*. Я бы выделила здесь три типа норм, хотя, наверное, это самый первый «подход к снаряду», самое абстрактное, самое бедное представление об институте.

Итак, я предполагаю, что в институте воспроизводятся, во-первых, *нормы мышления и деятельности* (мыследеятельностные нормы). Их, по-видимому, можно соотнести с технологиями. Технология – это один из возможных способов, одна из возможных форм, в которых эти нормы могут существовать.

Во-вторых, в институте воспроизводятся сообщества и, соответственно, *нормы социальной жизни*: отношения, взаимодействия в сообществе, иерархии в этом сообществе, легитимные и нелегитимные способы взаимоотношений в сообществе.

И, наконец, в-третьих, в институте воспроизводятся вполне определенные *требования к человеку*: как требования к его компетенциям, так и требования к его позиции в мире, его амбициям (тоже вполне институциональная компонента). Таким образом, институт задает еще и определенный, соответствующий этому институту образ человека.

Мне очень нравится идея Николая Потемкина о том, что институт задает границы легитимности. И, соответственно, институциональные требования к человеку разделяют «правильных» для этого института людей (тех, кого можно считать достойными членами института) и «неправильных». То же самое относительно сообщества. В любом сообществе могут быть самые разные отношения, но институциональность позволяет различать институционально достойные, институционально приемлемые и институционально неприемлемые отношения и взаимодействия.

Соответственно, то, что я сказала, я выражаю в такой схеме, которую рассматриваю как самую абстрактную схему ядерной структуры института (рис. 1 (Данилова)). Итак, есть три типа норм, и они нормируют одно и то же.

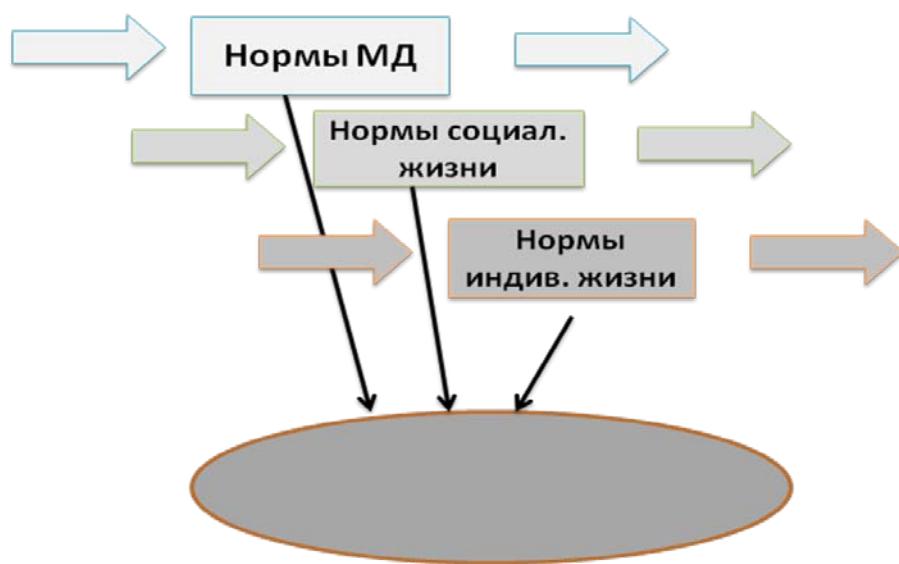

Рис. 1 (Данилова). Схема «института»-1

При этом надо обратить внимание, что в плане реализации эти нормы относятся не к одному объекту, а к некоторой совокупности различных социальных организаций. Например, я буду говорить об университете, понимая, что университет как институт представлен рядом отдельных учреждений, которые с какого-то момента начали называться словом «университет». И, кроме того, он представлен еще и в ряде организаций, которые обеспечивали существование университета. Например, переписка книг или их хранение тоже входят в эту систему университета, притом, что это могут быть отдельные по отношению к университету организации.

Дальше, например, непонятно, входят ли грамматические школы в структуру университета как организации – хотя они, безусловно, входят в университет как институт мышления (рис. 2 (Данилова)). За счет этих трех типов норм нормируется, регламентируется жизнь набора отдельных социальных популяций (обозначены на схеме кружочками). В общем-то, я здесь использую идею populatивного объекта, которая, к сожалению, хотя и начала обсуждаться достаточно давно¹⁰, но до сих пор не получила развернутого логического и методологического анализа.

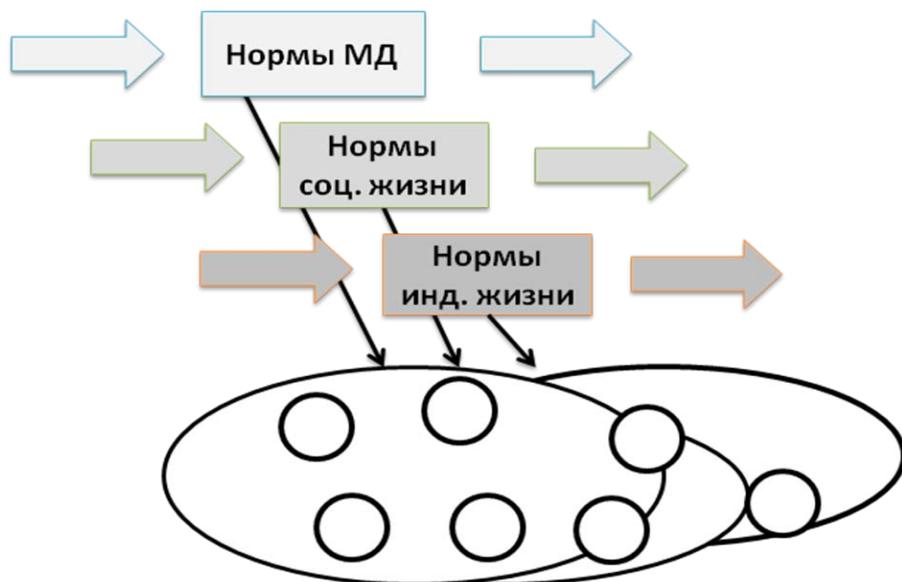

Рис. 2 (Данилова). Схема «института»-2

Еще на этой схеме (рис. 2 (Данилова)) я показала, что границы единиц, которые нормируются каждым из типов норм, могут не совпадать. И в этом смысле можно выделить *ядро* реализации института – это те единицы, те социальные организмы, в которых реализуются все три типа норм, – и *периферию*, в которой реализуются один или два из этих типов норм. В общем-то, понятная, знакомая всем по жизни ситуация, когда «уже научились пить, как Есенин, еще б научиться писать, как Есенин» (то есть на языке этой схемы человече-

¹⁰ [Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта](#) // Системные исследования. Ежегодник. 1975. М.: Наука, 1976. – В.Д.

ский образ поэта реализуется, а технологии деятельности не реализуются). Впрочем, возможно и такое, что технологии деятельности, которые поддерживаются институтом, осуществляются за пределами сообщества или осуществляются теми людьми, которые не соответствуют (или не считают нужным соответствовать) институциональному образу носителей этих технологий.

Наконец, еще один ход формального усложнения схемы (я сейчас разворачиваю схему, опираясь на деятельностные представления, то есть сугубо формально). Он заключается в том, что если у нас есть три типа норм, имеющих разное происхождение, разную динамику изменения, разные циклы жизни, разные связи с остальным социальным миром, очевидно, что даже если в какой-то момент эти нормы будут согласованы, то через некоторое время рассогласование между ними неизбежно.

Это рассогласование может проявляться в том, что разные типы норм начинают растягивать отдельную организацию в разные стороны, создавая в ней конфликты, когда, скажем, норма деятельности требует одного, а норма, сложившаяся в соответствующей тусовке, требует другого. Или же это может выражаться в конфликте между различными организациями, в которых соотношения между этими нормами устанавливаются по-разному. И вроде бы понятно (опять-таки, из общей логики развертывания деятельностных представлений), что такого рода конфликты приводят к тому, что участники этих ситуаций выталкивают вытолкнуты в рефлексивную позицию. Так образуется рефлексивная коммуникация по поводу происходящего, то есть по поводу всей системы, в которой есть эти различные социальные организованности, в которых есть различные каналы трансляции, различные механизмы нормировки и т.д. И здесь уже отдельным людям, а не институциональным фигурам, приходится искать выходы из складывающихся конфликтов (рис. 3 (Данилова)).

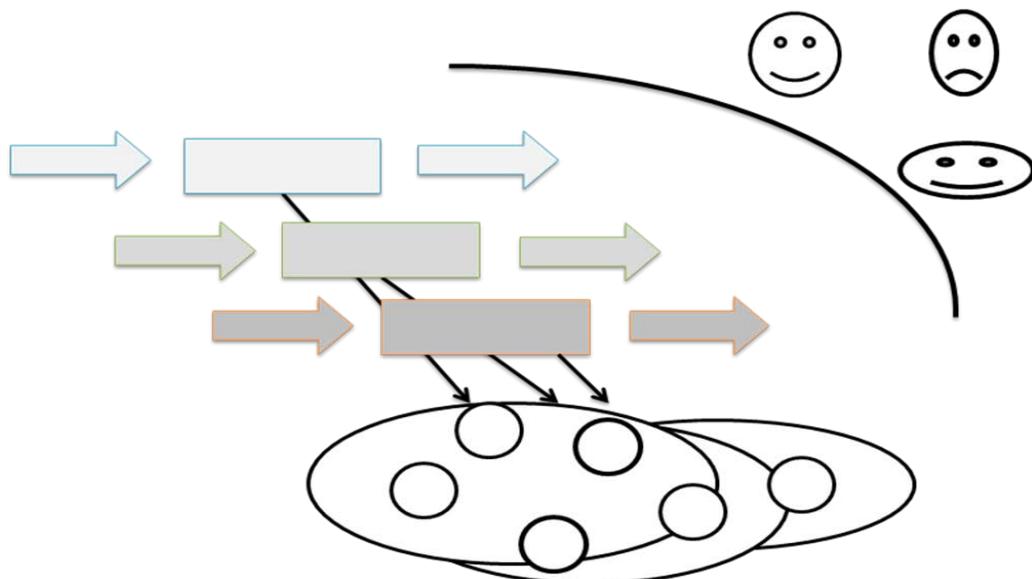

Рис. 3 (Данилова). Схема «института»-3

Прошу прощения, что я это рефлексивное сообщество обозначила не привычными нам фигурками, а «мордочками». Просто это было легче рисовать. Но наличие «мордочек», на мой взгляд, позволяет передать еще один важный здесь смысл. Вообще говоря, рефлексивная коммуникация поддерживается за счет того, что в рамках соответствующих конфликтов появляются разные стратегии выхода из них, появляются разные (вплоть до прямо полярных) оценки происходящего – от эйфории до алармизма. И на этой «разнице потенциалов» поддерживается рефлексивная дискуссия. Я бы сказала, что именно здесь возникает необходимость в согласовании институциональных и клубных структур, о котором в [своих тезисах очень точно написал Рустем Максудов](#).

На этом я заканчиваю формальное разворачивание схемы. *Что же я, исходя из этой схемы, буду называть институтом мышления?*

Двигаясь совершенно формально, я говорю, что институт мышления – это, во-первых, то, где транслируются и воспроизводятся нормы мышления (а к ним могут относиться логики, оперативные системы, онтологии, предметные конструкции). Во-вторых, это то, где воспроизводится фигура мыслителя, или фигура мыслящего человека (соответственно, статус этого мыслителя в обществе, с одной стороны, и требования к этой фигуре, идущие изнутри института, – с другой). И, наконец, в-третьих, институт мышления – это то, где транслируются и воспроизводятся интеллектуальные сообщества, сообщества мыслящих. Если посмотреть на историю, то можно видеть, что право (и груз обязанностей) мышления социально приписывалось разным сообществам.

Я считаю, что какая-то схема института, пригодная для дальнейшего употребления в анализе кейсов, таким образом уже положена. И дальше я перехожу, собственно, к анализу исторического материала. Итак, в качестве своего исторического кейса я выбрала средневековый университет. На мой взгляд, это достаточно очевидный пример становления института мышления, удовлетворяющего тем требованиям, которые я сформулировала на предыдущем шаге.

Здесь я бы апеллировала к исследованиям медиевистов и тех, кто исследует историю европейского интеллектуала, например, к авторитету Жака Ле Гоффа. Он считает, что именно в этот период и именно в связи со становлением университета возникает европейский интеллектуал как определенная фигура, и дальше эта фигура уже транслируется¹¹ – можно проследить до настоящего времени, как при сохранении некоторой базовой характеристики изменяется эта нормативная, в общем-то, фигура европейского интеллектуала.

Кроме того, я бы здесь апеллировала к исследованиям Павла Уварова – российского медиевиста, который обсуждает университетскую корпорацию как сообщество, становящееся носителем ученых занятий, теоретического мышления, и начинает представлять это теоретическое (аристотелевское во многом) мышление для общества¹².

Я беру временные рамки со 2-й половины XI века до 1-й половины XV века и делю эту историю на три этапа. На первом ее этапе, собственно го-

¹¹ См.: *Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2003. – В.Д.*

¹² См.: [Уваров П. У истоков университетской корпорации \(лекция\)](#). – В.Д.

воля, доинституциональном, университет как определенная институция еще не оформлен и то, что будет называться университетом, существует как весьма анархическая совокупность разного рода школ. Второй этап – этап институционализации, и здесь уже, говоря нашим языком, появляется «universitas» как юридическое лицо. Это конец XII века – XIII век, может быть, начало XIV века. И XIV век – это критика и попытка трансформации сложившегося и очень быстро начинавшего закостеневать университета.

Я буду во многом пропускать исторический материал, он есть в тезисах. Что наиболее важно, на мой взгляд, для первого этапа?

Первый этап – это бурный рост городов. Мне симпатична идея Н.А. Потемкина и В.М. Розина¹³ о том, что институт никогда не был изолирован, становление отдельного нового института всегда происходило в контексте крупных институциональных сдвигов. Таким большим институциональным сдвигом в это время является возникновение и бурный рост торговых городов. Ле Гофф, говоря о городах, постоянно использует метафору большой стройки¹⁴. Все это происходит на фоне быстрого прироста населения, вследствие чего многие люди не могут занять традиционные для них социальные места. И все эти потерявшие свое социальное место люди в конце концов скапливаются в городах (за исключением тех, кто отправляется в крестовые походы или разбойничает на больших дорогах). Городам достается довольно большой приток населения, город – это место, где можно очень резко изменить свою жизнь, где люди достаточно индивидуализированы и свободны. И это – место, где начинает складываться большое количество всякого рода сообществ в силу указанной неопределенности и опасности жизни. В том числе в городах бурно растут разных родов школы – от простого обучения латыни или основам математики до достаточно сложных программ, которые предлагают епископальные школы, где тоже начинают с латыни и математики, но заканчивают теологией.

По идее, в это время все образование находится в ведении церкви, то есть всем этим хозяйством расширяющихся и очень разнообразных школ ведает епископ. Но, как я понимаю, в силу очень бурного роста и большой анархии происходящего достаточно много школ находят какие-то возможности выйти из-под этого колпака. Например, в Париже появляется возможность пойти под покровительство мощного аббатства, достаточно независимого. Словом, появляется определенная возможность лавирования, которой все эти школы активно пользуются, а в результате практически никто не контролирует содержание образования и формы работы новых школ.

Здесь складывается несколько важных университетских традиций, которые начинают воспроизводиться; в частности, это система «семи свободных искусств». Вообще говоря, теоретически она была оформлена раньше, но в это время становится массовой практикой обучения, под нее создаются учебники.

Очень важно, что преподавание ведется на латыни. Представьте себе эту ситуацию феодальной раздробленности, в которой ученое сообщество с самого

¹³ Доклады на семинарах ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» по подготовке Чтений. – В.Д.

¹⁴ См.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. – В.Д.

начала складывается как внетерриториальное и внеэтническое, как сообщество, которое самоопределяется во всем христианском мире (латынь – это еще и язык проповеди, язык церкви). Именно здесь, в этой большой городской стройке, во всей инновационной зоне быстро развивающегося торгового города складывается фигура интеллектуала. С одной стороны, он посвящает себя ученым занятиям – мыслит, читает, перерабатывает тексты (культура средневековья – это вообще во многом культура текстовая, письменная), переводит, сравнивает разные тексты между собой. Это человек, занимающийся мышлением. Но, с другой стороны, по образу жизни он такой же мастеровой, как и все остальные. И то, что школяры и преподаватели начинают объединяться в сообщества, аналогичные цехам, – это нормальное самосознание этих людей: они в первую очередь горожане, *оны ученые, но они и ремесленники*. Кстати, здесь возникает очень важный, близкий нам поворот, когда мышление начинает рассматриваться как ремесло, а не как личная способность очень умных людей. Соответственно, *это требует подготовки, это требует освоения определенных средств и техник, и это может демонстрироваться публично*. Степень подготовленности к мышлению и место в цеху может и должно защищаться публично – так же как защищалось во всех остальных ремесленных цехах право на то, чтобы перейти от ученика в подмастерья, от подмастерья в мастера.

Есть еще одна очень важная характеристика времени, добавляющая к общей проблемности городской жизни также и собственную проблемность научных занятий: в это время бурно переводятся тексты с арабского. Это и арабские тексты (в частности, математические и медицинские трактаты), и Аристотель. Ведь именно в это время происходит рецепция Аристотеля Европой¹⁵. Переводятся логические работы, переводится «Метафизика», которая до этого времени вообще была для Европы недоступна¹⁶.

Работы Аристотеля становятся очень востребованными, очень популярными среди ученого сообщества. Это создает очень сильные внутренние проблемные напряжения, поскольку ученое сообщество поддерживает ценность систематичности и непротиворечивости системы знаний. Это значит, что Аристотель должен быть, в частности, согласован с учением церкви. В общем-то, ученые занятия – это христианское движение, хотя отдельные школы и пытаются административно быть максимально независимыми от епископа, но общее мировоззрение – христианское. И обсуждение того, как Аристотель соотносится с теологией, – это одна из очень мощных линий проблематизации, которая через некоторое время выливается в осуждение ереси аверроизма.

¹⁵ Собственно, именно это новое обращение к пропавшей на века древности, которую обнаружили в огромной арабской библиотеке (библиотека аль-Хакама II насчитывала 400–600 тыс. томов) освобожденного от мавров города Кордовы (1236 г.), и есть то, что стали называть «Возрождением» – возрождением пропажи. И далее в Толедо работала знаменитая школа переводчиков, познакомившая христианский мир с трудами арабских ученых, а также с классическими произведениями Аристотеля, Птолемея и других столпов античной науки, к тому времени утраченных и существовавших только в арабских переводах. Особую поддержку переводчикам оказывал король Альфонс X Мудрый. – Ред.

¹⁶ О переводах Аристотеля см.: Градировский С.Н. Институционализация мышления в истории Церкви // Доклад на XVIII Чтениях памяти Г.П. Щедровицкого. Наст. выпуск. Ч. 2 – Ред.

Дальше – еще один интересный сюжет. По мере того как аристотелевская логика принимается преподавателями, возникает требование к построению любой дисциплины, любого – на нашем языке – учебного предмета в рамках Аристотелевой логики. Например, арабская медицина должна подчиняться требованиям аристотелевской логики. А еще в это же время параллельно происходит рецепция права. Согласовать его с логикой, конечно, проще, чем медицину, поскольку все-таки это складывалось в одном интеллектуальном контексте, но понятно, что там тоже могут возникать какие-то сложности.

На *втором этапе* то, что я сейчас описала, приобретает форму «*universitas*». «*Universitas*» – это юридический термин той поры, обозначающий что-то вроде того, что мы сейчас называем юридическим лицом. Это новый, появившийся именно с ростом городов тип отношений, когда члены сообщества приносят присягу друг другу. Собственно говоря, «*universitas*» – это нормальный ремесленный цех. Соответственно, цеха, в которые объединяются люди, причастные к обучению и ученым занятиям, начинают регламентировать систему преподавания: складывается система из базового факультета семи свободных искусств (это означает, что диалектику, логику, математику и т.д. должны изучать все как базу для любого преподавания) и высших факультетов (медицины, права и теологии).

Здесь важной для нас линией является линия, начавшаяся еще на предыдущем этапе, – линия классических диспутов. Это та форма, в которой преподается и усваивается диалектика. Здесь, в силу введенных этими «*universitas*» норм, каждый студент должен пройти некоторое количество диспутов (насколько я помню, шесть диспутов). Человек, получающий степень, и экзамен сдает в форме проведения диспута, и свою квалификацию ему постоянно надо подтверждать участием в диспутах.

Кроме того, диспут становится еще очень удобной формой безопасного обсуждения всяких достаточно острых проблем. Там можно обсуждать то, что в других обстоятельствах будет считаться ересью. Кстати, через некоторое время диспут становится небезопасным, но в конце XII века – в XIII веке диспут еще вполне безопасная форма проблематизации теоретических положений.

Наконец, *третий этап*. Почему я считаю этот этап важным? Мы знаем критику средневекового университета со стороны гуманистов Возрождения. Средневековый университет критикуется за догматизм, за очень бедный язык, за оторванность от жизни. И, в общем-то, за то, что мышления там нет – нет ничего, кроме формальной бессмысленной передачи замшелых систем знания. Во многом они правы, но – не относительно начала этой истории. Они правы относительно того, что произошло с университетом в XIV веке. Фоном происходящего с университетами являются демографический спад, общее окостенение социальных структур, установление мощной церковной иерархии и церковной власти (папская реформа к XIV веку практически завершена, церковь – это единая централизованная система). В отличие от инновационного хаоса городов XI–XII веков общая обстановка XIV века – это обстановка стабильности, четких иерархий и достаточно жесткого контроля за содержанием образования (осуждение аверроистской ереси – это как раз конец XIII века).

Кроме того, как правило, контроля и не требуется, поскольку стремление к построению систематизированного знания приводит к тому, что внутренняя проблематизация, внутренние противоречия тех знаний, которые транслируются через университет, уже перестали существовать. В результате, например, диалектические схоластические споры становятся просто логической игрой, где повторяются во многом знакомые темы. Та новизна, которая может в этой игре возникнуть, – это, скорее, сложность, изящество аргументации, чем какая-то новизна мысли или тезиса.

Итак, подводя итоги, я утверждаю, что университет как сеть университетов, то есть как институт, который существовал на всей территории Европы, был институтом мышления. Я думаю, что именно это было *первой формой институционализации теоретического мышления европейского типа*. Он был институтом мышления по тем трем важным для меня характеристикам, которые я выделила: сложилась фигура интеллектуала, сложилось сообщество, сложились каналы трансляции технологии мышления, каналы трансляции норм мышления в виде логик и [грамматик](#).

Но в этой машине *не транслировались* – ни в форме структуры сообщества, ни в форме мыслительных технологий – механизмы проблематизации. По-видимому, вообще *связка из работы с книгой и преподавания проблематизацию не транслирует*. Я думаю, что можно обсуждать, например, гумбольдтовскую реформу университета как попытку ввести внутрь университета механизм проблематизации. Кроме того, не транслировались и механизмы, обеспечивающие целенаправленность и, в общем-то, объектность мышления. Фактически, эта машина стала транслировать только нормативный аспект мышления, не транслируя два остальных (целенаправленность и объектность). И, по-видимому, тот факт, что мышление к концу XIV века начинает уходить из университета, был связан с тем, что новый виток проблематизации потребовал противопоставления содержательного мышления всей этой машине, транслирующей формы.

У меня всё, спасибо!

Щедровицкий. Воспользуюсь одной из опций задавания вопросов. В самом начале Вы оговорились, что средства, с Вашей точки зрения, являются единицей технологии и технологической организации – в отличие от институциональной. Позволю себе усомниться в этом, потому что если Вы говорите об орудиях, то я с Вами готов согласиться. Если Вы говорите о технических приемах – да. Но ведь средства по определению – это то, чем может воспользоваться в пределе каждый участник, то есть это то, что прошло стадию нормировки, иначе это не становится средством по понятию. Вы будете настаивать на этой оговорке или готовы ее снять?

Данилова. При разделении орудия и средства готова снять. Конечно, средство задает еще и институциональное место, а также средство соотносимо

и с фигурой человека. Кстати, Георгий Петрович это обсуждал в лекциях по малым группам¹⁷.

Щедровицкий. Так точно. Нет, я вообще не сомневаюсь, что Георгий Петрович это обсуждал. Я просто хочу, чтобы мы здесь друг друга понимали.

Данилова. Согласна. Я не различала в этом месте средства и орудия.

Щедровицкий. Спасибо. Коллеги? Да, Рустем.

Максудов. У Вас был очень интересный для меня кусочек, когда Вы обсуждали рефлексивную коммуникацию. И вопрос такой: что по отношению к институтам? Это какая-то институциональная часть – или неинституциональная и, соответственно, она требует тогда понимания, исходя из разных средств схемы двойного знания и т.д.?

Данилова. Спасибо, очень интересный вопрос. Хотя, Рустем, я не знаю, относительно границы, как Вы скажете: она институциональна или неинституциональна? На мой взгляд, именно такая рефлексивная коммуникация задает целостность института, образуя как бы «кокон» вокруг него. Смотрите: Павел Уваров, историк, обсуждая вопрос, с какого момента мы можем считать, что университет возник, в качестве критерия выбирает появление заявлений людей, принадлежащих университету, относительно того, что университет не такой, каким он должен быть¹⁸. Он обнаруживает, что начиная с XIII века и по настоящее время университет постоянно критикуется (причем критикуется не внешними людьми, а внутренними). Он считает, что возникновение критики такого рода (сам феномен этой критики) указывает на то, что некий «институт» возник, существует, и он жив, пока осуществляется эта критика.

Щедровицкий. Вы удовлетворены? Пожалуйста, Ваш вопрос.

Вопрос. А сами институты мышления равномощны, равносильны – или, скажем, у одних мышление хуже развито, чем у других?

Данилова. Я думаю, что нет какой-то абсолютной шкалы, позволяющей сравнить разные институты мышления, хотя можно говорить, что для решения определенного типа проблем одни институты окажутся более эффективными, чем другие.

Щедровицкий. А если бы нужно было какой-то мягкий рейтинг провести, Вы бы куда отнесли университет как институт мышления? Ладно, подумайте.

Данилова. Могу попробовать ответить. У университета есть два преимущества перед многими другими институтами мышления. Во-первых, он оказался устойчивым и долговечным. Во-вторых, он поддерживает и передает теоретическое мышление, то есть способность строить идеальные объекты,

¹⁷ Щедровицкий Г.П. Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 3. М.: Путь, 1999. С. 324–325. – В.Д.

¹⁸ Уваров П. Указ. соч.

В настоящее время вопрос о том, что считать «настоящим» университетом, обсуждается также и американский исследователь, см.: Альтбах Филипп Г. Возвышение псевдоуниверситетов // Вестник высшей школы (Alma Mater). 2001. № 12. В свою очередь, очень подробно обосновывается необходимость философской дискуссии по поводу того, что есть «университет» в современном мире для полноценности деятельности такого рода учебного заведения, в работе болгарского исследователя, см.: Къесев А. Университет между фактами и нормами // Отечественные записки. 2002. № 2. – Ред.

способность их трансформировать, способность, опираясь на идеальные объекты, строить суждения. Я не знаю других институтов мышления, которые были бы столь же устойчивыми и столь же хорошо поддерживали работу с идеальными объектами. Хотя университет заведомо проигрывает тогда, когда мышление должно быть быстрым, изменчивым, ситуативно-определенным. Это оборотная сторона его достоинств.

Водолажская. Вы говорили о трех аспектах, которые в комплексе позволяют университету становиться институтом мышления. Я бы хотела спросить, а в каком из этих аспектов фиксируется процесс проблематизации?

Щедровицкий. Подождите, Вы о каких трех аспектах говорите?

Водолажская. Речь шла о трансляции сообщества, трансляции...

Щедровицкий. Это не были аспекты, которые позволяют университету становиться институтом мышления. Это были характеристики понятия института – рабочего понятия, которым воспользовалась Вера Леонидовна.

Водолажская. Отлично. Но они все присутствуют в средневековом университете, насколько я понимаю.

Щедровицкий. Раз они присутствуют в понятии, то они будут присутствовать во всех экземплярах. Когда вы понятие прикладываете к чему-то, то потом оно у вас и присутствует. Вы слышите, что я говорю? Еще раз вопрос задайте.

Водолажская. Я и пытаюсь его задать. Я услышала, что регресс средневекового университета был связан с тем, что не была протранслирована, не была воспроизведена проблематизация. Каким образом может в университете как институте мышления эта проблематизация быть зафиксирована?

Щедровицкий. Моя версия – никаким.

Водолажская. Но тогда получается, что институт мышления и институционализация мышления невозможны.

Щедровицкий. Почему? Наоборот!

Водолажская. Но мышление уходит из институтов, которые...

Щедровицкий. Ну и что, ну уходит.

Водолажская. Так значит – невозможно.

Щедровицкий. Возможно.

Данилова. Подождите. По-моему, это очень хорошо, что какие-то формы мышления институционализируются, становятся устойчивыми – а фронтير постоянно уходит. Хотя, наверное, гумбольдтовская модель поддерживает проблематизацию лучше, чем средневековая.

Щедровицкий. Я так понимаю, Вера Леонидовна, что девушка просто работает где-то в учебном заведении и мечтает о том, чтобы в него вернулось мышление. Не вернется!

Водолажская. Нет, не работаю и не мечтаю.

Щедровицкий. Тогда в чем проблема? Ну и ушло – и слава Богу!

Водолажская. Дело в том, что я мечтаю об институционализации мышления, в частности, в Белоруссии.

Щедровицкий. Это сложно.

Водолажская. Да, это сложно, но, думаю, не сложнее, чем в России. Думаю, что проблемы общие.

Градировский. Вера Леонидовна, не кажется ли Вам, что эта реконструкция истории средневековых университетов, опирающаяся на европейских медиевистов, не совсем точна? Потому что, в частности, первые университеты Европы – это все-таки IX–X век, Кордова. И если мы учтем, что европейские университеты строились по прототипу и под сильным влиянием кордовского, который был уничтожен только в 1263 году¹⁹, то есть они некоторое время параллельно существовали и были очень тесно связаны, то здесь налицо просто пример переноса явно сформированного института в иную социокультурную среду. Из развитого, рафинированного арабского мира, когда на полумиллионный город присутствуют десятки библиотек и почти всеобщая грамотность, мы это переносим в средневековую Европу, где библиотека – это что-то странное, и даже правящая элита не сильно грамотна...

Щедровицкий. Сергей, а Вы какого ответа-то ждете?

Градировский. Я хочу какую-то проблематизацию подхода.

Данилова. Этот вопрос обсуждался у нас на семинаре²⁰, я попробую кратко ответить. На мой взгляд, университетская сеть Европы уникальна, тогда как в преподавании, безусловно, использовались как арабские, так и византийские образцы и учебники. Там можно византийское влияние прослеживать. Но в целом институт – если понимать его, во-первых, как такое странное транснациональное явление, во-вторых, как самостоятельную и претендующую на власть корпорацию интеллектуалов и, в-третьих, как то, что поддерживало образ свободного интеллектуала, – в таком виде в арабском мире никогда не существовал.

Щедровицкий. Смотрите, а я могу по-другому ответить. Ну и что, что было? Было и померло. Но память осталась о том, что было. А хочется обеспечить устойчивость воспроизведения, особенно каких-то элементов этой практической «былости». И возникает задача институционализации. Вроде бы Ваш пример как раз и льет воду на мельницу доклада и говорит: «Правильно выбрала материал Вера Леонидовна, поскольку ее интересовала не вспышка сверхновой, а интересовал процесс институционализации». Лет через 200 будут говорить: «Оказывается, в Советском Союзе в 1960-е годы было методологическое мышление. Но институционализации не произошло»... А хотим институционализировать – ищем форму, находим. Она принципиально другая, нежели те, которые были тогда использованы или возникли, сложились в конкретном социальном контексте. Вопрос Ваш совершенно непонятен.

¹⁹ Скорее всего, это оговорка – собственно Кордова была освобождена от мавров в 1236 г. Отделившаяся от арабского халифата провинция аль-Андалус именуется в исторической литературе по своей столице – Кордове. Независимый Кордовский эмират/халифат просуществовал с 755 по 1031 гг., когда в нем началась смута, и он распался на мелкие государства-тайфы. А в 1236 г. в период Реконкисты уже ослабленная Кордова перешла под власть кастильского короля Фердинанда III. См., напр.: Никитюк О.Д. Кордова, Гранада, Севилья – древние центры Андалусии. М., 1972. – Ред.

²⁰ Имеются в виду регулярные методологические семинары в ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». – В.Д.

Данилова. Если можно, реплику сюда же. Александр Ковальский на семинарах высказал очень интересную в этом контексте мысль, что вообще институциональная проблематика появляется в связи с попытками перенести некоторую систему норм в другой социокультурный, экономический или правовой контекст. Когда перенос не удается и обнаруживается, что переносилась только «верхняя часть айсберга», появляется необходимость анализировать институты.

Богин. Можно ли, на твой взгляд, говорить о таких ситуациях, когда институт мышления перестает существовать, исчезает? Есть ли какие-то критерии, что он исчез? Раз он возникает – значит, он может и исчезнуть.

Данилова. Конечно. У каждого отдельного института мышления есть свой цикл жизни. Он рождается, взрослеет, стареет и помирает.

Богин. Да, тогда с чем это связано?

Данилова. Но при этом я надеюсь, что мышление бессмертно.

Богин. Меня интересуют конкретные институты мышления. Например, то, что сейчас здесь происходит. Поэтому меня интересует, что происходит, когда начинает умирать институт мышления. То ли прекращается воспроизводство, то ли мышление исчезает? Как это понять?

Данилова. Я же это на примере университета как раз обсуждала в связи с тем, что оттуда ушла проблематизация и, соответственно, ушла и онтологическая направленность, поскольку она на проблематизации держится. И ушла целенаправленность, в частности. Вообще говоря, я думаю, что так же, как и по отношению к отдельным человеческим индивидам, причины смерти каждый раз нужно анализировать отдельно.

Долженко. У меня вопрос и отношение к Вашему сообщению.

Щедровицкий. Это не вопрос, да?

Долженко. Вопрос.

Щедровицкий. Тогда вопрос.

Долженко. Когда Вы говорите об университете, Вы упускаете очень важный момент. Случайно это или нет? Ведь университет возник как общежитие студентов-иностранцев, проживающих в чужом городе. «Студио генерале» – это было место, в котором обучали. Это очень интересно с точки зрения образования сообщества.

Второе, случайно ли Вы упустили то, что средневековый университет задал образец учебной дисциплины в виде теологии, которая задала вообще-то всю схему мышления?

И, наконец, последнее. Университет не распространялся по Европе разово – это был процесс расползания и европеизации всей культуры этого пространства. Мы очень часто говорим о схоластике, но саму по себе логику распространения определенного типа мышления, базирующуюся на определенной системе ценностей, в частности, теологических ценностей, которые трансформировались в правовое лоно канонического права, гражданского права и т.д., мы как бы упускаем. А ведь там заложено все будущее европейской культуры, и с этой точки зрения о Кордове, конечно, нужно помнить, но это было абсолютно самостоятельное явление.

Щедровицкий. Это был вопрос.

Данилова. Спасибо. Я очень многое из того, что нужно было бы сказать про университеты, опустила, экономя время. Я приму практически все, что Вы сказали, кроме, наверное, первой реплики: для Болоньи то, что Вы сказали, верно на 100 %, для Оксфорда – скорее нет, чем да, а для Парижа – надо смотреть. И я бы говорила о том, что «universitas» всегда складывались в связи с тем, что студентам и преподавателям нужно было защитить себя в этом очень небезопасном мире. Иногда эта необходимость самозащиты усиливалась тем, что студенты были иностранцами. Там еще складывались в некоторых местах механизмы, обеспечивающие безопасность передвижения, – это важно для системы средневековых университетов, потому что там студенты и преподаватели ходили из одного университета в другой, там вся сеть университетов была связана постоянным перемещением между ними участников этого действия.

Щедровицкий. Высказывания. Пожалуйста, Борис Васильевич.

Сazonov. Мне кажется, что здесь по методу была попытка такого генетического исследования университета как института мышления. Но в этой методе, мне кажется, был допущен один очень важный просчет. Проблема генезиса того же университета как института не сводится к тому, чтобы сначала дать некое понятие, потом подводить под него. Это уже некое иллюстративное рассуждение по содержанию, поскольку понятийный уровень дан в исходной части.

Щедровицкий. Сразу можно прервать? Ты имеешь в виду в изложении или в реальном движении? Потому что они были разными.

Сazonov. В мысли, я имею в виду. В методе, которым работала Вера.

Щедровицкий. В методе, которым работала Вера, было точно так, как ты сейчас хочешь сказать. А в изложении она переставила, думая, что это поможет Вам не задавать ей вопросы про институты.

Сazonov. Послушай, что я скажу, а потом отнесешься. Там проблема заключается в следующем. Надо рассматривать не только генезис университета как института, но и генезис самого института. Иными словами, становление университета есть становление самого института. И в этом смысле он не задается первоначально как некоторое понятие, а рассматривается в контексте этого генетического процесса. Эта, с моей точки зрения, методологическая ошибка ведет к очень важной склейке, которая, как мне кажется, не позволяет нам понять ту проблематику, которая здесь реально обсуждается. Ведь проблема заключается в том, что есть два очень важных момента. Это становление университета как средства воспроизведения чего-то, как формы воспроизведения. И тогда вопрос: чего и как? И второй момент, когда возникает проблема воспроизводства самого университета как сложившейся институции. Возможно, что какие-то проблемы мышления возникают именно во второй части при оценке, критике и т.д. И надо это показать.

И в результате третий – с моей точки зрения, методологически очень важный – просчет заключается в следующем: если университет и, наверное, институт можно рассматривать в таком историческом, генетическом ключе, то вряд ли можно положить мышление как некоторый естественный феномен. Поэтому что в самом начале было объявлено: мышление есть то-то и то-то. И тогда

нет проблемы развития мышления в контексте становления того же университета, становления тех или иных институтов. Остается одна пустая, с моей точки зрения, проблема институционализации этого некоторого естественно существующего мышления и отслеживания, в университете оно присутствует или отсутствует, институционализировано оно или нет.

Иначе говоря, проблема заключается в том, что само мышление точно так же является историческим феноменом, который подлежит генетическому исследованию, и в том числе применительно к вопросу, институционализируется оно или нет. А если институционализируется – то в каких формах? Возможно, что придется, решая вопрос институционализации, отказаться от понятия мышления вообще.

Щедровицкий. Спасибо. Рустем.

Максудов. Мне кажется, есть очень интересная гипотеза, которая, может быть, присутствовала в докладе неявно. Возможно, я интерпретирую как-то, но здесь есть очень важный момент, связанный с циклами жизни института, которые были показаны Верой Леонидовной на историческом материале. На мой взгляд, необходимо обозначить такие точки в цикле жизни института, когда есть свободные внеинституциональные структуры клубного типа, и в этом смысле свободное мышление – это первая точка. Потом они превращаются в нормативное мышление – и я бы назвал это не мышлением, а мыслительной деятельностью. И очень важно, если привлекать категории процесса и механизма, понимать, каков механизм этого, и методологически уже анализировать это. И самый интересный момент – это деградация мыслительной деятельности. На мой взгляд, она как-то связана – это тоже гипотеза – с нормативизацией клубных структур.

Щедровицкий. Спасибо! Исаак, пожалуйста.

Фрумин. Возможно, я пропустил сюжет с искусственным и естественным, но, судя по тому, что сказал Борис Васильевич, кажется, что нет. Потому что, как я понимаю, Вера Леонидовна сделала предположение, что университет и создается, и проектируется, если хотите, как институт мышления. Неверно рассматривать это предположение без того, чтобы рассмотреть альтернативу, что мышление там возникает, и затем возникает задача его институционализации. Судя по комментарию коллеги из Белоруссии [Водолажской] и комментарию, который дал в ответ Петр [Щедровицкий], университет не является институтом мышления. Университет может институционализировать мышление, а может и остаться пустой формой.

Щедровицкий. Секундочку. «Не является» – это у Вас суждение сегодняшнего дня или суждение прошлого с учетом историчности и исторического развития типов и форм мышления, о котором говорил Сазонов?

Фрумин. Я не услышал в докладе доказательства того, что университет проектировался и в этом смысле был институтом мышления. И всё.

Щедровицкий. Мне кажется, что только этому и был посвящен доклад вообще. А Вы не услышали.

Фрумин. Я не услышал доказательства. Рассказывалось, что там было мышление.

Щедровицкий. Доказательства Вам в какой форме дать?

Фрумин. Очень просто.

Щедровицкий. Помните, как позвали русских специалистов выяснить, какой фараон лежит в гробнице. Они вышли и сказали, отряхивая руки: «Тутанхамон 36-й». У них спрашивают: «Как вы узнали?». – «Сам сказал».

Фрумин. Николай Потемкин, с моей точки зрения, довольно убедительно показал, что есть альтернативные взгляды и альтернативные трактовки того, [как строился средневековый университет](#). И действительно, недавно я обсуждал это с коллегами и тоже пытался доказывать то, что доказывала Вера Леонидовна. На что мне было сказано, что до сих пор, скажем, Оксфордский университет или Кембриджский, которые унаследовали в значительной степени идеологию и культуру своих самых ранних этапов развития, являются институтами дисциплинирования, институтами воспроизведения, абсолютно социальными институтами, не имеющими никакого отношения к мышлению.

Щедровицкий. Исаак, вообще непонятно, что ты говоришь. Сам тезис о том, что «дисциплина не имеет отношения к мышлению», с моей точки зрения, выглядит настолько анахронистическим… Получается, что если человек предельно недисциплинированный, у него хаотическое сознание, то он имеет отношение к мышлению. А если он логичен, систематичен, организован – то он к нему не имеет отношения. Тебе не кажется, что это бред?

Фрумин. Это очень красивое суждение, не могу с этим не согласиться, – но тогда это и надо показывать: как дисциплинирующие практики институционализируют мышление.

Щедровицкий. Еще раз: это вроде бы и делалось – была попытка показать это в докладе. А твоих коллег (я так понимаю, это были западные какие-то коллеги) с их пониманием мышления посыпай подальше. Потому что идея, что мышление – это что-то такое исключительно творческое, рвущееся из низов подсознания наружу, с моей точки зрения, к понятию мышления и в европейской традиции, и в ММК не имеет никакого отношения. Да, надо согласиться с Сазоновым, что нам все время нужно обсуждать параллельно с темой институционализации нашу трактовку мышления. И это есть обязательное двойное положение, которое нужно удерживать. Но мне кажется, что Вера Леонидовна пыталась это сделать.

Фрумин. Конечно же, Вера Леонидовна пыталась это сделать. Но самым, с моей точки зрения, легким путем пытания было бы прямое противопоставление тому, что говорилось в предыдущем докладе, где институтом мышления, фактически, объявлялось содержание курса грамматики.

Щедровицкий. Почему? Ничего подобного. Более того, можно сказать иначе, что вообще институты ходят группами – [об этом уже говорилось](#). И если бы параллельно не проделывалась институционализация коммуникационных практик и выслаивание из этих коммуникационных практик через грамматику элементов организованной дискурсивности, то не произошло бы институционализации высоких форм мышления.

Фрумин. Посмотрите, что Вы сейчас делаете. Сейчас Вы аккуратно раскладываете университет на целый ряд институтов.

Щедровицкий. Я думал, что я это делаю неаккуратно, но – хорошо.

Фрумин. Аккуратно относительно доклада.

Щедровицкий. Все-таки большинство этих людей ищут мышление в вузах. Волков, пожалуйста.

Волков. Ищем – не ищем. Сейчас попробуем. Вера Леонидовна, правда, ничего личного, но мне кажется, что Ваша попытка рано остановилась. То, что Вы задержались на XIII–XIV веках, отчасти, мне кажется, подводит это рассуждение. Я понимаю, что так легче обсуждать институционализацию, но, тем не менее, – и Вы делали намек на это в своем докладе, – если бы продлить эту работу, я это могу и к себе потом отнести...

Щедровицкий. Надо было пару слов сказать про «Сколково» в конце.

Волков. [Щедровицкому] Ты уже стремишься к перерыву, я чувствую.

Если посмотреть на эту немецкую попытку, которую мы ассоциируем с фон Гумбольдтом, и на то, что после Второй Мировой войны была попытка вписать эти «университеты» в большие военно-технические программы, то можно видеть, что на современном этапе это привело к появлению всяких МИТ, а у нас – Физтеха и прочих, то есть других форм превращения этого «университета», где традиционные социальные институты, такие как кафедра, промоутирование на должность, существование в одной общаге стали растворяться.

Мы все еще используем слово «университет», но формочки – я специально не использую слово «институт» – сильно смигрировали. Я понимаю, что прошло очень мало исторического времени, всего 40–50–60 лет, чтобы анализировать, но если Вы продлите это рассуждение с Кордовы или с Болоньи хотя бы до конца Второй Мировой войны, лучше – до 60–70-х годов, то, мне кажется, мы могли бы проследить, сбежало ли окончательно мышление или не сбежало.

Как Вы знаете, я лично не патриот университетов, поэтому не думайте, что я хочу его там поймать. Это раз. Второе, если мы утверждаем, что оно сбежало, хотелось бы знать, куда. Или указать, например...

Щедровицкий. Это не тема доклада Даниловой.

Волков. И если бы Вы смогли – или я бы смог – показать, что произошло с консалтингом или с политическими партиями...

Щедровицкий. Вы программу читали?

Волков. ...то это было бы хорошим рассуждением – если бы Вы показали, куда оно сбежало.

Щедровицкий. Короче, Вера Леонидовна, Волков готов оплатить грант на несколько лет Вашей работы, чтобы Вы написали работу а-ля Бродель по истории миграции мышления по европейским институтам, и завершили бы его одой «Сколково».

Данилова. Очень интересный проект, можно обсудить.

Ковалева. Мне, в отличие от Андрея Волкова, наоборот, показалось очень продуктивным рассмотрение ядерной конструкции средневекового университета, но я бы предложила другой ход. Мне кажется, даже на уровне обсуждения ядерной конструкции университета, если начинать глубоко обсуждать институционализацию мышления, то надо вводить позиционную схему.

И в этом плане, мне кажется, то, что позиционная схема не была введена, не позволило более глубоко обсуждать сам процесс институционализации мышления.

Что я имею в виду? Даже если мы обсуждаем средневековый университет, там есть как минимум три принципиальных позиции – это профессор, ассистент профессора и тьютор. И в этом плане, когда мы начинаем обсуждать сборку мышления и то, кто является агентом мышления, то на уровне Европы возникает три разных модели университета. Другое дело, как они были осмыслены. Это либо проблематизация, которая сама и задает норму трансляции лекций, – и тогда мы говорим о проблемных университетских лекциях, о диспутах как обязательном элементе; либо мы переносим это на ассистента профессора – и тогда мы говорим о талмудических техниках, которые в университете дальше проходили; либо мы говорим про тьютора и принципиальное значение взаимодействия со студентом – и это нам задает институционализацию мышления в Оксфорде, Кембридже и тьюторских моделях. И с данной точки зрения – это ответ Волкову на его вопрос, куда убежало мышление, потому что в разных моделях оно убежало в разные места. И вообще, надо еще смотреть, добежало ли оно до «Сколково»: в этом плане – какую модель они реализуют? Но мне кажется, что сама линия введения позиционных схем на примере университета, а может быть, и на примере разных институтов мышления задает нам совершенно другой поворот для анализа.

Щедровицкий. Спасибо! Коллеги, третий доклад – Вячеслав Марача.

В.Г. Марача

Суд как институт мышления²¹. Доклад, вопросы по докладу и обсуждение

Марача. Здравствуйте, уважаемые коллеги! Доклад [Веры Леонидовны Даниловой](#) существенно облегчает мою задачу, поскольку, как мне кажется, на отношении к нему можно зафиксировать определенную проблемную ситуацию, связанную с обсуждением институтов мышления. Меня, в принципе, устраивает то понятие института, которое ввела Вера Леонидовна, но меня кардинально не устраивает то наложение этого понятия на мышление, которое дальше было проделано. И здесь я согласен с Борисом Васильевичем Сazonовым в том, что само [мышление нужно обсуждать исторически](#), и только в *двойном полагании мышления и процессов институционализации* ставить вопрос: а что, собственно, институты и институционализация делают с мышлением? И в этом смысле, мне кажется, *радикально неверное допущение* Веры Леонидовны заключается

²¹ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

в том, что институт обеспечивает воспроизведение индивидуальных актов мышления.

Дело в том, что да, конечно, разными социальными институтами – и не только институтами – может обеспечиваться воспроизведение индивидуальных актов и всего того, о чем говорила Вера Леонидовна. Но, на мой взгляд, это ведет нас не к проблематике института мышления, а ровно в противоположную сторону. И вообще, я бы здесь даже принял сторону Александра Прокофьевича Зинченко, если кто-то читал его реплику, вывшенную там же, где и тезисы к сегодняшним Чтениям²². Он писал, что мышление воспроизводится вообще не в институтах, а в «группах прорыва», рабочих лабораториях и всяких прочих таких интересных местах, но не в институтах.

Но мне-то кажется, что проблематика института мышления впервые только и появляется как раз тогда, когда мы само это исходное допущение поменяем и вместо проблемы воспроизведения индивидуальных актов мышления *сфокусируемся на вопросе о коллективном мышлении, воспроизведстве соответствующих структур и соответствующего субъекта*. Причем это не субъект, складывающийся естественным образом, а субъект, который конституируется, и как раз роль институционализации в конституировании этого субъекта достаточно велика. И это видно даже на том материале, который обсуждала Вера Леонидовна.

Ведь что было на входе при формировании европейских университетов? На входе было много всего разного – была медицина, было право, были семь свободных искусств (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка), была теология. А что получилось на выходе, во всяком случае, если верить Вере Леонидовне? А на выходе получился совершенно синтетический и системный эффект, а именно – появление теоретического мышления, которого не было и, если верить гипотезе Веры Леонидовны, которое появилось благодаря такой институции, как университеты.

Но, может быть, *здесь значима именно коллективность мышления, которая, кстати, очень важна для методологической традиции?* И я напоминаю, что Георгий Петрович Щедровицкий принципиально полагал мышление коллективным и даже считал, что мышление – это субстанция, к которой индивиды только подключаются, если им сильно повезет. Возможно, на материале истории университетов это не так очевидно. Но я надеюсь, что *на кейсе суда и юридического мышления, который я сейчас собираюсь обсуждать, это станет совершенно очевидным.*

Теперь немного о феноменологии, связанной с судом. Как показывают антропологические исследования, квазисудебные процедуры имелись уже в первобытных племенах с более или менее устоявшейся иерархией. При этом роль судьи выполнял вождь племени или старейшина, разрешавший конфликты по справедливости. При вынесении решения он мог даже выслушать стороны конфликта. При этом справедливым считалось решение, соответствующее нормам обычая и традициям племени. Иными словами, по идее норма была еди-

²² См.: [Зинченко А.П. Реплика в оппозицию замыслу и теме XVII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого.](#)

ной для всех, но эта норма находилась у кого-то в сознании – либо в сознании тех сторон, которые породили конфликт (и тогда, видимо, причиной конфликта являлось то, что они эту норму осознавали по-разному), либо в сознании этого вождя или старейшины, выполнявшего функцию судьи. И эта форма сознания для сторон конфликта оказывалась более авторитетной, чем их собственные сознания, – даже сакрализованной, в результате чего конфликт и разрешался, если авторитет уважался обеими сторонами. Но это еще не был суд как правовой институт.

Суд как правовой институт, а вместе с ним и юридическое мышление, появились в тот момент, когда нормы права стали формальными. В истории Древнего Рима этот момент известен как вынесение понтификами на Форум Законов Двенадцати таблиц. С этого момента *нормы права стали всеобщими, то есть известными всем и равными для всех.* А это означало *равенство всех перед законом и судом, а также равенство сторон в суде.* Одновременно по поводу применения формальных норм стало возможным рассуждать, а с появлением логики и логически рассуждать, оспаривать ход этих рассуждений и приводить доказательства. Но при этом логика могла нормировать рассуждение одной из сторон, но не ход самого спора. На то он и спор, чтобы логическая цепочка доказательств, выстроенная одной стороной, ставилась под сомнение другой.

А что же есть справедливое решение в случае спора? Аристотель полагал, что справедливость есть «середина между ущербом и выгодой»²³. Но такое «понятийное» решение вопроса было чревато произволом – ведь то, где будет середина, всегда зависит от конкретной ситуации.

Альтернативой, предложенной Римом, стала *процессуальная организация судопроизводства и связка логики с процедурой.* Вначале это был так называемый формулярный процесс. *Суд стал правовым институтом и субъектом юридического мышления, возникла корпорация юристов – служителей Фемиды и носителей юридического мышления.* Здесь я отчасти повторяю то, что Вера Леонидовна говорила про [рефлексивное сообщество](#).

Отметим еще один очень важный момент: *отдельные юристы и корпорация в целом мыслили лишь по сопричастности к суду.* Условием воспроизведения юридического мышления оставалось воспроизведение процессуальной организации суда, развернувшееся позднее в более сложную организованность – *сферу права* (см. рис. 1 (Марача)), включавшую институционализированные функции (1) правоприменения, (2) правотворчества, (3) юридической науки вместе с философией права и (4) юридического образования. Кстати, эти четыре функции можно соотнести с теми четырьмя типами институтов, которые Николай Потемкин выделял по отношению к воспроизводству [массивов осуществляемых актов](#).

²³ См.: Аристотель. Никомахова этика. Книга пятая // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. – В.М.

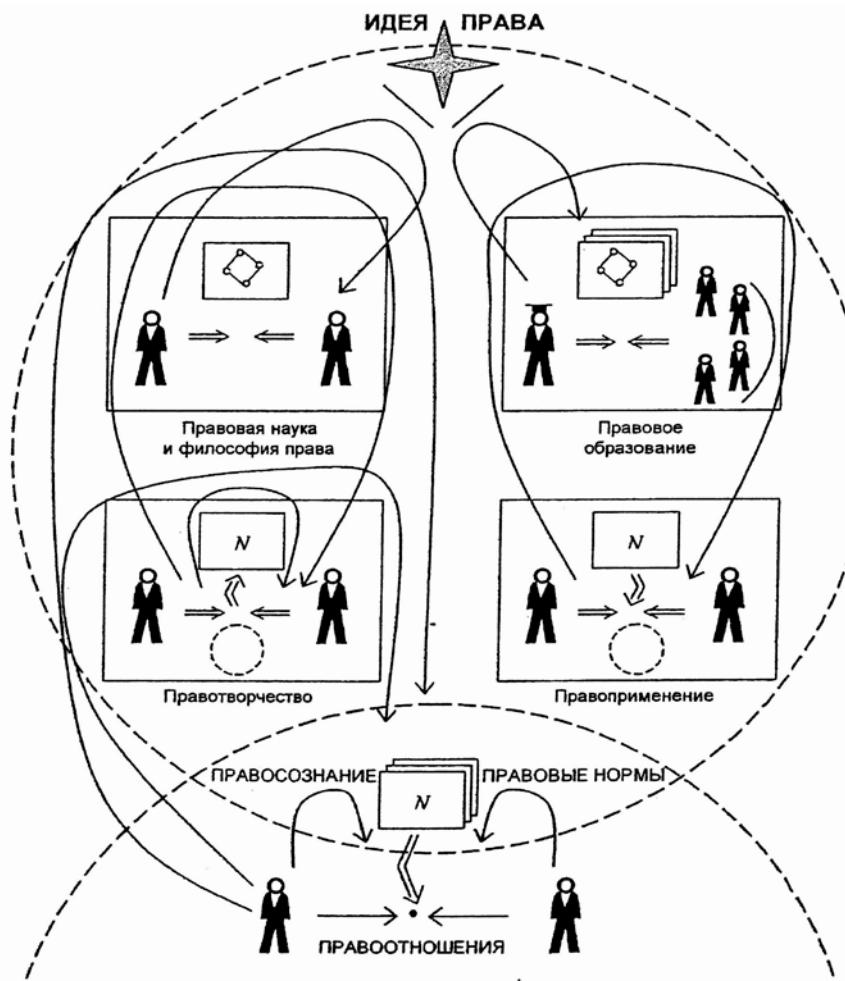

Рис. 1 (Марача). Схема сферы права

В современном виде сфера права (применительно к конкретному государству) имеет четыре контура воспроизведения²⁴:

- *первый* – когда происходит обращение к институтам правоприменения (в их судебной, полицейской или бюрократической формах);
- *второй* – когда в ходе правоприменения выясняется, что действующие нормы неадекватны фактическим правоотношениям и требуется корректировка норм в институтах правотворчества;
- *третий* – когда требуется обращение к правовой науке для изменения отдельных юридических понятий или правовой доктрины, что затем напрямую или через систему юридического образования оказывается как на правотворчестве, так и на правоприменении;
- *четвертый* – когда требуется переосмысление содержания Идеи Права, что ведет к изменению типа правопонимания и оказывается на всех функциях сферы права.

²⁴ Если не считать «нулевого» контура «естественного» воспроизведения правоотношений за счет обращения их участников к правовым нормам, содержащимся в их собственном правосознании без привлечения юристов-профессионалов из сферы права. Ср. эту структуру с идеей деятельностного правового комплекса в: [Прокурин В.А. Заметки к «реформе правовой системы»](#) // Кентавр. 20. 1998. С. 33–42; Рис. 1. Схема деятельностного правового комплекса. – Ред.

В каждом из этих контуров существенную роль играет юридическое мышление. Но его базовая структура зависит от типа судопроизводства (которое, в частности, может основываться на законе или на прецеденте). Причем это сказывается даже на «нулевом» контуре: в развитой системе права стороны конфликта, даже не обращаясь в суд и пытаясь урегулировать конфликт путем переговоров, по существу стремятся «проимитировать» мышление суда и принять такое же решение. Только в этом случае оно будет признано обеими сторонами – в противном случае одна из них все же реально обратится в суд.

Но если у юридического мышления столь существенная роль в поддержании дееспособности сферы права и если в данном случае сфера права выступает по отношению к юридическому мышлению развернутым институтом мышления, то в чем же тогда заключается специфика юридического мышления?

Я утверждаю, что специфика юридического мышления связана с коллективностью. Если мы возьмем современное устройство сферы права, изображенное, в частности, на приведенной схеме сферы права (рис. 1 (Марача)), то ни одна из населяющих ее «фигур» по отдельности не несет специфически-юридического мышления: ни законодатель, который мыслит больше политически, чем юридически, ни правовед, который является вполне типичным представителем социально-гуманитарных наук и этого типа мышления, ни преподаватель права, ни следователь, ни криминалист или судмедэксперт, которые мыслят больше естественно-научно, и т.д. Казалось бы, такой спецификой, если мы центрируемся на институте суда, должны обладать прокуроры, адвокаты и уж во всяком случае судья. Но каждый из них по отдельности выполняет скорее логические операции: доказательство, подведение под общее правило, критика чужих доказательств и т.д. Я при этом делаю важную оговорку, что здесь речь идет об *идеальном суде, соответствующем своему предназначению института правосудия*. А особенности, скажем, российского суда, который существенно отклоняется от этого идеала, конечно, заслуживают специального рассмотрения, но в этом докладе я их не обсуждаю.

Таким образом, специфика юридического мышления проявляется лишь тогда, когда мы рассматриваем совместное действие этих «фигур» в рамках целого, называемого судебным процессом. И сам язык нам подсказывает (в выражениях типа «решение суда», «суд постановил» и т.п.), что *юридическое мышление правомерно приписывать не отдельному участнику процесса, а коллективному субъекту – суду в целом, суду-как-институту*. А отдельные участники мыслят юридически лишь по сопричастности к мышлению суда, который в этом смысле и необходимо рассматривать как «*институт мышления*». При этом логические формы собственного (индивидуального) мышления отдельных «фигур» трансформируются формой судебного процесса, становясь процессуальными нормами.

Смотрите, что получается. Если мы говорим о «рефлектирующих сообществах» или о чем-то таком, то все равно там мышление коллективно. Но если мы начинаем рассматривать мышление с индивидуальных актов, то тогда получается, что мы чисто механически соединяем мышление индивидуальными ак-

тами и некую социальную организацию, в которой мышления нет, а потом получаем якобы коллективное мышление. Но коллективное мышление так не получается. Оно получается именно как *синтетический эффект социальной организации*, при котором логические нормы индивидуального мышления переоформляются нормами социальной организации в «институт мышления». В этом и состоит моя гипотеза. Соответственно, понятие «института мышления» становится значимым для методологии ММК в связи с проблемой понимания сущности и построения схем коллективного мышления.

Для анализа суда как института мы используем схему социальной единицы, подвергаемой правовому оформлению, или, в языке институционального подхода, – правовой институционализации (см. рис. 2 (Марача)).

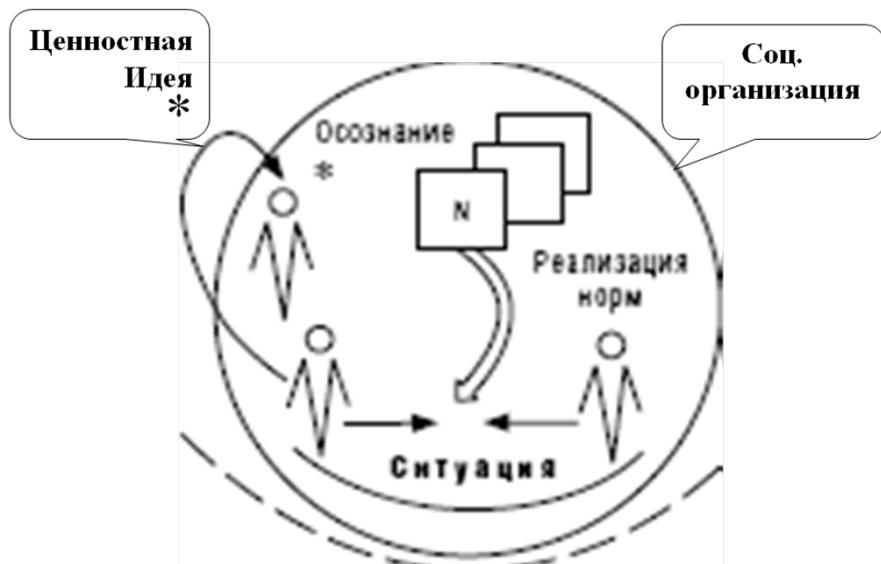

Рис. 2 (Марача). Схема социальной единицы, подвергаемой правовому оформлению (институционализации).

Данная схема позволяет соединить три базовые категории юридического мышления: *правоотношение* – оно изображено стрелочками внизу, где написано «ситуация», *правовую норму* – это квадратик с буквой «N», и *правосознание* – оно изображено петелькой, и там человечек со звездочкой. Также схема включает еще два элемента: *социальную организацию* (в данном случае это судебный процесс вместе с необходимыми опорами, включающий в том числе и *властное принуждение*), и пятый элемент – это *ценностная идея* (в данном случае это Идея Права²⁵, которая выступает предельной формой правосознания).

Еще одна схема, которая мне нужна для анализа суда, – это схема институционального опосредования (см. рис. 3 (Марача)).

²⁵ Если делать акцент на слове «ценностная», то можно вспомнить, что юристы-теоретики часто пользуются таким выражением, как «высокое право», чтобы прикрепиться именно к ценностному аспекту. – Ред.

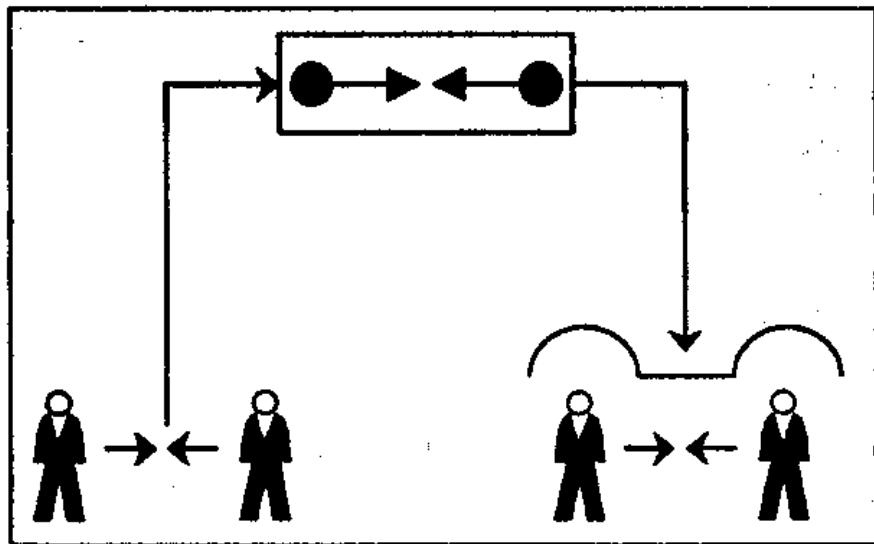

Рис. 3 (Марача). Схема институционального опосредования

Эта схема строится по аналогии с «развернутой» схемой атрибутивного знания (см. рис. 4 (Марача)) — «развернутой» в том смысле, что сверху еще изображено разворачивание логических операций.

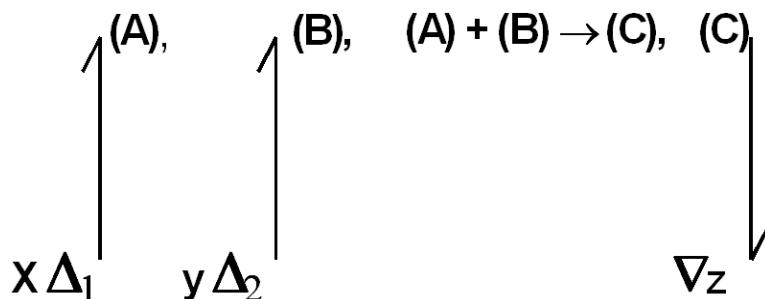

Рис. 4 (Марача). «Развернутая» схема атрибутивного знания
(в процессуальной трактовке)

Но при этом институциональное опосредование имеет дело не с объектами, а с *ситуациями*, роль замещения выполняет институциональное *оформление*, роль логики — *процедура*, а роль отнесения — *регулятивное действие института*. «На выходе» мы имеем «сдвигку» исходной ситуации за счет присоединения к ней «интеллектуальной добавки» — решения либо приговора суда. Собственно, пространство суда нарисовано здесь сверху, причем именно вхождение в это пространство опосредует сдвигку ситуации (рис. 3 (Марача)).

И еще одна схема, которую мы используем, – это схема самого этого пространства состязательного суда (рис. 5 (Марача)). Для того чтобы получить схему этого пространства, с исходной схемой социальной единицы (рис. 2 (Марача)) мы делаем очень простую вещь.

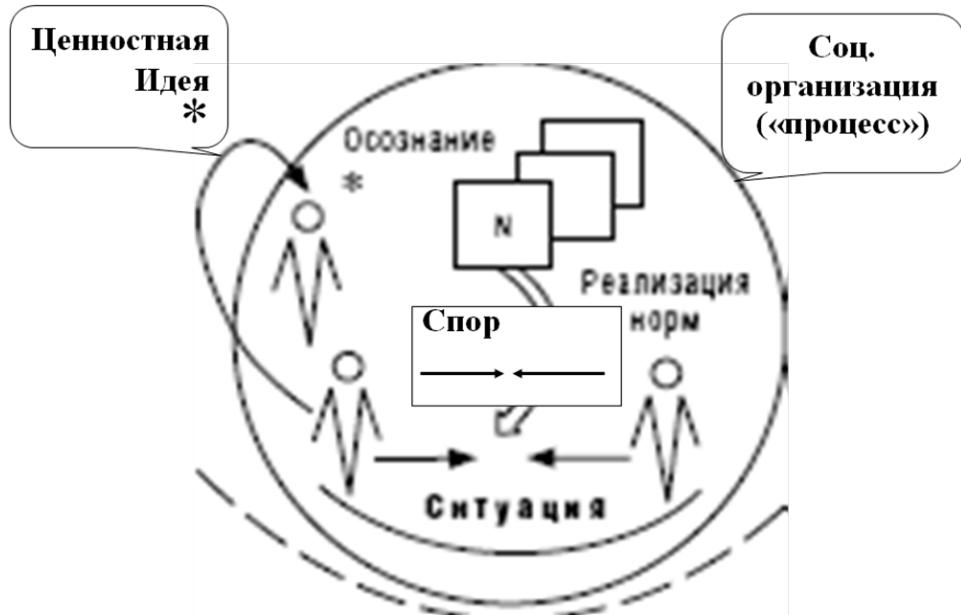

Рис. 5 (Марача). Схема социальной единицы, содержащей спор по поводу реализации нормы

Если эта социальная единица содержит внутри себя *спор* по поводу реализации нормы, то, соответственно, этот спор как бы разрывает отношение «норма–реализация», и суть судебной формы разрешения спора заключается в том, что мы не бьем друг другу морды, а начинаем разговаривать. Иными словами, *этот спор принимает формы коммуникации* или, как это в юриспруденции называют, *судоговорения, направленного на снятие рассогласования в отношении «норма–реализация»*.

И получается пространство примерно такого рода. Я здесь показываю его в развернутой форме, как это имеет место быть в суде присяжных (рис. 6 (Марача)).

Рис. 6 (Марача). Схема пространства состязательного суда

Это пространство имеет три слоя:

- *слой событий и свидетельств*, куда втягивается исходная ситуация;
- *слой суждений и интерпретаций* – это как раз тот слой, где происходит судоговорение;
- *слой квалификаций и обоснований*, где, собственно, – уже на основе того, что оказывается установленным и доказанным в ходе судоговорения, – производится особое логическое рассуждение, которое завершается решением суда.

По сравнению с традиционным представлением о мышлении, зафиксированным на «развернутой» схеме атрибутивного знания (рис. 4 (Марача)), идеальная действительность юридического мышления приобретает иную антропологическую форму: если в схеме на рис. 4 это логическое оперирование со знаками (как отчужденной предметностью), то в судебном процессе идеальная действительность «разыгрывается» самими участниками процесса, выступающими в качестве «формальных лиц» (или «процессуальных фигур»).

Иными словами, логическое рассуждение, которое произведет судья, вынося решение или приговор в слое квалификаций (на рис. 6 сверху), должно быть соотнесено с ходом процесса в нижних слоях («событий и свидетельств», а также «суждений и интерпретаций»). При этом в ходе судоговорения должны быть устраниены разумные сомнения, удовлетворены обоснованные ходатайства участников и т.д., то есть *логика доказательств, приводящая к решению или приговору суда, должна быть подтверждена процедурой и поставлена в соответствие с ней* (рис. 7 (Марача)). *Институт, имеющий такую связку процедуры и логики, мы и называем институтом мышления, а соответствующее*

мышление – коллективным, или «социально организованным». В случае суда оно будет процессуально организованным.

Подобные связи процедуры и логики имеют и другие институты мышления. Например, в научном мышлении выделяется, как минимум, два слоя. Один слой – это процедура работы с моделями и идеальными объектами, и другой слой – это логика оперирования математическими формулами. И они тоже должны быть связаны и сорганизованы друг с другом. Но отличие здесь в том, что в случае науки не только логика, но и процедуры в принципе могут быть осуществлены индивидуально и, как говорили в ММК, вынесены на доску, поскольку антропологические процедуры работы с идеальными объектами подобны работе с формулами. С идеальными объектами науки работаем как с чем-то нам противостоящим. А *в суде процедуры имеют принципиально коллективный характер, их нужно «надевать на себя» и «проигрывать» в том же смысле, как мы говорим о «надевании на себя» оргдеятельностных схем.*

Вообще, должен заметить, для меня работа над проблематикой «институтов мышления» была чрезвычайно поучительна: размышая на эту тему, я на двадцать пятом году занятий методологией впервые, наконец, понял, что такое метод. Оказалось, что замысел построения «новой науки» как института мышления у Фрэнсиса Бэкона включал в себя три компоненты:

- метод в узком смысле слова, то есть оперирование какими-то средствами, процедурами и способами;
- социальная организация в виде того, что Бэкон называл «научным орденом» (потом говорили о «невидимом колледже», «республике ученых» и т.д.);
- антропологическая составляющая – так называемые «принципы научной аскезы» (ученый должен думать не о себе, а об истине, «выносить себя за скобки» и т.д.)²⁶.

Так вот, из первого и третьего компонентов бэконовского замысла постепенно было вычленено то, что «переносится на доску», отделяясь от индивида, в форме объективированных мыслительных процедур, которые мы теперь и называем «методом». А про социальную организацию почему-то забыли. А когда про нее вспоминают, ее начинают изучать отдельно, уже вне всякой связи с мышлением. В лучшем случае – как некие внешние условия воспроизведения мышления. И ничего хорошего из этого не получается. В этом плане *методология ММК сделала очень важную вещь: она вернулась к исходному бэконовскому замыслу института мышления и формы социальной организации мышления вернула самому мышлению*. Мы ведь процедуры работы методологического семинара (я уж не говорю про оргдеятельностную игру!) не можем перенести на доску! Это то, что можно и нужно реализовывать «вживую» – как институциональные нормы, которые «надевают» на себя участники семинара или ОДИ в качестве «процессуальных фигур».

²⁶ См.: Марача В.Г. Имперский проект институционализации новой науки (Фрэнсис Бэкон глазами Дмитрия Сапрыкина). – Рецензия на книгу: Сапрыкин Д.Л. Regnum Hominis (Имперский проект Фрэнсиса Бэкона). М.: Изд-во «Индрик», 2001. 224 с. // Кентавр. 27. 2001.

И вот, собственно говоря, та схема института мышления как связки процедуры и логики, к которой я пришел (рис. 7 (Марача)).

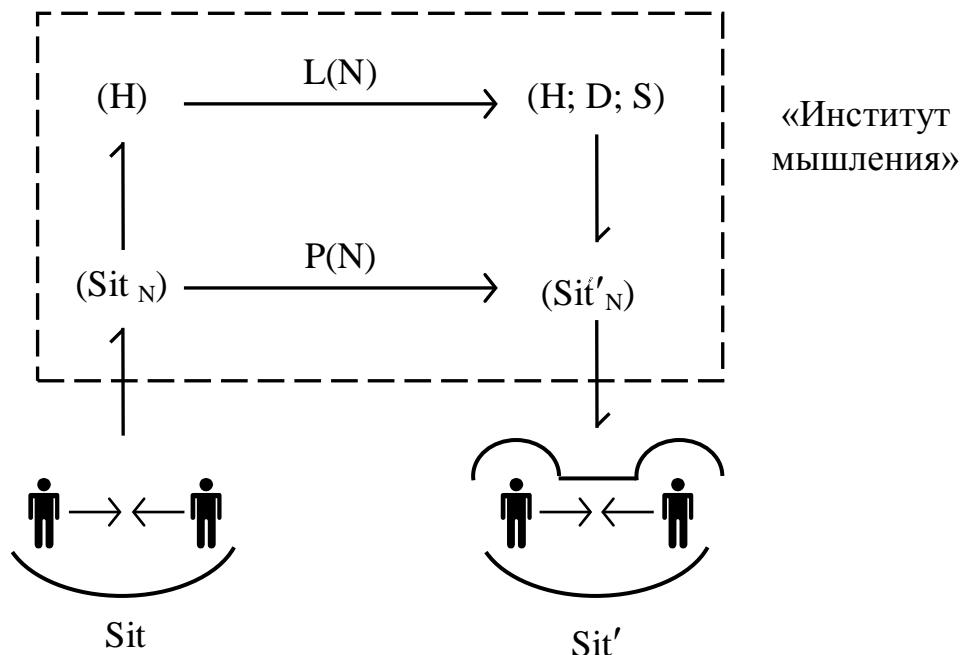

Рис. 7 (Марача). «Институт мышления» как связка процедуры и логики

Щедровицкий. Не видно ничего!

Марача. А это как бы подчеркивает смутность понятия института мышления в нашем сознании. [Смех в зале.]

Институт мышления – это те два слоя, которые обведены пунктирным прямоугольником.

Слева внизу – **Sit**, исходная ситуация, справа внизу – **Sit'**, трансформированная ситуация. Этажом выше – **(Sit_N)** и **(Sit'_N)**, то есть первый слой замещения, который является институциональным оформлением, – это то, что мы проигрываем «вживую» в соответствии с институциональной процедурой **P(N)**, приходя к ситуации-*штирих*, которая потом имеет проекцию на нижние ситуации за счет регулятивного действия института.

И есть еще один слой – логического оперирования **L(N)**, который сорганизован, но не с исходными ситуациями, как в схеме атрибутивного знания, а уже с теми формализованными и процедурализированными ситуациями, которые разворачиваются в рамках института. В суде – это отношения между истцом и ответчиком, свидетелями, защитниками и обвинителями, и т.д.

Мы принимаем стандартное представление структуры правовой нормы **N = (H, D, S)**, где **N** – норма, **H** – гипотеза (условие применения нормы), **D** – диспозиция (требование нормы о *должном действии*), **S** – санкция (наказание, налагаемое в случае неисполнения диспозиции).

Соответственно, возможны следующие типы рассогласований отношения «норма–реализация»²⁷:

- 1) **N?** – стороны расходятся в том, какая именно норма должна регулировать данное правоотношение;
- 2) **H?** – стороны расходятся в трактовке фактов: имела ли место гипотеза, то есть фактические обстоятельства, выступающие условием для применения нормы **N**;
- 3) **H → D₁+D₂+D₃?** – норма имеет диспозитивный характер, то есть допускает несколько вариантов должных действий по соглашению сторон; при этом стороны расходятся в трактовке своих договоренностей (о каком из вариантов достигнуто согласие) или в трактовке фактических обстоятельств: какое из действий (**D₁**, **D₂** или **D₃**) фактически осуществилось ("+" означает здесь операцию логического сложения (дизъюнкции));
- 4) **D+(не-D)?** – стороны расходятся в трактовке фактических обстоятельств: исполнена ли диспозиция **D**.

Возможны и другие типы рассогласований – я не буду их перечислять, мне важно было лишь показать, что все они дедуцируются из принятого представления структуры правовой нормы.

Институты мышления необходимо отличать от всех прочих социокультурных институтов – государственных, общественных, политических, экономических и т.д. И критерием отличия, задающим специфику институтов мышления, является наличие связи процедуры и логики, действующей в соответствии со схемой рис. 7 (Марача).

Соответственно, постановка вопроса, может ли мышление существовать и воспроизводиться (а тем более развиваться) в институтах – если под мышлением понимать индивидуальное мышление – является ложной. По отношению к индивидуальному мышлению институты лишь накладывают формальные ограничения и, может быть, способствуют воспроизведству самих мыслителей – что, как сказала Вера Леонидовна, еще не гарантировано. И поэтому бессмысленно противопоставлять институтам творческие или ремесленные мастерские, «группы прорыва» и прочие формы соорганизации индивидуальных мышлений. У институтов мышления – совсем другая функция: конституировать и обеспечивать воспроизведение субъекта коллективного мышления – а тем самым и осуществление такого мышления.

Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо! Коллеги, три вопроса.

Кучкаров. Сначала маленький вопрос. И в зависимости от ответа на него потом будет основной. Какую роль в этой судебной процедуре – или в организации мышления – играют нормы Уголовного кодекса? Как они сработали при этой схематизации?

²⁷ Если вместо нормы мы возьмем более сложную нормативную структуру – юридическую конструкцию (по своему устройству она напоминает схему с нормативным употреблением), получится более широкий набор типов рассогласований, чем тот, что перечислен далее. Но в данном случае перечень важен лишь для иллюстрации того, с какими типами ситуаций работает суд.

Марача. Нормы кодексов, в частности, Уголовного кодекса, работают на последней стадии суда – это верхний слой, который называется «слой квалификации и обоснований» (см. рис. 6 (Марача)), они выступают непосредственными основаниями для вынесения решения. Иными словами, мы осуществляем подведение частного случая под общее понятие. В случае Уголовного кодекса общие понятия – это так называемые «составы преступлений». И на основе тех обстоятельств, которые выяснены в ходе судоговорения, мы определяем, под какой из составов подходят доказанные факты, и в соответствии с тем, что написано в Уголовном кодексе, выносим санкцию. Но очень важно понимать, что в деятельности суда есть еще один вид норм, причем гораздо более важный и устойчивый: это процессуальные нормы, которые записаны в процессуальных кодексах, говорящих нам, каким образом должен действовать суд в тех или иных ситуациях.

Щедровицкий. Это был у Вас преамбульный вопрос к какому-то другому.

Кучкаров. Да. Тогда скорее суждение, чтобы уже во второй раз не выходить. Мне кажется, что так прекрасно продемонстрированный способ и механизм мышления суда как раз является прямым следствием предмета мышления. Уголовный Кодекс и собранные в него понятия, составы преступлений и т.д. эволюционно или путем складывания выстроили эту схему мышления. И другие предметы мышления выстроят другие схемы мышления. Этот момент, мне кажется, несколько выпал.

Щедровицкий. [В сторону Марача] Не отвечайте!

Кучкаров. И, забегая назад, Vere Леонидовне я тоже похожий вопрос хотел задать. Вот я законспектировал, почти как стихи, что институты мышления воспроизводят: нормы, формы и фигуру. Нормы мышления, формы организации и фигуру мыслителя. Выпадает четвертый компонент – предмет мышления. И то, что мыслят этими нормами в этих формах организации эти мыслители, является определяющим, поскольку, (по крайней мере, для второй половины XX века) предмет мышления своим усложнением, гиперпонятийной сложностью порождает иные формы, нормы, операции и процедуры мышления.

Щедровицкий. Хорошо, спасибо! Сергей Мирзоев.

Мирзоев. Слава, и все-таки скажи, пожалуйста, какой статус у твоего суждения о том, что существует «идеальный суд»? Это как? Ты можешь исторический пример идеального суда привести?

Марача. Исторического примера идеального суда я привести не могу, но при этом идеальный суд есть понятие, которым оперирует мое мышление, и это понятие позволяет нам анализировать особенности реального суда. Это особый способ анализа — он напоминает то, что Макс Вебер придумал для идеальных типов: мы смотрим на судебный процесс не с точки зрения того, как там все на самом деле происходит и где адвокат заболел, а где подтасовки имели место, а мы рассматриваем судебный процесс именно с точки зрения отклонений от идеальной модели действия суда. А сама идеальная модель при этом определяется институциональным предназначением суда быть институтом правосудия, то есть восстанавливать справедливость. С этой точки зрения можно и особен-

ности конкретного суда рассматривать. И в данном случае совершенно не важно, существовал в реальности идеальный суд или нет. Важно то, что он существует в мышлении и люди стремятся к этому приблизиться.

Щедровицкий. Коллеги, прошу помнить: каждый, кто задает вопрос Вячеславу Марача, имеет шанс получить ответ. Развернутый. Поэтому куда Вас это приблизило, я не понял.

Мирзоев. Тогда у меня очень короткий вопрос. Скажи, Слава, правильно ли я понял, что ты обсуждаешь схему суда и что это все – схематизация по поводу суда?

Щедровицкий. Да.

Марача. Да.

Мирзоев. Причем здесь суд?

Щедровицкий. Не понял, причем тут Вы с Вашим дурацким судом?

Мирзоев. Не с моим, а с нашим.

Щедровицкий. С Вашим, Вашим! Это же Ваша выдумка все.

Максудов. Слава, я с другой стороны к Вашему [*в сторону Мирзоева*] вопросу постараюсь задать свой. Почему ты институциональную проблематику суда рассматриваешь внеисторически? В частности, вне такой фиксации глобального кризиса всей западной системы права, о которой говорил Берман²⁸ и с которой, на мой взгляд, и начинается мышление по поводу права. Если мы говорим об институциональной проблематике, о кризисе институтов и о новых институтах, и если верить тем дискуссиям, которые были ранее, то вроде бы это и есть первая постановка проблемы для нового мышления о праве.

Марача. Спасибо, Рустем! Я надеюсь, что в историко-генетическом анализе я чуть дальше продвинулся. Все-таки я дошел не до XII века, когда началась западная традиция права по Берману, а где-то до конца XIX-го. Та развернутая картинка сферы права, которую я показывал на первой схеме (см. рис. 1 (Марача)), – это примерно конец XIX века. А те явления современного глобального кризиса права, на которые ты указываешь, можно и нужно обсуждать, но я до них просто не дошел. Там, конечно, и с юридическим мышлением много чего интересного происходит.

Щедровицкий. Мне кажется, вопрос не очень понятен, Рустем.

Максудов. Я поясню основания. Мне кажется, что если не проделывать эту работу...

Щедровицкий. То есть ты делаешь приблизительно такое же замечание, какое делает Волков Даниловой: что если не дойти еще шесть шагов, а потом не вернуться и не переписать реконструкцию, которую проделал Вячеслав в основном для обоснования нескольких понятных тезисов общего характера, то эти тезисы общего характера невозможно понять. Возможно!

Максудов. Понять возможно, но остается вопрос: это нормативно-ориентированное описание суда? Это про что? Это для того, чтобы воспроизводить

²⁸ Речь идет о книге: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1994. – Ред.

какую-то часть профессионального юридического мышления, которое ориентируется на такое представление суда?

Щедровицкий. Рустем, а почему не понимать докладчика непосредственно так, как он говорит? Он, правда, к сожалению, в конце сделал оговорку, которая частично сгладила жесткость его тезиса. Никакого индивидуального мышления не бывает! Поэтому институционализация индивидуального мышления может, конечно, быть предметом обсуждения, но с точки зрения докладчика – это бессмысленно.

Максудов. Хорошо! А зачем тогда огород городить про суд?

Щедровицкий. Секунду! Второе: нужно говорить исключительно об институционализации коллективного мышления. Одним из примеров такой институционализации именно коллективного мышления является суд, в котором даже не обладающие не только мышлением, но и сознанием включенные участники вынуждены двигаться по рамкам, заданным этой институциональной схемой, и тем самым хотя бы на время судопроизводства они оказываются причастными этому институту.

Максудов. Может быть, в каком-то американском суде такое и есть.

Щедровицкий. Еще раз, причем тут американский суд?

Максудов. Потому что непонятно, про что.

Марача. Обсуждается «принципиальный суд», или «идеальный суд».

Щедровицкий. Кстати, на мой взгляд, понятно, про что. Иначе Вы и во втором случае начнете обсуждать: «Где вы видели такие университеты, где воспроизводится мышление?». Слушайте, может, вы их нигде и не видели, но либо вы мало ездили, либо вы не на то смотрели, либо вам не повезло, и вы родились не в ту эпоху.

Марача. Со средневековыми университетами нас просто историческая дистанция спасает: уже никто не помнит XIV век. А то бы то же самое спросили.

Щедровицкий. Да, пожалуйста. У нас еще есть право задать третий вопрос.

Розин. Мне, в общем, доклад понравился. Он очень четкий и ясный в тезисах. Но я хочу обратить внимание вот на что. Если говорить о «телах мышления», то их два, а не одно. Одно тело мышления – это, действительно, институты, но есть и второе тело мышления – это личности, которые тоже мыслят. Я бы предложил тебе подумать над такой вещью. Нет ли здесь особого симбиоза, а именно: институты существуют на личностях, которые мыслят, а личности существуют на институтах и, в этом смысле, на коллективном мышлении. И здесь есть такая довольно сложная диалектика. Ведь мы все время видим, как происходит схлопывание. Институт может целиком схлопываться в структуре личности, как ни странно. И наоборот, институты все время «съедают» личность.

Во всяком случае, мне кажется, что ты взял только одну сторону, принципиально игнорируя другую. Потому что, ведь обрати внимание, мышление начинает складываться начиная с античности, когда формируется личность. Без личности никакого мышления не существовало бы. Но и ты прав, когда гово-

ришь, что есть коллективное мышление. Однако я думаю, что тут скорее симбиоз социального на личности и личности на социальном.

Щедровицкий. Вадим, но ведь я могу занять позицию докладчика и сказать так: «Да, ты безусловно прав. Но если поставить вопрос, что без чего может, а что без чего не может существовать, то выяснится одна удивительная вещь: что институциональные формы мышления без личностного наполнения продолжают дремать и существовать, и в какой-то момент вновь дают возможность при появлении соответствующей воли и личностного начала возродить это мышление. А когда личности лишаются институциональной рамки, то все их потуги на мышление обычно выглядят совершенно бессмысленными и идиотическими».

Розин. Я с этим не спорю.

Щедровицкий. Поэтому Марача попытался начать с первичного, как ему показалось.

Розин. Да, но я обращаю внимание, что тут более сложная ситуация.

Щедровицкий. Спасибо! Вижу, Борис Васильевич, Вера, а потом Вы.

Данилова. Мне кажется чересчур абстрактным, а потому ложным противопоставление института – и индивида или личности. В этом зале вряд ли кто сомневается, что мышление, если мы посмотрим на него как на объект определенного рода, коллективно всегда.

В своем докладе я не раз подчеркивала, что я говорю об институтах европейского мышления, и для этих институтов, то есть тех больших социальных организаций, которые как-то регламентируют мышление, характерна ориентация на индивидуализацию и на авторский характер мышления. И по истории европейской логики можно посмотреть, как те события мышления, которые первоначально возникают только как коллективные – например, в Афинах, – за счет логической организации становятся доступными индивиду. В этом смысле я бы стала обсуждать различные *проекты мышления*, среди которых можно выделять – как проект – один проект, поддерживающий авторский характер мышления и постоянное развитие человека (в смысле родового человека) таким образом, что он становится носителем мышления. И другой проект (я бы его связывала скорее с восточными формами организации культуры) – это проект, ориентированный на мыслящие сообщества, такие «мыслящие муравейники».

На мой взгляд, Вячеслав Геннадиевич обсуждает куда более узкий вопрос, чем институты мышления, — он постоянно обсуждает институты коллективного принятия решений. Я бы стала рассматривать это как один из типов институтов, а если говорить о нашей с Вячеславом Геннадиевичем оппозиции, то в рамках того представления, которое отстаивала я, эта оппозиция выглядит скорее ценностной и в этом смысле ориентированной или на разные типы сообщества, или на разные типы фигуры человека. Тогда можно стремиться к авторскому характеру мышления – а можно стремиться к «мыслящим муравейникам».

Щедровицкий. Я не понял, Вера, а ты считаешь, что этот проект успешен, что ли?

Данилова. Я считаю, что он несколько веков реализовывался...

Щедровицкий. Пожалуйста, он, может, и сейчас еще реализуется и еще несколько веков будет реализовываться, более того, в нем заложен, конечно, большой этический смысл. Но вот так, по существу-то?

Данилова. Я считаю, что в этом проекте есть не только этический смысл, но и большой прагматический потенциал. Отказываясь от авторского характера мышления и развития человека как автора мышления, мы, в конечном счете, очень резко потеряем и общий уровень мышления. Ведь есть исследования коллективного решения задач и исследования коллективного принятия решений. Все они говорят одно и то же: процедуры коллективного мышления, с одной стороны, конечно, делают ситуацию более безопасной, поскольку они обрезают наиболее «низкие», неграмотные и наиболее рискованные решения, но, с другой стороны, они обрезают и «верхушку». Иными словами, мышление теряет инновационный? прорывной характер, хотя становится более безопасным.

Марача. Можно буквально несколько слов? Вера Леонидовна, мне ведь важно подчеркнуть, что я обсуждаю не оппозицию представления о мышлении как об индивидуальном или коллективном. Если мы работаем в жанре онтологического полагания, то там в мышлении много чего было, в том числе и тот проект индивидуализации, который, действительно, длился несколько веков, начиная с Абеляра или с кого-то другого, мы можем это по-разному оценивать, и т.д. Но я же говорю об оппозиции нормативных принципов методологического рассмотрения мышления. И здесь есть совершенно четкая оппозиция. Либо мы методологические индивидуалисты — либо мы методологические коллективисты. И в этом смысле я самоопределяюсь в интеллектуальной традиции ММК, которая в этом плане совершенно четкую линию выдерживала в течение пятидесяти лет; мне кажется, что это чрезвычайно интересно и продуктивно, и я не считаю нужным от этого отказываться.

Данилова. Маленькая реплика. На мой взгляд, именно Московский методологический кружок создал такую культуру мышления, которая поддерживает, с одной стороны, авторский характер мышления. Посмотрите на историю — тут масса интересных и разных мыслителей! А с другой стороны, ММК создал ту систему, в которой мышление, оставаясь авторским, может складываться в системы, умощняющие друг друга, дающие возможность этим авторам двигаться. ММК — это отнюдь не «мыслящий муравейник». Я бы стала анализировать его как раз как очень интересный прецедент принципиально нового проекта, который поддерживает и то, и другое — и авторство, и коллективность.

Марача. Вера Леонидовна, а кто говорил про «мыслящий муравейник»? «Мыслящий муравейник» — это определенное онтологическое изображение, которое у Вас получается, когда Вы реализуете принципы методологического индивидуализма. А у меня получается совсем другое, кстати, не отрицающее авторство.

Щедровицкий. Борис Васильевич, пожалуйста.

Сазонов. Я полагаю, что доклад был очень интересный и дает пищу для многих размышлений, но мне кажется, что установка у него была такая исполн-

нительская и, с моей точки зрения, ошибочная. Надо было во что бы то ни стало показать на материале того, чем владеет Слава, наличие некоторого мышления.

Проблема заключается, с моей точки зрения, в том, что мышление, в принципе (в истории, по крайней мере), возникает и существует в связи с универсальностью субъекта этого мышления. Познающего ли субъекта... дальше психологи могут говорить о, скажем, мышлении полководца, мышлении ученого и т.д.

Мне кажется, что ММК, когда ввел множество позиций в рамках одной и той же деятельности, покончил с этим понятием мышления, говоря о том, что есть позиционность и есть то, что выражается в этих позициях. Причем это не обязательно мысли. В этой позиционной раскладке, в том числе судебной, не обязательно присутствует мышление. Но для того, чтобы оно там появилось, нужна дополнительная работа, в том числе и методологического плана, – чтобы появилось редкое явление этого мыслящего вида. Потому что, если вы обратитесь даже к истории суда, то там речь шла всегда не о мышлении, а о риторике. Эти фигуры – деятельностные фигуры: следователя, прокурора и т.д. – они проводят ту или иную задачу с тем, чтобы принять то или иное решение. В какой мере это обеспечено мышлением – большой вопрос, решение которого обеспечивается уголовными кодексами, еще чем-то...

Щедровицкий. Борис Васильевич, мне кажется, Вы путаете функциональный и морфологический уровни.

Сазонов. Да нет, ничего не путаю!

Щедровицкий. Путаете! Потому что если функционально там реализуется мышление, значит, что туда ни налей, а мышление и будет. Еще раз – Вам говорят: функционально это место для мышления.

Сазонов. Кто сказал?

Щедровицкий. Еще раз: в этом смысле доклада. Вы же теперь говорите: «А теперь туда должен прийти я, Борис Васильевич Сазонов, потому что только я являюсь подлинным носителем настоящего мышления, а все, что там есть, – всё неправда. И только если я туда приду и что-то организую, то там будет мышление». Борис Васильевич, да Вас туда никто не звал!

Сазонов. Проблема не в этом. Первый тезис, что там должно реализоваться мышление, ложный.

Щедровицкий. Еще раз, кто Вам это сказал?

Сазонов. Вся история.

Щедровицкий. Ничего подобного! А вот когда Вы со своей организацией якобы мышления приходите куда-то на семинар по системному анализу, который Вам заказали, и там что-то организуете, все люди на это смотрят и говорят: «Да какое же это мышление? Это какие-то мыкания Бориса Васильевича Сазонова, которые никакого отношения к мышлению не имеют».

Сазонов. Не к мышлению, а к делу не имеют. Тогда проблема заключается в следующем: есть некоторое дело, которое проходит через эти институты – институты суда в том числе. А вопрос о том, когда и как и зачем появляется там мышление, – это отдельный вопрос.

Щедровицкий. Вы – единственный человек в этом зале, который знает, что такое мышление.

Сазонов. Я не знаю, что такое мышление, — я знаю, как это практиковалось в ММК.

Щедровицкий. Еще раз: Вы единственный человек, который знает, как это практиковалось в ММК.

Сазонов. К сожалению, скоро останусь последним.

Щедровицкий. Да. И слава Богу. Тогда, наконец, никто не будет говорить о том, что они знают, как на самом деле практиковалось мышление, и мы сможем сосредоточиться на создании тех институтов, которые всем позволяют быть причастными к мышлению.

Сазонов. Я вижу, как это происходит сегодня… Дай, Бог, счастья!

Щедровицкий. Спокойней, главное – спокойней! Подождите немного. Девушка, Вы кто?

Фоменко. Фоменко. Я просто хотела защитить…

Щедровицкий. А никто ни на кого не нападал!

Фоменко. Я хотела защитить суд в отношении того, что это место, где иногда происходит мышление. Например, в англо-саксонской системе, где прецедентное право, если не находят прецедент или норму, под которую подходит данная конкретная ситуация, судья выносит новое решение, не имеющее аналогов.

Щедровицкий. Девушка, здесь не надо никого защищать! Здесь все, на кого кто-то и нападает, могут защититься сами.

Фоменко. Вопрос о соотношении коллективного мышления и индивидуального в данной системе представлен в плане того, что может произойти и коллективное мышление, когда есть существующий прецедент, и индивидуальное, когда прецедента нет, и судья формирует новую норму.

Марача. Спасибо, уважаемые коллеги!

Щедровицкий. Друзья мои, в 15:05 собираемся в этом зале.

II коллоквиум

Щедровицкий. Уважаемые коллеги, продолжаем. Первый докладчик второго коллоквиума – Вадим Маркович Розин.

В.М. Розин

**Методологический анализ становления и функционирования
института «социальных трансформаций»
(на материале деяний св. Бернара и истории Ордена тамплиеров)²⁹.
Доклад, вопросы по докладу и обсуждение**

Розин. Добрый день! Я буду делать сообщение исходя из того, что тезисы есть, их читали, и в этом смысле только частично буду опираться на тезисы.

Прежде всего, я хочу пояснить эмпирическую ситуацию. Это было очень интересное время, когда Европа, по сути дела, находилась в сильном раздрое, шла борьба за власть между церковью и королевской властью, царил беспредел. И одновременно именно эта ситуация приводит к тому, что – как ответ на те вызовы времени, которые были, – стали формироваться определенные институции, силы, ордена, которые пытались эту ситуацию разрешить. И, в частности, Орден тамплиеров – это одна из таких институций, которая здесь работала, которая действовала очень успешно, но которая затем была ликвидирована, когда она стала в социальном смысле не нужна.

Большую роль в формировании этого Ордена, как известно, играл святой Бернар, который написал Устав Ордена и по сути разработал его идеологию. Это и есть та историческая ситуация, которая позволила мне обсуждать вместе с Людмилой Голубковой (она дала этот материал, и я на него полностью опираюсь) становление такого института, как институт социальных трансформаций.

Но, имея в виду, что тезисы есть, я сначала просто поясню тот метод, которым я пользовался. Метод представляет собой следующую матрицу, или последовательность шагов. Во-первых, рассматриваются предпосылки становления такого института. И не только такого: я думаю, что это во всех случаях необходимо. Предпосылки – это некая социокультурная ситуация, некий социокультурный фон, без которого становление нового института не состоялось бы. Во-вторых – и это очень важно, – рассматриваются основные вызовы времени, на которые отвечал такой институт, причем эти вызовы времени как-то преодолеваются индивидуально в сознании тех или иных творцов.

Далее в качестве ответа на те или иные вызовы времени рассматривается становление новых социальных практик. Когда речь идет о социальных

²⁹ См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

практиках, то это, с одной стороны, новая деятельность, которая как раз решает эти задачи, это новое *видение реальности*. А условием того, чтобы оно возникло, является изобретение различных схем. Именно схемы задают новое *видение*, позволяют по-новому действовать. И изобретение таких схем я отношу уже к разделу мышления. Потому что можно говорить, что у мышления есть две роли, или функции. Одна – дискурсивная, когда речь идет о получении новых знаний и представлений в различных дискурсивных процедурах. Это может быть рассуждение, это могут быть доказательства, какие-то построения, проектирование и т.д.

А другая функция связана с созданием онтологических представлений, созданием условий для нового *видения* и т.д. В данном случае новый институт не состоялся бы, если бы не были изобретены схемы, которые позволили по-новому увидеть самого человека, его роль в социальной действительности, и позволили создать новую организацию.

Таким образом, для меня, когда я говорю о новых социальных практиках, это, с одной стороны, интеллектуальное обеспечение, с другой стороны, новые организации. А когда речь идет об их воспроизведстве, то по сути – это новые институты. В данном случае особенностью нового института, как я стараюсь показать, было то, что этот институт представлял собой своего рода кентавр. С одной стороны, нормальный институт со всеми необходимыми атрибутами и свойствами, – с другой стороны, это было эзотерическое сообщество. Не знаю, можно ли говорить об эзотерических институтах, поэтому я говорю о кентаврах. Кентавр – такое странное образование, которое, с одной стороны, эзотерическое сообщество, а с другой стороны – институт.

Наконец, дальше я рассматриваю, к чему ведет функционирование института. Как правило, получается, что институт – это механизм социальной трансформации; такой институт осуществляет экспансию. В данном случае Орден тамплиеров осуществлял экспансию, и это вело, по сути дела, к переделке мира, к перестройке социальности.

И последнее, что я делал, если говорить о шагах реконструкции, – я рассматривал уход этого института с исторической сцены в связи с тем, что он выполнил свою историческую задачу, хотя, вообще говоря, он был совершенно здоровый, активный и мог бы еще принести пользу.

Теперь, что я понимаю, говоря о социальном институте и говоря о мышлении? Когда я говорю о социальном институте, я применяю *схему реконструкции становления института*. И здесь я утверждаю, что всякий социальный институт по сути есть ответ на определенные вызовы времени, или проблемы, которые возникают. Потом, если иметь в виду социологическую трактовку института, речь должна идти о миссии института. Но когда он только складывается, лучше говорить о вызовах времени, на которые институт отвечает.

В решении этих задач, в ответе на эти вызовы заинтересованы определенные популяции. Именно эти популяции инициируют создание новообразований и поддерживают становление института. Анализ таких популяций является, на мой взгляд, очень важным.

Далее, если говорить уже о теле социального института, то можно с уверенностью говорить, по меньшей мере, о трех вещах: новой деятельности; новых процедурах (в социологическом плане); новой организации, которая обеспечивает нужное функционирование людей в этом институте.

Если мы рассматриваем интеллектуальные условия становления института, то это схемы, которые как раз и позволяют построить новые деятельности и развернуть новые организации. Теперь, конечно, очень важны процессы воспроизводства новых деятельности и организаций, без которых новый институт сложиться не может.

И, наконец, последняя характеристика, которую я показываю в своих культурологических работах, является тоже исключительно важной. Она связана с тем, что институт может стать институтом только в том случае, если он вписывается в культуру, превращается в орган культуры. Тут, конечно, присутствует некоторая социально-биологическая аналогия. Но что она означает? Что мы каждый раз, когда рассматриваем социальное становление института, должны анализировать, каким образом происходит перераспределение территории и функций между разными институтами. Потому что новый институт складывается в поле существующих институтов. И в связи с этим идет борьба за власть, борьба за ресурсы, за плацдармы и т.д. – и это одна сторона дела. Вторая сторона дела состоит в том, что институт должен быть органом культуры, и в этом смысле он должен разворачиваться и строиться так, чтобы соответствовать базисным культурным сценариям или картине мира, основным формам организации культуры, той семиотики и тем представлениям, которые есть в культуре. Короче говоря, это тоже очень важный тезис: институт – это орган культуры, и анализ его становления должен исходить из этого.

Во втором своем выступлении я буду говорить о других характеристиках мышления. Как вы поняли, я говорю о мышлении, прежде всего, в плане того, что условием становления «институтов трансформации» (я думаю, что и практически любых новых институтов) является изменение *видения*, изменение реальности, изменение представлений людей о самих себе и о мире, который их окружает. Такое изменение производится мышлением, потому что именно философы, ученые и т.д. осуществляют критику той реальности, которая, с их точки зрения, уже не соответствует современности и вызовам времени, и конституируют новую реальность. В этом смысле можно сравнить, например, деятельность святого Бернара с деятельностью Платона, который создавал новые представления о любви для становящейся античной личности. При этом он должен был блокировать традиционные представления о любви – родовые, – переключая любовь на личность. А делал он это за счет создания, изобретения целого ряда схем, которые он предъявляет в «Пире». И становление института предполагает мыслительную работу именно в этом плане, прежде всего, в плане изменения *видения* и реальности.

По тому материалу, который здесь рассматривается, святой Бернар и выступил в роли такого своеобразного «Платона» по отношению к становлению Ордена тамплиеров, потому что он задал особенности той реальности, которая

позволила конституировать этот Орден и далее создать уже и социальный институт.

Теперь я кратко пробегусь по своим тезисам и прежде всего укажу на основные задачи, которые я решал, когда продумывал этот кейс.

Во-первых, мне хотелось проанализировать цикл жизни становления, функционирования и гибели особого института, основная миссия которого состоит в том, чтобы запустить и поддержать социальные трансформации.

Во-вторых, я хотел осмыслить именно интеллектуальную составляющую подобной социальной трансформации. Я уже говорил, как в данном случае я понимаю мышление; такой подход в принципе может быть использован при обсуждении не только мышления, но и формирования института мышления.

И, наконец, я хотел понять, можно ли данные характеристики этой реконструкции – ведь я демонстрирую определенные реконструкции становления института трансформации – распространить на другие случаи, например, большевизм, опричнину и т.д. Прежде всего, что уже отмечалось, я анализировал те предпосылки, которые привели к становлению нового института социальной трансформации. Социальная ситуация в данном случае задавалась борьбой за власть между королем и церковью, неконсолидированностью христианского мира, несовпадением реальной жизни священников и не только священников с идеалами Христа, социальным беспределом и насилием в обществе (об этом очень хорошо написано в целом ряде работ³⁰), наличием множества автономных социальных субъектов и, наконец, наличием популяций, которым некуда было приложить свои силы. Это, в первую очередь, относилось к рыцарству, частично к монашеству.

Какие основные вызовы времени возникали в ту эпоху? Я иду прямо по своей методологической схеме. Для церкви основным вызовом была необходимость восстановления единства своих рядов и возвращения к принципам подлинной христианской веры, а также борьба за получение власти, потому что церковь считала, что именно она должна осуществлять властное руководство. А для власти в целом – я имею в виду и церковь, и королевскую власть – таким вызовом было прекращение социального беспредела, наведение в обществе порядка, установление социального мира.

Ответом на эти вызовы, я считаю, было становление новых социальных практик. И когда я говорю о становлении новых социальных практик, я использую здесь методологический прием анализа или конструирования распределенного целого. Что это такое? Я думаю, что, по сути дела, в данном случае речь шла о становлении нового социального организма. А если речь идет о становлении нового социального организма, то мы должны рассматривать все его стороны или составляющие как взаимоопределяющие, конституирующие друг друга.

³⁰ См., напр.: Бессмертных Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. М.: 1991. – В.Р.

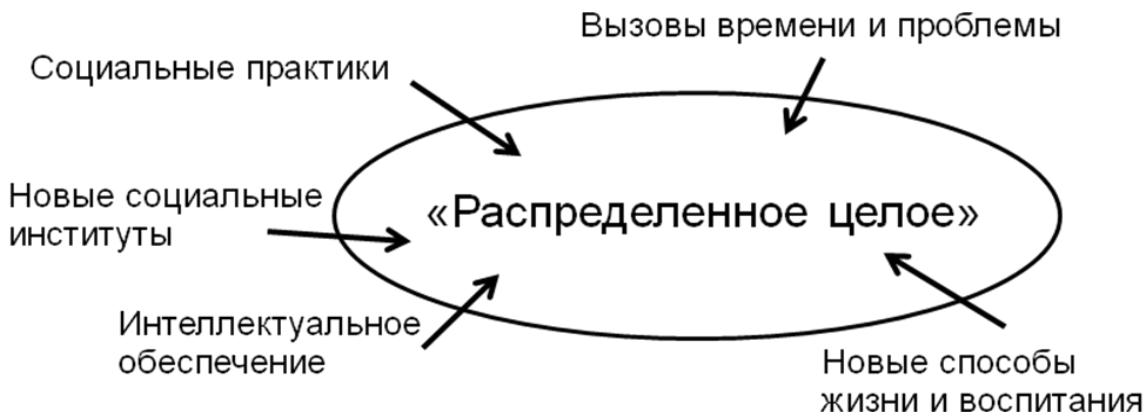

Рис. 1 (Розин). Схема становления нового социального организма

Сюда относятся социальные практики, вызовы времени и проблемы, новые социальные институты, интеллектуальное обеспечение, новые способы жизни и воспитания и т.д. Этот список не закрыт, как вы понимаете: это различные стороны и составляющие нового социального организма, который начинает складываться. С этой точки зрения, я бы так сказал, что одновременно складываются социальные институты, новые *видения*, социальные практики и т.п.

Теперь о том, какая идея запустила процесс становления нового института. Думаю, что идея монаха-рыцаря. Ведь до этого монахи и рыцари представляли собой две совершенно разных институции: считалось, что монах никогда не должен брать в руки меч, а рыцарь не может быть монахом, и т.д. А здесь складывается особая новая институция монахов-рыцарей. Идея, реальность этой институции была сформулирована святым Бернаром как двойное служение: борьба с дьяволом на Небе и его приспешниками на Земле, защита Христа и помочь всем тем, кто идет по пути спасения.

Я обращаю внимание на то, что тут очень важна была идея помощи всем, кто идет по пути спасения. А путь спасения может пониматься очень расширенно – конкретно или весьма абстрактно. Но Бернар разрабатывает и вторую идею нового Ордена, и в этом смысле он задает вторую характеристику новой реальности. Это создание особой организации и образа жизни, эзотерических по сути, обеспечивающих для членов Ордена выполнение указанной миссии. Устав Ордена, написанный святым Бернаром, с одной стороны, делал невозможными привычные жизнь и отношения, а с другой стороны, создавал условия для выращивания эзотерического человека, для переделки обычного человека в своеобразное орудие решения задач, стоящих перед данным Орденом.

В одной из моих статей, еще в «Кентавре»³¹ (это старая статья), я обсуждал и такой момент: был ли ММК эзотерическим сообществом? В общем, я склонялся к идеи, что ММК тоже был эзотерическим сообществом, и без эзотерических идей, эзотерического мироощущения мы вряд ли бы смогли решить те задачи, которые тогда перед нами стояли и которые мы сами себе поставили.

³¹ Интервью С.Б. Поливановой с В.М. Розиным: «Сообщество, в которое я вошел, было, безусловно, эзотерическим» // Альманах «Кентавр». 2. 1991. С. 34–40. – В.Р.

Если говорить о теоретическом плане, то я здесь делаю большой акцент на схемах. На мой взгляд, миссия Ордена и идея особой организации задавались с помощью новых схем подобно тому, как Платон когда-то задавал и вводил любовь на схемах. На их же основе складываются, с одной стороны, новые социальные институты, с другой стороны, эзотерическое мироощущение и образ жизни. Схемы изобретаются индивидами и позволяют перейти от проблемной ситуации к новой реальности. Повторю, что социальный институт я понимаю прежде всего как образование, институцию, которая отвечает на вызовы времени, как форму изобретения новой деятельности и новой организации на основе схем и как орган культуры.

Теперь, как я понимаю эзотеризм. Классическое эзотерическое мироощущение может быть пояснено тремя постулатами. Первый постулат – эзотерик убежден, что существует две реальности: одна – не подлинная (это обычный мир, как правило, оцениваемый негативно), и другая – подлинная, которая отвечает его чаяниям, идеалам и устремлениям. Второй постулат – он уверен, что целью жизни является именно проход в подлинную реальность, ради этого только и стоит жить. И, наконец, третий постулат – эзотерик приходит к пониманию необходимости собственного изменения и трансформации. Кстати, в своих работах я обсуждал, что являлось подлинной реальностью для Георгия Петровича Щедровицкого. Нетрудно догадаться – именно мышление для него являлось подлинной реальностью. И Щедровицкий это красиво и четко сформулировал в своей книге: «Я всегда был идеалистом...»³².

Если говорить более конкретно о тех схемах, которые создал святой Бернар и, очевидно, его помощники, то здесь можно выделить, во-первых, так называемые *фундаментальные схемы*. Фундаментальные схемы определяют основной строй, задают основные характеристики той новой реальности, о которой идет речь. Конкретно были предложены три фундаментальные схемы: схема монаха-рыцаря как воина Христа на Небе и Земле, схема двойного служения Богу и людям, идущим по пути спасения, и, наконец, фундаментальная схема любви к Богоматери, кульп Девы Марии. Поскольку в этом Ордене запрещались семейные отношения, поскольку вместо этого выставлялся образ Богоматери как конечная цель и награда людям, идущим по эзотерическому пути.

В свою очередь, на основе фундаментальных схем разворачивались несколько производных схем, а именно: защита паломников на пути ко Гробу Господню, возведение храмов, строительство дорог, финансовое обеспечение паломников. Эти производные схемы являются реализацией фундаментальных схем, что было показано в специальном исследовании.

Дальше идет анализ сдвига набора функций деятельности Ордена, его воздействия на другие институты. Так, происходит перераспределение функций и полномочий разных институтов, по сути – создается новый социальный мир. Я бы сказал, что *новый институт, если он эффективный, переделывает реальность, переделывает мир, переделывает отношения*.

³² Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... 2-е изд., испр. и доп. М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». Серия «Г.П. Щедровицкий. Избранные тексты», 2012. – В.Р.

Как это конкретно происходило в данном случае? Сначала тамплиеры хранили деньги паломников, которые шли ко Гробу Господню, – а потом они перешли к финансовой деятельности в более широком смысле слова. Сначала они строили дороги именно для этих паломников, – а потом начали строить дороги по всей Франции, в частности, дороги, ведущие к храмам. Сначала они кормили паломников из своих запасов (причем это была очень важная их деятельность) – а потом они стали развивать сельское хозяйство, чтобы можно было кормить всех христиан Франции. Сначала они строили небольшие храмы для своих членов и паломников – а потом занялись строительством церквей по всей стране. Эта идея службы, связанная с сервилистской идеей, – службы, связанной с тем, чтобы обеспечить людей, идущих к Богу, – когда эта идея конкретизировалась, опускалась на материал и соотносилась с разными условиями, она способствовала тому, что эзотерическая деятельность превращалась в общественную деятельность по переделке, перестройке многих социальных отношений.

Нужно учесть и то, что Орден выступал образцом новых форм жизни, образцом органической связи веры и практической деятельности (монахи и воины в одном лице), образцом бескорыстного общественного служения. Создавались образцы новых технологий, в том числе управленческой технологии, создавались образцы более эффективной деятельности. Иными словами, Орден создает предпосылки для строительства дорог, финансовых технологий, новых схем управления и хозяйствования, то есть, по сути, предпосылки для становления национального государства.

Почему же Орден монахов-рыцарей не смог противостоять королю и был уничтожен, когда он выполнил свое назначение? Мне кажется, тут дело в следующем.

Во-первых, эзотерический образ жизни, характерный для Ордена, был чужд основной массе населения. В этом смысле он не имел опоры в этой массе.

Во-вторых, новые технологии постепенно перенимались другими институтами и начинали работать повсеместно.

В-третьих, Орден монахов-рыцарей вместе с другими орденами и новыми социальными институтами, в частности, каноническим и светским правом и обновленным государством, ответили на основные вызовы времени. А идея двойного служения, о которой я говорил выше, исключала сопротивление церкви королевской власти – ведь последняя санкционировала создание Ордена, и формально он выступал ее орудием. Тамплиеры выполнили свое назначение, подготовив условия для становления нового социального организма.

И последнее: можно ли этот способ реконструкции распространить на объяснение других социальных трансформаций и институций? Я думаю, что да. Например, мне кажется, что история большевизма практически полностью укладывается в намеченную схему. Во многом сюда же укладывается история опричнины. А вот история ММК, мне кажется, нет. Здесь не было ориентации на культуру и миссию общественного обслуживания, хотя понятно, что были какие-то прагматические установки.

Эзотерическое мироощущение было характерно, прежде всего, для Георгия Петровича, а для остальных членов ММК – только частично. Я бы сказал, что для многих оно вообще не было характерно. Не было создано культурообразных процедур и организаций. Реформаторская активность была направлена, главным образом, на интеллектуальную сферу, не затрагивая другие социальные институты. И, вероятно, были и другие моменты и причины.

На этом я бы хотел закончить, еще раз обратив внимание, что анализ данного материала также позволяет, как мне кажется, специально обсудить роль мышления (в разных его аспектах) в рамках становления социальных институтов и других социальных образований.

Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо, Вадим Маркович.

Три вопроса. Пожалуйста, Слава, потом Реут.

Марача. Вадим Маркович, спасибо за такое блестящее социокультурное исследование. Понятно, что оно – про институты, но не совсем понятно, в какой мере оно про мышление. Этот институт трансформации – что он с мышлением сделал или не сделал и т.д.?

Розин. Я коротко отвечу, апеллируя к Вашему материалу. Ведь что Вы показывали? Вы показывали, что мышление определяется социокультурным контекстом. Например, Вы показывали, что суд определяет структуру юридического мышления. По аналогии я бы сказал, что *то* мышление, которое было характерно для святого Бернара, определялось становлением института монахов-рыцарей. Это еще просто один пример к тому, что надо заново продумать стратегию анализа мышления. Мы должны учитывать эти социальные оболочки, эти социальные контексты. Ставится вопрос, как в связи с этим анализировать само мышление и каким образом оно разворачивается.

Марача. Так оно умерло вместе с Орденом, и даже названия у этого мышления не осталось.

Розин. Почему же?! Сохранились и устав, история всего этого дела. Они сохранились как образец, как тексты и т.д. А следовательно, это может быть реконструировано и оживлено заново.

Марача. Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо!

Реут. Вадим Маркович говорил в числе прочего о теле социального института, а в реплике предыдущего коллоквиума Вадим Маркович говорил о двух телах – [теле института мышления и теле человека](#). Вероятно, и в случае института тамплиеров в дополнение к этому институту существовал также еще и тамплиер. Дальше была реплика от Петра Георгиевича, превращающая эту ситуацию в дискуссию о курице и яйце. А нельзя ли здесь сделать другой ход и рассматривать институт мышления как двухфокусную категорию? Один фокус – это непосредственно институт, а другой фокус – это человек мыслящий.

Розин. Да. Только я бы сказал не «человек», а «личность»: святой Бернар с сообществом, которые пишут этот самый устав и потом его корректируют (ведь его корректировали много лет и разворачивали много лет). И святой Бер-

нар с этим сообществом – это один фокус. А с другой стороны – становящийся и ставший потом институт тамплиеров. Именно здесь, на этих двух фокусах, и нужно работать, мне кажется.

Реут. Да. И затем Петр Георгиевич говорил о том, что институт в виде некоторой культурной формы может существовать и дальше, наполняясь либо не наполняясь человеческим материалом в последующие исторические эпохи. И на этой двухфокусной категории можно данный процесс рассматривать и разворачивать. Спасибо!

Щедровицкий. Но ведь Вадим Маркович не ответил на предыдущий вопрос Вячеслава Марача: о каком виде, типе мышления, технологии мышления идет речь? Никакой гипотезы обобщения данного исторического сюжета в действительности тех или иных представлений о мышлении не произошло.

Розин. Это Вы верно замечаете, но я бы сейчас уточнил. Смотрите, как я буду говорить во втором докладе: на мой взгляд, мышление мы должны обсуждать только в контексте методологической работы, методологии. И в этом смысле, конечно, я бы мог сказать ретроспективно как методолог, что в данном случае, когда я говорю про мышление, меня прежде всего интересует онтология. И в этом смысле я поэтому и говорю: «новая реальность», «новое видение» и т.д. И я недаром напираю на схемы. Я бы сказал, что в данном случае рассматривается тот аспект мышления, который с помощью методологической рефлексии и работы может быть сфокусирован на идее новой реальности, новой онтологии и тех инструментов, в частности, схем (но очевидно, что не только), которые позволяют конституировать эту новую реальность, эту новую онтологию.

Щедровицкий. То есть Вы хотите сказать, что святой Бернар был первым методологом?

Розин. Нет. Я хочу сказать, что я как методолог могу приписать святому Бернару определенные характеристики мышления, и больше я ничего не говорю.

Щедровицкий. Но какие?

Розин. Я сказал.

Щедровицкий. Вы не производите номинацию. Вы из арсенала своих представлений о мышлении не выделяете некий тип или некое понятие, некий ноумен и не присваиваете ему имя. Понятно, что это будет модернизацией, но без этого разговор повисает в воздухе. Была ли благодаря всему этому социальному институту осуществлена какая-то инновация в тело будущего мышления? Да, мы готовы согласиться с Вами, что мышлением оно станет только через 500 лет. Да и то это проект, да и то без методологической рефлексии этот проект не кажется завершенным, может быть, еще без чего-то. Но мы все равно обязаны произвести это огрубление.

Розин. Я бы так сказал тогда. Я бы обратился к методологической традиции и сказал бы, что это как раз то, что связано объектно-онтологическим планом, когда мы обсуждали это в методологии: мышление как создающее объектно-онтологический план.

Щедровицкий. Спасибо. Борис Васильевич, и потом Ваша реплика. Поэтому что Вы, конечно, Сазонову масла в огонь подлили.

Розин. Ну и хорошо.

Щедровицкий. Что же хорошего-то?

Сазонов. Прекрасно. Фактически мой вопрос был уже задан Вячеславом Марача, а развернувшаяся дискуссия отвечала на его вопрос. Единственное, что я вполне согласен с тезисом Вадима Марковича относительно того, что мышление появляется как рефлексивное отношение к какой-то деятельности, в том числе и Бернара и т.д. Но тогда вопрос только в следующем: если мы рефлексируем некоторую деятельность с точки зрения мышления и выстраиваем соответствующие концепции, то это отдельная деятельность, отдельный предмет мышления – либо это отдельный проект относительно мышления, который дальше институционализируется, способен на институционализацию? Либо он необходимым образом включен в структуру деятельности и институционализируется уже не только как мышление, а как мышление и деятельность? Почему нужно обосновывать в рефлексии именно мыслительную составляющую, а не более сложную структуру, включающую деятельность?

Розин. Это ведь зависит от тех задач, которые я решаю как методолог. Если меня будет интересовать, предположим, та логика, которую я могу увидеть в текстах Бернара, если меня интересует дискурс Бернара, который он разворачивает, – то мне достаточно рассматривать только мышление. Если же речь идет не только об этих вещах (а по сути я задал более сложную деятельность), если мне необходимо также рассматривать, как формировался институт тамплиеров и т.д., – то, конечно, я не могу ограничиться только мышлением: я должен рассматривать мыследеятельность.

Щедровицкий. Но Сазонов ведь про другое спрашивает. Он гнет свою линию, что по отношению к мышлению понятие института и институционализации неприменимы. Но поскольку он человек дисциплинированный, он так впрямую не говорит, а говорит: «Почему бы Вам не обсудить институционализацию по отношению к деятельности, а не к мышлению? А к мышлению только в той мере, в какой она как-то с этой деятельностью связана».

Сазонов. Вадим отвечает очень просто. Он говорит, что это его проблема: какой проект он хочет задать волонтаристски, такой и будет. А для меня это большой вопрос, который заключается в том, куда встроен этот проект, в какие практические задачи? Такие проекты, как проекты создания мышления, существовали, но, с моей точки зрения, сегодня эти проекты являются архаическими.

Розин. Я буду [во втором своем сообщении](#) обсуждать этот вопрос.

Щедровицкий. А у меня еще один вопрос к Потемкину.

Я не понял: Потемкин пообещал, что Вадим Маркович расскажет, чем кончилась дружба между святым Бернаром и [Гийомом из Конша](#). Не знаю, где это находится. Вадим Маркович ничего не рассказал. Может, Вы нам намекнете, чем же кончилась их дружба и почему они одновременно занимались такими делами: один создавал институт под названием «грамматики», а второй – институт под названием «социальная трансформация»?

Потемкин. Честно говоря, я не знаю, я только сегодня обнаружил это совпадение...

Щедровицкий. Ладно, хорошо. Еще, коллега, вопрос.

Аладин. Очень интересный доклад. Но здесь из всего доклада видно, что именно тамплиеров Бернар и мыслил двояко: у него было реальное рефлексивное мышление и эзотерическое мышление. В те годы, и еще раньше, как нам известно из истории, вообще все народы мыслили мистически – то есть не только реалиями, которые наблюдались и были даны в ощущениях, но они учитывали действия сил, которые были невидимы. И то же самое происходит и в других тайных обществах. Кстати, тайные ордена возникли практически единовременно. Был же еще Орден ионитов, потом иезуитов. И современные ордена, например, «Череп и кости», или иллюминаты, которые сейчас практически руководят, дают нам указания...

Розин. А в чем вопрос?

Щедровицкий. Они не всем, они только избранным дают указания. Вам, например. До остальных, слава Богу, это не доходит.

Аладин. Ну, насколько нам известно... Все-таки то мышление, которое внедрялось, в частности, эзотерическое, и было главным для их самореализации – оно что, свою актуальность потеряло? Почему эти ордена ушли? И тем более почему их уничтожили – в частности, тамплиеров, их главу де Мале – таким кровавым методом? Что же они нарушили в конечном итоге?

Розин. Вы знаете, я говорил осторожнее: я не говорил про эзотерическое мышление, я говорил про эзотерическое мироощущение и эзотерическое сообщество. Это немного разные вещи. В своих работах я пытался рассмотреть некоторые особенности эзотерического мышления, я изучал эти вещи. Но в данном случае и над Вашими вопросами надо думать, я так сходу не мог бы ответить на них.

Щедровицкий. У Вас тоже вопрос или мы уже перешли к обсуждению?

Данилова. Реплика.

Щедровицкий. Это хорошо. Вовремя.

Данилова. У меня реплика, точнее, даже две. Первое, у меня есть предположение о том, какой тип мышления таким образом первый раз был институционализирован, хотя я сомневаюсь, что этот институт его сохранил. Я сомневаюсь, что оно сохранилось после того, как Орден тамплиеров разгромили. На мой взгляд, это управленческое мышление. Люди Ордена – те, кто занимали там достаточно высокие позиции, – были военачальниками, которые в условиях, когда по всей Европе сражались маленькие феодальные отряды, создавали армии и этими армиями эффективно воевали. Это люди, которые задумали и реализовали большие хозяйствственные проекты: сельскохозяйственный, проект строительства дорог и т.д.

Почему можно предполагать, что это мышление было институционализировано? В общем-то, вспоминая [мою дискуссию](#) с Вячеславом Марача, если считать признаком института то, что определенный тип мышления реализуется независимо от того, какие люди втягиваются в эту систему, то это проходит даже по критерию Марача: мы не помним фамилий тех, кто принадлежал

к этому Ордену, никого, кроме святого Бернара. Но там было заведомо много эффективных управленцев, которые всю эту систему создавали, поддерживали, обеспечивали ее процветание и т.д.

Орден тамплиеров самоопределялся относительно двойной реальности: с одной стороны, это идея служения трансцендентному, служения божественному замыслу, и, с другой стороны, мирское служение – служба людям, которые ищут свой путь к Богу. Именно эта двойственность, на мой взгляд, абсолютно неспецифична для Ордена тамплиеров, неспецифична для управленческого мышления, если верна моя гипотеза. Но эта двойственность нормальна для средневекового сознания.

На мой взгляд, закрытость информации и очень жесткий, иерархированный доступ к ней, который практиковался в Ордене тамплиеров, сыграл дурную службу относительно институтостроения, относительно создания института мышления. Мы можем предположить, что институт управленческого мышления был создан и функционировал там, но у нас нет возможности выяснить, какие средства они изобрели и каким образом они эти средства транслировали. У меня все.

Щедровицкий. Спасибо. Еще суждения? Да, Рустем, потом Вы.

Максудов. Вера Леонидовна, у меня ощущение, что если бы это было управленческое мышление, то их не разгромили бы. А если продолжать то, что говорил Вадим Маркович, то это скорее такое мышление, где проекты внутри не соответствовали той управленческой действительности, которая была в Европе в то время.

Щедровицкий. Спасибо! Коллега, прошу.

Ключ. У меня реплика относительно эзотеризма, в том числе эзотеризма у Георгия Петровича. Мне кажется, что здесь не надо представлять дело именно так. В словах «я всегда был идеалистом» он выразил свое кредо. Идеалы не обязательно нужно относить к мистике, к вере в Бога или к эзотерике, которая смыкается с мистикой. В этом плане любое социальное управление предполагает наличие каких-то идеалов, то есть ценностных ориентиров, которыми руководствуются при выработке тех или иных решений. Все.

Щедровицкий. Спасибо. Что-то будете говорить?

Розин. Нет.

Щедровицкий. Спасибо большое, коллеги! Поблагодарим докладчика. Пожалуйста, Аркадий Липкин.

Естественная наука как институт мышления?

Доклад, вопросы по докладу и обсуждение³³

Липкин. Тема моего доклада «Естественная наука как институт мышления?». С вопросом – потому что, является ли мышление в этом плане институтом, я не уверен.

Из чего я исхожу? Я исхожу из того, что естественная наука – это про идеальные объекты, и мышление там есть! Это исходная гипотеза.

Институты же для меня – это некие устойчивые формы, нормы, обеспечивающие воспроизведение, и в данном случае – это воспроизведение научного мышления. При этом про науку я буду говорить в основном на материале физики.

Здесь для меня понятно, что очень эффективно работает куновская модель «парадигма – сообщество», и если структурно смотреть на физику и ее историю, то я четко вижу два аспекта: социальный и когнитивный, – где социальный вполне соотносится с сообществом, а когнитивный – с парадигмой. И, соответственно, если это институты, то они воспроизводят, с одной стороны, сообщество, с другой стороны – мышление, они заведомо связаны между собой. Отсюда вытекает два среза.

Первый – социальный срез. Здесь можно оттолкнуться от такого классического, может быть, несколько уже устаревшего подхода Мертона³⁴, где наука как социальный институт задается специфической системой ценностей и норм поведения (он это называет научным этосом): универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм. Можно к этому потом еще несколько характеристик добавить, но мне тут важен просто тип. То есть это некоторые установки сообщества, во многом – этического плана.

Мертон рассматривает только сообщество ученых, но если смотреть по истории и по докладам, которые были сегодня сделаны здесь, то я бы выделил пять связанных между собой сообществ: ученых, преподавателей, студентов, любителей-идеалистов, которые интересуются наукой ради науки, то есть как явлением культуры, и pragmatиков, которых наука интересует как некое средство, как правило, для развития техники. В тезисах было указано, как меняются эти сообщества в европейской истории.

Основной предмет моего выступления – когнитивный слой. Здесь парадигма для меня выступает, в первую очередь, как набор средств и одновременно – норм. И она обеспечивает производство «нормальной» науки. В этой парадигме, или системе норм, можно выделить последовательно пять слоев и

³³ См. также файл [тезисов](#) и [презентации](#).

³⁴ «Впервые тематику научных норм Роберт Мerton затронул в статье “Наука и социальный порядок” (1937 г.). Основное изложение концепции научного этоса он дал в статье “Нормативная структура науки” (1942) (*Merton R.K. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an intro. by N.W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. P. 267–278*). – Из: [Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм](#) // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5–47).

шесть уровней (по глубине), распределив их так, что каждый из них задает определенные нормы для последующих.

Первый слой и уровень – общий естественно-научный слой-1; это основная составляющая научной революции XVII века. Здесь для меня главный герой – Галилей, создающий в своей теории падения тел некий специфический симбиоз из натурфилософии, математики и техники.

Если относиться к тому, что перед этим говорил Вадим Маркович Розин, то есть ввести социальный контекст, то Галилей – это позднее Возрождение, Высокое Возрождение. Возрождение связано с ростом торговых городов и с тем, что центрами культуры становятся дворцы. И в этом плане то, что делает Галилей, – это то, что создается внутри философско-научного (оно тогда не сильно дифференцировалось) сообщества при дворцах. Оно не имеет никакого непосредственного прагматического значения (задача теоретического описания движения брошенного или падающего тела существовала со времен Аристотеля и удостаивалась большого внимания на протяжении предшествующих двух тысяч лет). Теория Галилея существует здесь как элемент культуры в рамках развития науки ради науки (и дальше идет как бы эстафета: республика ученых, потом королевские академии наук – опять же, там развивается чистая наука ради науки, – потом новые университеты, лаборатории, исследовательские институты – это уже мы подходим к XX веку).

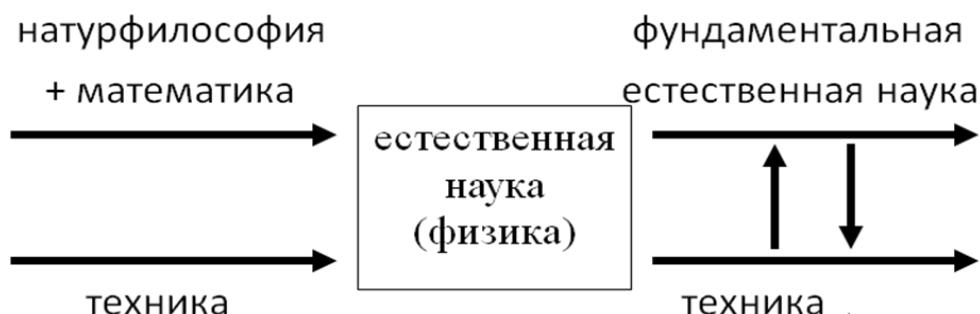

Рис. 1 (Липкин). Наука и техника

Итак, до XVII века была натурфилософия, которая в Средневековье математизировалась (у Гроссетеста и др.), – и это был один слой, относящийся к высокому жанру, – и была техника, которая существовала совершенно отдельно и относилась, так сказать, к более низкому жанру ремесла. В эпоху Высокого Возрождения статус инженера поднимается очень высоко, и у Галилея образуется симбиоз, где крайние элементы на рис. 2 (Липкин), которые обозначены «приготовление» и «измерение», взяты из техники, а средний элемент взят из натурфилософии. В этом среднем элементе осуществляется теоретическое математизированное представление идеальных объектов, в котором есть слой математический и есть слой модельный.

<Пригот. |ИО| Измер.>

Рис. 2 (Липкин). Общий естественно-научный слой-1
(ИО – идеальный объект)

Второй слой связан с Ньютоном. Я его обозначаю как «общий естественно-научный слой-2». В нем важно возникновение двух уровней: уровня *оснований* и уровня *конкретных теорий*. В первом задаются *первичные идеальные объекты* (ПИО) типа механических частиц (или поля, но это позже), которые двигаются согласно законам Ньютона; во втором строятся многочисленные модели различных явлений (*вторичные идеальные объекты – ВИО*).

{Основания ⇒ ПИО} → ВИО

Рис. 3 (Липкин). Общий естественно-научный слой-2

Принципиально важно разведение этих двух уровней, которого, как правило, нет в современной философии науки (исключение – Кун и Лакатос). Обычно используют позитивистскую одноуровневую модель, и это абсолютно неадекватно схватывает ситуацию, потому что здесь два совершенно разных типа работы и два совершенно разных типа эксперимента. Это связано с тем, что вторичные идеальные объекты – это приблизительные модели явлений и объектов, данных в эксперименте, которые ВИО моделируют, а первичные идеальные объекты – наоборот, являются тем, эмпирическая реализация чего в эксперименте становится их приближением, то есть приближенной реализацией-материализацией идеального теоретического объекта.

Третий слой – это граница XIX–XX века. Здесь возникает одна и та же ситуация в математике и в физике: происходит кризис оснований, потому что старый способ полагания первичных идеальных объектов как *неопределенных*, *но очевидных* (по сути, следуя первому правилу для руководства ума Декарта) перестает работать с появлением неевклидовых геометрий в математике и электромагнитного поля в физике. И поэтому в математике идет переход к заданному Гильбертом для геометрии *неявному типу определения*. Это же происходит в физике, хотя там это не было так четко отрефлектировано.

Четвертый слой – дисциплинарный. Это конкретная функциональная структура оснований для раздела любой дисциплины. Дисциплина состоит из разделов, но у всех разделов есть некая общая конкретная функциональная структура. В рамках этой функциональной структуры осуществляется предыдущий шаг, то есть задается неявный тип определения.

Я эту функциональную структуру выписал для физики (рис. 4 (Липкин)); в теоретической части тут два слоя: модельный и математический. В модельном слое два основных понятия: физическая система и ее состояние. Все процессы описываются как переход физической системы из одного состояния

в другое (имеется всего пара основных моделей, которые являются прототипами всех остальных первичных идеальных объектов – локальная частица и сплошная среда, – и это задает специфику физики).

Наконец, *пятый слой* – это уже конкретная содержательная реализация для данного раздела внутри дисциплины. Это уже конкретная структура, и каждый раздел физики отличается своим содержательным наполнением соответствующих функциональных элементов, выписанных на рис. 4 (Липкин).

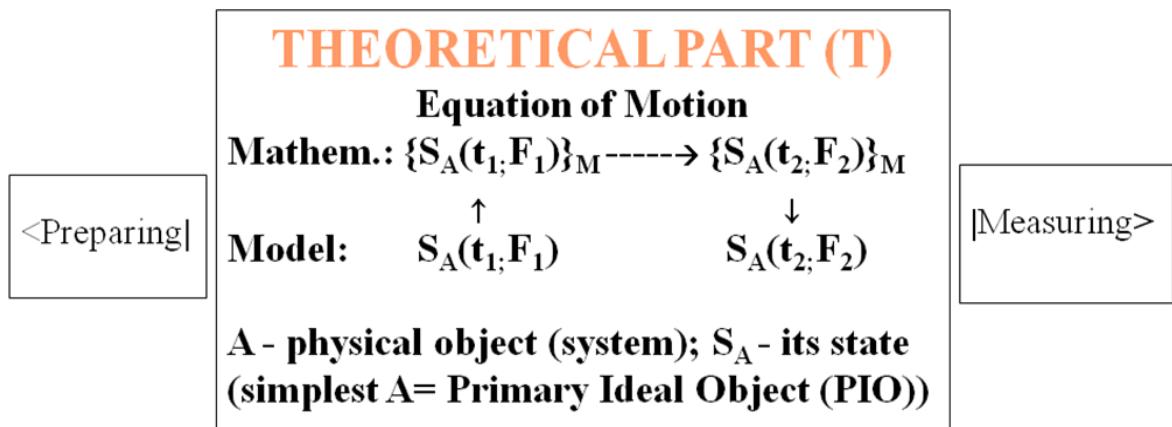

Рис. 4 (Липкин). 4-й слой. Структура оснований раздела физики

Теперь вопрос о прагматическом аспекте. По-видимому, до конца XIX века наука развивалась идеалистически, решая только собственные проблемы внутри своего слоя (это и есть то, чем занимается фундаментальная наука), и только с конца XIX века появляется место для научно-технической революции и, соответственно, прикладной науки (см. рис. 1 (Липкин)). Здесь я возвращаюсь к первой схеме, но теперь к правой ее стороне. После того как естественная наука возникла, наука и техника продолжают развиваться параллельно и независимо. Ближе к XX веку – даже, может быть, только в XX веке – возникает серьезное взаимодействие: техника поставляет все более сложные приборы для приготовления и измерения, а наука задает некие элементы для техники, но логика у них остается своя. Возникает место для прикладной науки, предметом которой являются те или иные технические объекты или процессы, а в качестве средств берутся первичные идеальные объекты фундаментальной науки.

Рассмотрим пример. Часто говорят о влиянии техники на науку, указывая на атомный проект. Атомный проект был стимулом развития физики в ранее периферийных в научном отношении странах – СССР и США. Но это эффект скорее социальный, чем содержательно-когнитивный. Тут выросли сообщества ученых – и США, и СССР вышли в лидеры в «нормальной» науке, но никаких научных революций, сопоставимых с революциями первой четверти XX века, атомный проект не произвел.

С другой стороны, эти схемы³⁵ задают некие средства и нормы, с помощью которых производится дальше «нормальная» наука, где можно выделить:

³⁵ См. слайды 14 и 15 файла [презентации](#).

1) тип «простой» задачи, когда задано средство для решения некоего исходного вопроса;

2) тип «сложной» задачи, когда задано не одно средство, а библиотека средств, и надо еще выбрать то средство, с помощью которого можно решить заданную задачу; сложные задачи охватывают диапазон от диплома до Нобелевской премии, но порой в науке решают и простые задачи;

3) иногда (но это чрезвычайно) редкая ситуация, исходный вопрос порождает проблему – в том плане, что нужно создавать новые средства, то есть новые разделы науки.

Теперь – по поводу сочетания «индивидуального» и «коллективного» в научной деятельности. Мне кажется, что здесь эффективной является соссюровская модель языка и речи, где язык является надиндивидуальным, индивид его осваивает и производит свою индивидуальную речь. Так, научные культурные формы, которые при обучении приобретает будущий ученый, надиндивидуальны, но то, что он производит дальше (в рамках фундаментальной науки), часто происходит на индивидуальном уровне, подобно речи. Общение при этом является важным, но это общение, думаю, соответствует скорее клубу, нежели институту. А вот для включения его продукта в научную культуру необходимо признание сообщества, и здесь, похоже, мы сталкиваемся с институтами.

Если исходить из того, что институты определяются коллективной деятельностью, коллективным мышлением, то более явно это происходит в прикладной науке и близком ей современном эксперименте, который совершается большими гетерогенными коллективами³⁶, но это уже лежит вне того, что я могу сходу сказать. Я анализировал и отвечаю дальше на любые вопросы по поводу фундаментальной науки, как я ее перед этим описал, – и на уровне новых парадигм, и на уровне нормальной науки.

На этом я заканчиваю.

Щедровицкий. Аркадий, а что произошло с Вами? У Вас в тезисах было одно, а в докладе в результате оказалось совсем другое. Поскольку в тезисах Вы вроде бы начинали приблизительно с той же схемы, которую вводила Вера Леонидовна, а именно, что есть три проекции института. Более того, там Вы попытались сначала дать социальный портрет и эволюцию социальных форм организации науки, а потом перейти к технологическому интеллектуальному ядру, включая эти Ваши физические формулы. А в итоговом докладе все про институционализацию Вы куда-то выкинули и рассказали нам про технологии «фундаментального физического мышления» (в кавычках всё берем).

Липкин. Так, виноват. Значит, я просто пропустил кусок.

Щедровицкий. Не та презентация, да? Обычно, когда собираются крупные начальники и включают какую-нибудь глупость, они потом смотрят на это и говорят: «Исполнитель поручения, сволочь, не ту презентацию подсунул». Да?

Липкин. Да, из того, что было заявлено в тезисах, я многое пропустил.

³⁶ Ср., напр., с недавним материалом: [Этен Д. Сколько нужно ученых, чтобы сделать открытие?](#) – Ред.

Щедровицкий. То есть собственно сутевую часть доклада. Случайно выпала.

Липкин. Я ее пропустил отчасти потому, что, возможно, сутевая часть доклада мне виделась немножко по-другому.

Щедровицкий. Итак, давайте рассмотрим три вопроса. Вопрос номер раз: считаете ли Вы, что то, что называется наукой, содержит внутри себя хоть какую-нибудь мыслительную компоненту?

Липкин. Считаю, как я заявил, и я из этого исхожу...

Щедровицкий. Да или нет? Помните, как это с фрекен Бок: «Давно ли ты перестала пить коньяк по утрам – отвечай, да или нет?»

Липкин. Я отвечаю – да.

Щедровицкий. «Да» – отлично. Теперь второй вопрос, чтобы была понята Ваша позиция: считаете ли Вы, что для характеристики мышления – типа мышления, вида мышления, техники мышления, парадигмы мышления – важен такой элемент жизненного цикла этого мышления, как институционализация?

Липкин. Нет ответа на этот вопрос.

Щедровицкий. «Нет»? Не понял. Да или нет?

Липкин. Не знаю!

Щедровицкий. Этой опции в вопроснике не дано...

А тогда, если не знаете, – зачем Вы вышли сюда с докладом? Сидите у себя там и лудите дальше эту презентацию. Тем более, как я понял, часть презентации Вы сделали, пока слушали всех остальных. Вы очень впечатлительный человек.

Липкин. Да.

Щедровицкий. Этим плохи текстовые презентации – легко можно переделать.

Липкин. Я могу про социальную институционализацию...

Щедровицкий. Еще раз. Я задаю прямой вопрос: считаете ли Вы, что по отношению к такому образованию, как мышление – в любой его категориальной ипостаси, – важен такой элемент существования мышления, как его институционализация? Не надо пугать нас, что «как только произойдет институционализация мышления, самое радостное из мышления – порыв там и прочее – улетучится», – меня это не интересует. Я спрашиваю: есть такой элемент существования мышления, как институционализация? Важный он или не важный, улетучится потом мышление или не улетучится – это сейчас не имеет значения.

Липкин. С моей точки зрения, парадигма (то, что формулируется Куном как парадигма), очень похожа на то, что здесь обсуждается как институт мышления.

Щедровицкий. Важно или не важно?

Липкин. И тогда это важно.

Щедровицкий. Важно. Отлично, итак...

Липкин. Если совпадает с парадигмой, то это важно и необходимо, да.

Щедровицкий. Честно говоря, я считаю, что «важно или не важно» люди определяют независимо от того, написал Томас Кун про это или не написал.

Липкин. Нет, я не то имею в виду. Я имею в виду, что мне совершенно понятно место парадигмы, и оно для меня чрезвычайно похоже на то, что обсуждается здесь как институт.

Щедровицкий. Не нужно, не грузите меня. Итак: важно! Я сейчас не спрашиваю Вас, как Вы понимаете институционализацию – как Кун или как кто-нибудь другой, и что Вы вкладываете в это представление. Но Вы ответили на два ключевых вопроса.

Теперь я Вас спрашиваю: так что Вам помешало по отношению к науке как к особому типу, форме организации мыслительного процесса проделать анализ той его части, элемента жизненного цикла, этапа развития, который связан с институционализацией этого мышления?

Липкин. Мне представляется, что я описал институт мышления. Институционализация, насколько я понимаю, это процесс возникновения института; я и в тезисах, и здесь говорил о том, как устроено мышление.

Щедровицкий. Итак, Вы мне отвечаете, что Вам ничего не помешало проделать эту работу.

Липкин. Нет.

Щедровицкий. Нет. А раз так – тогда у Вас есть все основания ответить на мой вопрос. Так что именно Вы утверждаете про институционализацию научного мышления?

Липкин. Я утверждаю, что есть необходимая связь между когнитивной и социальной компонентами, и вместе они образуют институт, или можно вводить подинституты на каждом слое. В плане социальной компоненты я мог бы выложить историю (я это выпустил в докладе) того, как меняется роль упомянутых выше четырех-пяти подсообществ, которые с этим непосредственно связаны. И если говорить про науку как институт мышления сегодня, то я прописал те самые пять уровней норм, которые держат этот институт, и, собственно говоря, эти две вещи и были в тезисах, с моей точки зрения.

Щедровицкий. Спасибо! Коллеги, какие вопросы есть? Суждения? Пожалуйста.

Марача. Если можно, покажите, пожалуйста, слайд с пятым уровнем (см. рис. 4 (Липкин)). Мне кажется, что то, что можно назвать институтом науки в смысле института мышления, и соответствующие циклы воспроизведения (по крайней мере, два из трех) можно видеть на этой схеме. Малый цикл воспроизведения, который задается двухуровневой схемой, нарисованной в середине, можно назвать циклом воспроизведения теоретического мышления, и **больший** цикл, включающий компоненты под названием «приготовление». А «измерение» – это уже такой технологический цикл воспроизведения института науки, который включает теоретическую и экспериментальную часть.

Третий же цикл воспроизведения, к сожалению, нигде в схемах докладчика не был нарисован, но были перечислены социальные фигуры, участвующие в науке, – это цикл воспроизведения научного сообщества.

И где-то на соорганизации этих трех циклов воспроизведения мы должны схематизировать науку как институт мышления. В этом моя гипотеза.

Щедровицкий. Спасибо. Дмитрий!

Бахтурин. Ну, а я бы рискнул ответить на вопрос относительно институционализации мышления в науке следующим образом: тот же Кун указывал, что нормальная наука – это же не просто функционирование, это «решение головоломок». И в этом смысле там много вопросов внутри действующей парадигмы. А если воспользоваться различием, которое ввел сегодня В.М. Розин в своем докладе, что есть мышление, создающее или претендующее на новые картины мира (в языке Куна – на новые парадигмы), а есть дискурсивное мышление в рамках доказательств, опровержений (Кун об этом говорит по отношению к нормальной науке – решение головоломок или действующего корпуса проблем), то эта часть точно институционализирована в том, что называется «наука». И более того, с моей точки зрения, это задает внутреннее основание ее воспроизведения, потому что за счет институционализации появляется очерченная сфера, связанная с мышлением. И, грубо говоря, на вульгарном языке можно сказать: все знают, куда обращаться за решением головоломок.

Щедровицкий. Спасибо. Рустем! Потом Жан, потом Вы. Да.

Максудов. Я думаю, что если разработки ММК в 1960-е годы интерпретировать не как какие-то существующие машины науки, а как проекты новых дисциплин с местами для постоянно пополняющегося методологического мышления, то это можно интерпретировать как задачу институционализации. То есть подготовка такого слоя проектировщиков, которые и воспримут эту задачу – задачу проектирования новых дисциплин, – я сейчас не обсуждаю; научных, не научных – но, наверно, дисциплинарного такого качества, в которых места для мышления обязательно будут.

Щедровицкий. Спасибо. Жан!

Загидуллин. Мне кажется, один из вопросов, или развилок, которые уже проявились в обсуждении ряда докладов, состоит в следующем: если мы признаем обязательность институционализации мышления, то либо мы считаем, что определенному типу мышления соответствуют определенные типы институтов, и дальше можно обсуждать их состав, отличия друг от друга и степень соответствия с мышлением. Либо – другая версия: независимо от типа мышления его институционализация универсальна для всякого мышления.

В связи с этим о чем, как мне кажется, не сказал докладчик, но что можно вывести из линии анализа науки – Кун, Фейерабенд и дальнейшие исследования науки. Мне кажется, там развивается линия, говорящая о том, что институционализация мышления не зависит от его типа. Нам говорят: «А вот наука – это такой хороший эмпирический пример этой институционализации, которая прозрачна, зафиксирована, отрефлексирована и т.д., и на ней можно обсуждать любую институционализацию любого типа мышления».

Щедровицкий. Спасибо. Да, пожалуйста. Данилова следующая.

Левенчук. Я бы сказал пару слов про динамику этого процесса. Как только появляется какой-то новый стиль мышления, сразу же начинается его институционализация. И первое время этот эффект позитивный, потому что он позволяет получить от данного вида мышления все больше и больше результатов. Но потом эта штука окостеневает и превращается в свою противоположность, то есть процесс заканчивается тем, что требуется вбрасывать новый вид

мышления, который тоже пройдет по этой же самой схеме и даст новые и новые эффекты.

И не зря было в докладе упомянуто, что при всем развитии науки с 1950-х годов серьезных, прорывных открытий и обобщений, которые были характерны для конца XIX – начала XX века, не произошло. Технологии – да, развились, а ничего серьезного не случилось.

Щедровицкий. Спасибо. Вера, потом Федор.

Данилова. Мне кажется неправдоподобной гипотеза, созначающая научную парадигму с институтом научного мышления. Поскольку вроде бы из истории науки мы знаем, что парадигмы могут меняться, а научное мышление сохраняется.

На мой взгляд, периоды научных революций – это как раз те периоды, которые показывают феномен, нарисованный у меня на схеме (см. выше рис. 2 (Данилова)), когда границы того, что регламентируется определенной технологией мышления, перестают совпадать с границей того, что регламентируется этикой сообщества и типом взаимоотношений в сообществе. Мое предположение выглядит так: то, что в институте мышления существуют эти три измерения, о которых я говорила, и дает возможность науке переживать научные революции. Когда технологическая и онтологическая сторона мышления начинают качаться и частично падать, центр тяжести в сохранении института переходит на научный ethos и отдельных героев науки. Но за счет этого институт сохраняется и может даже обновлять свои технологии. На мой взгляд, институт науки – один из тех институтов мышления, которые в какой-то мере сумели инкорпорировать процесс проблематизации.

Щедровицкий. Спасибо. Федор!

Александров. Я думаю, что этот доклад очень ярко иллюстрирует то обстоятельство, что выйти в тему институционализации, анализируя исключительно некоторые внутренние подробности какого-то механизма или социального феномена, невозможно. Потому что для того, чтобы выйти в анализ науки как института, необходимо анализировать, что происходит с научным знанием, где оно используется, для чего оно нужно и, языком В.М. Розина, – на какие вызовы отвечает каждая трансформация науки. Потому что достаточно хорошо известно, что наука рождалась в рамках теологических дискуссий по целому ряду вопросов о тварности мира, о месте человека в мире, и дальнейшее развитие науки во многом подкреплялось внешними вызовами и теми запросами на различного типа знания и онтологические картины, которые, в общем-то, формировались вне науки.

Если не восстанавливать этот контекст, то ответить на вопрос, что институционализирует наука, в чем суть института науки и в чем его бывшие функции, современные функции, анализируя исключительно структуру научного предмета и технологии научного мышления, – так просто пройти не получится.

Щедровицкий. Спасибо! Аркадий, будете что-то говорить?

Кучкаров. Можно вопрос?

Щедровицкий. Вопрос? Кому?

Кучкаров. Выступавшим.

Щедровицкий. А отвечать кто, я должен? Ну.

Кучкаров. Несколько выступавших – может быть, и докладчик тоже, – употребили словосочетание «вид мышления». Нельзя ли кого-нибудь попросить перечислить несколько видов мышления, а лучше выписать их?

Щедровицкий. Познавательное, проектировочное...

Данилова. ...художественное, религиозное.

Кучкаров. То есть эти виды мышления можно назвать, переписать их и рассуждать в этих терминах.

Щедровицкий. Ну, пожалуйста. Да, можно.

Кучкаров. Значит, тогда есть и род мышления?

Щедровицкий. Знаете, в свое время была научная дискуссия, которая началась с известной работы Теплова, которая называлась «Ум полководца»³⁷. В этой работе Теплов попытался показать, что, в отличие от характерного тогда засилья гносеологии, можно говорить о существовании специфического типа мышления, например, у крупного военного руководителя. Со своими элементами, со своими...

Кучкаров. Такое остативное определение: показываю пальцем.

Щедровицкий. Ну да, да, да...

Кучкаров. Вот есть полководец, вот есть художник, и у них разное мышление. А в чем это выражается – «художественное мышление»? Я не понимаю ничего.

Щедровицкий. Не понимайте дальше! Но почему 400 человек в зале должны быть озабочены Вашим непониманием? 399 из оставшихся вроде бы понимают, о чем речь.

Кучкаров. Сильно сомневаюсь.

Щедровицкий. Это другой вопрос. Сомневайтесь – проведите соцопрос.

Аркадий, будете что-то говорить?

Липкин. Да. Во-первых, я, наверно, соглашусь с тем, что сказал Слава Марача, особенно применительно к науке второй половины XX века и прикладной науке, но корни заложены раньше.

То, о чем я здесь говорил, можно рассматривать как институт по отношению к нормальной науке, которая, конечно же, не сводится к решению головоломок, но, тем не менее, там внутри задаются критерии истинности и прочее, прочее, прочее. Они там внутри работают, и это, опять же, есть то, что задает эти самые нормы, и то, что воспроизводится.

По поводу вопроса Веры Леонидовны Даниловой: здесь я виноват. Здесь нужно делать оговорку, что парадигмы могут быть совершенно разных уровней.

Щедровицкий. Аркадий, у нас нет задачи ответить на все вопросы, в том числе на те, на которые Вы не можете ответить.

Липкин. Я могу ответить.

Щедровицкий. Нет, это Вы можете думать, что Вы можете, а пока Вы ничего не сказали. Ни на одно замечание, которое было сделано. Ну, это я Вам

³⁷ См.: Теплов Б.М. Ум полководца // Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: 1965. – Ред.

так, как рефлексивное мнение ведущего. У нас нет такой задачи, чтобы Вы на все ответили.

Липкин. А я не собираюсь отвечать на все. Я отвечать собираюсь только на то, что могу. Это половина из того, что было сказано.

Итак. Я выделил по уровням-слоям то, что задает науку как мышление, а Вера сказала, что парадигма меняется, а наука остается. Это мой первый слой – тот слой, который задает Галилей, – и это задает естественную науку. И если дальше я иду к современной физике, то я ввожу еще четыре уровня-слоя. Опять же, каждый из них дальше остается. Поэтому противоречия с тем, что было сказано, нет. А в сложном социальном сообществе все время выступают, как я про это говорил, разные слои в качестве лидеров. И я еще хотел подчеркнуть, – возможно, в полемике с Петром Георгиевичем, – что прагматический слой, техническая направленность возникает для науки очень поздно. И это тот вопрос, который я задавал Вере Леонидовне по отношению к университетам: как было там? Если брать этот кусок, который возникает с XVII века, там, где наука формируется, то прагматический аспект науки будет востребован всерьез, может быть, только в XX веке и, может быть, даже только в его середине.

На какие еще вызовы наука отвечала? Тут вызовы были чисто внутренние, типа задачи о падении тела. Я не уверен, что с теологией это было всерьез связано. Потому что для того, чтобы получить эту самую науку, важно было то, что происходило, как мне кажется, вне теологии, то, что происходило в позднем Возрождении (культ человека-творца). И того, что происходило в позднем Возрождении, плюс античное наследие, плюс, наверное, Николай Кузанский и Гроссетест, Оккам и другие номиналисты (причем споры об универсалиях в схоластике я бы не стал отождествлять с теологией) вполне достаточно для того, чтобы возникла наука Нового времени. Пожалуй, основное я сказал.

Щедровицкий. Спасибо, Аркадий!

Переходим к последнему докладу нашей повестки во втором коллоквиуме. Георгий Афанасьев, «Фабрики мысли и интеллектуальные сети: две стратегии институционализации».

Г.Э. Афанасьев

Фабрики мысли и интеллектуальные сети: две стратегии институционализации. Доклад, вопросы по докладу и обсуждение³⁸

Афанасьев. Уважаемые коллеги, я хотел бы начать с восстановления используемого мною представления об институтах. Могу отметить, что оно приобретено мною лет пятнадцать назад благодаря прочтению текстов Олега Иго-

³⁸ См. также файл [тезисов](#).

ревича Генисаретского, и всех, кто хотел бы ознакомиться с первоисточником, отсылаю к его работе, которая входит в так называемый «Кирпич». Там понятие института изложено достаточно артикулированно³⁹. С ним не все, наверно, согласятся, но оно там четко выведено, и то, что я буду рассказывать, во многом опирается на использование этого представления.

Для того чтобы обсуждать институт, на самом деле надо подготовить понятийную площадку и ввести несколько элементов, которые в нашей дискуссии пока недостаточно четко представлены. Не стоит начинать рассматривать даже простые формы организационных систем, пока не делается первого шага к тому, чтобы ввести представление или действительность, позволяющие осмысленно выделять типы организационных систем, которые мы можем называть институтами.

Первое: институты относятся к классу *организационных систем*. Это значит, что существует как минимум *двухуровневая система*, в которой нижележащая деятельность существует только потому, что является постоянным предметом вышестоящей деятельности. В более общем виде организационные системы определяются так: какая-то работа в нижнем слое осуществляется только потому, что существует работа в верхнем слое, направленная на то, чтобы существовала эта работа нижнего слоя. Итак, первая компонента – это *уровневая организация*.

Вторая компонента для рассмотрения этой темы – *представления о воспроизведстве и трансляции*. Пока мы рассматриваем организационные системы статично, в некотором временном срезе (синхроне), то никакой сложности не возникает. Деятельность организуется, процессы деятельности появляются за счет организационной работы. Но как только мы ставим задачу воспроизведения, повторения, то возникает очень интересная сюжетика: обычно целью воспроизведения является повторение «нижележащей» (организуемой) деятельности, а это невозможно, если не будет также гарантирована трансляция и «вышестоящей», организующей ее деятельности. То есть, чтобы воспроизвести организуемую деятельность, нам также нужно обеспечить воспроизведение и организующей ее деятельности. Над пакетом из двух деятельности надстраивается еще один слой, суть которого – организация «организующей» деятельности в ситуации трансляции. Возникает еще один уровень специальной деятельности, который теперь направлен на передачу всего пакета.

Правомерен вопрос: как существует надстроенная над пакетом новая деятельность, не требуется ли и для неё организующая деятельность? И введенный новый уровень мы будем вынуждены включать в саму систему и еще, и еще раз надстраивать новую деятельность, как бы постоянно расширяя размер той организационной системы, и именно каждый этот шаг делать условием достижения задачи воспроизведения и трансляции. И так до бесконечности. Возникает

³⁹ См.: Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975.

Более подробно методологическое понятие института было введено ранее, см.: Генисаретский О.И. Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М.: Наука, 1970. С. 48–64. – Ред.

чисто категориальная логическая ловушка, или «дурная бесконечность», о чём и пишет Генисаретский⁴⁰. И для того, чтобы ее избежать, мы вынуждены переходить в категориальный слой мышления, в частности, привлекать представление о категориях искусственного и естественного.

Преодоление необходимости постоянной надстройки новой деятельности над имеющимися разрешается за счет того, что мы вводим представление о *естественно осуществляющейся и воспроизводящейся деятельности*.

Таким образом, получается простая типологическая система, в которой, например, третий уровень осуществляется естественно, и именно его естественное осуществление является основанием для искусственного осуществления второго и первого уровней.

Организационные системы, в которых верхний процесс осуществляется и воспроизводится естественно, называются «институтами».

Так понимаемый институт – это не какая-то одна организованность. Методом типологизации мы получаем поле организационных систем, работающих в режиме института.

Можно представить себе типологию, которая, для начала, может состоять из такой зарисовки, когда вы запишете простую дробь:

«Е/И/И»

То есть третий уровень осуществляется и воспроизводиться «естественно», а два первых представляют собой два сопряженных искусственных процесса. Можно представить и другой элемент этой типологии:

«Е/Е/И»

При желании мы составим полный перечень вариантов типологии таких организационных систем.

Как иллюстрацию я могу привести пример «Food Forest». Это интересное направление в современном производстве продуктов питания, когда у нас стоит задача искусственно организовать деятельность сельского хозяйства, устроенного как лес. Имеется в виду «продуктовый лес», не обслуживаемый человеком, но производящий продукцию. Это достаточно распространенная сегодня идея так называемых «продуктовых лесов». Для решения данной задачи мы будем выстраивать систему, в которой естественный уровень замыкания специально, искусственно нами спроектирован «над» естественным объектом. И подобные задачи решаются по отношению к природным, природно-

⁴⁰ «...известно, что общество существует как предметно конечное и естественное целое, а значит, оно каким-то образом защищено от дурной бесконечности воспроизведения. Должен, следовательно, существовать объективный механизм, благодаря которому происходит замыкание иерархии отношений воспроизведения, а само оно протекает как конечный и естественный процесс. Этим механизмом и является культура...» Из: Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности... – Ред.

деятельностным, природно-техническим объектам и природно-социальным системам. Эти разделения, наверное, могут разложить сделанные сегодня доклады, потому что кто-то обсуждал именно социальные аспекты таких систем, кто-то – природно-деятельностные.

Еще раз вернусь к введенному представлению об институте. Важными элементами самого пространства обсуждения этой темы является признание того, что:

- есть организационные системы, – раз;
- что они имеют уровневый характер – два;
- что существенной является задача воспроизводства и трансляции – три;
- что для ее решения привлекаются категории искусственного и естественного – четыре;
- что во всех таких системах верхний уровень может интерпретироваться через категорию естественного – пять.

И тогда все подобные образования относятся к *институциональным организационным системам*.

Теперь, что касается применения этого размышления к той тематике, которую я заявлял, а именно к теме фабрик мысли⁴¹ и интеллектуальных сетей. В выложенных на сайте Фонда [тезисах](#) моя позиция уже изложена, поэтому я хотел бы только очень коротко акцентировать внимание на тех аспектах, которые там, может быть, не выделены. Для меня было важным то, что сам путь создания такого института, такой организационной сборки, как think tank, происходил не методом реализации впрямую от философских школ, от каких-то групп, а таким своеобразным «отскоком» через реализацию философских идей вначале внутри массового промышленного производства.

Мое утверждение состоит в том, что технологизация определенного типа идей и даже принципов мышления стала возможна спустя 200–300 лет после их постулирования и только после их социальной и технической реализации.

В упомянутых тезисах я обсуждаю простую конструкцию, когда пять–семь ключевых философских, методологических идей, постулированных за 100–200 лет до деятельности Форда, собираются в некоторый целостный пакет и реализуются на коротком историческом периоде. И мое утверждение состоит в том, что всё, что было сделано в очень короткий промежуток времени, перестало существовать – оно уже как бы не содержится в тех формах, которые остались после использования их Фордом – в его заводах, в госпитале, в других применениях.

В частности, достигнутая к 1920-м годам технологизация сельского хозяйства на основе машин приводила к тому, что крестьянин работал 21 день в году. И Фордом обсуждалась сложная ситуация: чем занять крестьянина, который стал использовать его машины и достигать тех же результатов, которые он получал ранее без машин, но только теперь за 21 день в году. Он обсуждал

⁴¹ Первая переведенная и наиболее полная книга по этой теме – Диксон П. Фабрики мысли. М.: Прогресс, 1976. – Ред.

определенные культурные проекты, чем должен заниматься крестьянин. Но мы должны признать, что сегодня крестьянин не работает 21 день в году, это не так. Спустя почти сто лет, достигнутый тогда в данной сфере уровень не реализован. То же самое в школе, в госпитале, которые строились по идеям фордизма.

Мое утверждение состоит в следующем: эти формы потеряли тот накал реализации, который удалось достичь. И единственным «отскоком», или каналом реализации, стали те самые фабрики мысли. Можно проследить эволюцию этих идей, и я не знаю, является ли это достаточно распространенным в истории. Меня-то раньше учили, что практически всё получается от философии напрямую. Но здесь мы видим очень интересный ход – через социальную реализацию.

В фабриках мысли был реализован тип философских идей и стоящего за ним мышления, который вначале получил масштабирование в рамках системы массового производства, и производство машин там было не самым главным. Например, на заводах Форда работали представители 60-ти национальностей, в том числе и люди, только что приехавшие в Америку. Это были люди, в принципе непригодные ни к чему. А работали они на заводе, который (примерно по современным меркам) производит космические корабли. Потому что автомобильное производство начала прошлого века – самое высокотехнологичное производство.

Поэтому первая конверсия, которая происходила, – это конверсия людей. И для этого там была создана очень интересная технология – специальные образовательные программы для приехавших, для людей, которые даже в принципе не разговаривали друг с другом на одном языке. И я хочу подчеркнуть, что здесь тот эффект, который был достигнут и который потом наследовался так называемыми фабриками мысли, не сводится ни к одному распространенному факту типа конвейера или чего-то еще, о чем обычно думают, когда упоминается эта история. И мое утверждение примерно такое: со временем в think tank'ах, или фабриках мысли, производилась последующая реализация простой технологии перевода ситуации из проблемной в пакеты задач. В частности, были специально разработаны и сконструированы простые форматы, такие как *повестки дня* и *доклады фабрик мысли*.

Фабрикам мысли я противопоставляю события, произошедшие позже и связанные с развертыванием и наследованием других линий мышления, которые в целом называются «интеллектуальные сети», и я предлагаю такой термин, как «*think net*», описывающий те реализации, которые там происходили. В эпоху фабрик мысли технологизация мышления была ориентирована на консультирование и определение повестки дня для субъектов, обладающих ресурсом, позволяющим реализовать эту повестку дня. Предполагалось, что у получающего повестку дня есть возможность ее осуществить. Но потом радикально изменилась социокультурная ситуация…

Щедровицкий. После того, как Люттвак уехал на Бали?…

Афанасьев. Возможно. Изменилась социокультурная ситуация, и оказалось, что формулирование задач для другого, или повесток дня, или подготовка

докладов, которые структурируют ситуацию и определяют, что же нужно сделать, потеряли свою ценность, потому что ключевым дефицитом стал тот самый механизм реализации этих повесток, этих идей. И отличие новых форматов, которые в интеллектуальных сетях реализуются в последние, наверно, лет тридцать, состоит в том, что сама интеллектуальная сеть и есть первый канал реализации того корпуса идей и той повестки, которая выдвигается.

Поэтому то, что, в частности, осуществляется в отдельных элементах технологии форсайта (если он правильно проводится) – это не консультирование. Например, все форсайт-исследования основаны на синхронизации представлений о будущем среди участников этого форсайта. И ставится задача не выяснить, какое будущее «настоящее», а согласовать среди основных, ключевых участников то будущее, к которому они пойдут. Поэтому здесь фактически речь идет не о том, чтобы получить какое-то объективное знание, а о том, чтобы построить *сеть реализации* того знания, к которому система наиболее склонна.

Но именно эта часть, – и я хочу это подчеркнуть, – возвращает нас, собственно говоря, к постановке вопроса об определенном типе мышления, который характеризуется в первую очередь *креативностью*, способностью нечто порождать. То есть это *мышление, которое создает*. Именно поэтому, видимо, интеллектуальные сети можно разделить на занимающиеся распределением, распространением знания – и интеллектуальные сети, которые сами создают ресурсы. Например, сами создают будущее.

Наверно, здесь можно поставить многоточие...

Щедровицкий. А все-таки остается вопрос, о каком виде (хоть это Кучкарову и не нравится, но остальные же 399 понимают, о чем речь!) или типе мышления идет речь? Или – о какой технологии мышления, о каком мышлении идет речь? Потому что у Вас там как бы всё прерывается... Две стратегии институционализации... чего?

Афанасьев. Смотрите, само появление фабрик мысли (это с 40-х годов прошлого века и дальше, наверное), на мой взгляд, было связано с их востребованностью именно системами управления *таймированного мышления*, то есть мышления, осуществляющегося в срок.

Щедровицкий. «Срочного»?

Афанасьев. Мысления, которое к моменту истечения срока и к моменту принятия решения будет завершено. Именно востребованность таймированного мышления задавала задачу на технологизацию мышления.

Щедровицкий. То есть наука заколебала уже к этому времени.

Афанасьев. Сто процентов! Управление востребовало «срочное» или, более точно, *ситуативное мышление – мышление, ориентированное на понимание ситуации, на включение ситуации управлена в исследование*. Нужна была выдача результата, ориентированного на эту ситуацию. А сложившиеся институты были готовы выдавать результаты, ориентированные на свои собственные средства. Прямыми следствием стало введение тематики межпредметных, междисциплинарных исследований. К этому моменту было достаточно

много институтов, которые были сформированы узкопредметно, и дело даже не в том, что предметно, а в том, что они не ориентировались на «срочность» и «ситуативность». В самом деле, они не хотели сотрудничать с системами управления и завершать свои процессы тогда, когда это важно для систем управления.

Щедровицкий. Ну конечно, у них же всё к 8 марта, 23 февраля, 7 ноября и т.д. А потом они почему-то говорят, что именно в это время им это и надо. Понимаете, такая странная, как кто-то здесь сказал, эдакая мистическая форма сознания.

Афанасьев. Да. Таймированность и ситуативность – самые важные характеристики, которые закладывались в деятельность think tank'ов.

Щедровицкий. Я очень хорошо помню из прочитанных когда-то работ по рыбному хозяйству, что один, еще воспитанный когда-то при царской власти, академик пытался убедить большевиков в том, что пятилетка не является единицей регулирования рыбного хозяйства. Он говорил: «Рыбы в другом графике живут». И его расстреляли, чтобы он не болтал.

Что еще Вы можете сказать про тип этого мышления? Сети – они какой-то другой процесс институционализируют или тот же самый? У них те же самые требования к мышлению?

Афанасьев. Я считаю, что ключевым отличием мышления в сетях...

Щедровицкий. ...что они срок сами себе устанавливают? Слава Богу!

Афанасьев. Нет, здесь больше. Мне кажется, что это в принципе *мышление с включенной внутрь системой управления*. Потому что, как я понимаю, ключевая проблема последних десятилетий состоит не в выдвижении стратегий и проектов, а в их реализации. Ярких и красиво задуманных проектов достаточно много, но возникают сбои в системе кооперации при реализации, а не при разработке. И сети решают этот вопрос: они фактически устанавливают между несводимыми друг к другу позициями систему кооперации на этапе реализации. И это специфический тип мышления, который заинтересован в том, чтобы не придумывать для других, а выбирать тот образ будущего, который приемлем и желателен для участников сети.

Щедровицкий. Хорошо. Вопрос? Пожалуйста, да, вижу. Левенчук первый поднял руку.

Левенчук. Дело в том, что я уже понял, что слово «мышление» все тут понимают.

Кучкаров. Кроме меня.

Щедровицкий. Нет, ты не понимаешь слово «виды мышления», а слово «мышление» ты тоже понимаешь.

Левенчук. Вопрос, кто в этом зале понимает про мышление, обсуждался несколько часов назад, я это помню. Но я понял, что за эти несколько часов что-то такое произошло, что это уже не так сильно обсуждается. Я не понимаю другого слова.

В конце этого доклада было упомянуто, что тут у нас появились сети, и, собственно, далее всё говорилось про сети. А я утверждаю: поскольку с этим словом «сети» я не менее десяти лет (наверно, чуть больше даже) каждый день

имею дело – и с сетевыми организациями, и с сетевыми сообществами, и со всем, что включает слово «сети», – то, мне кажется, надо раскрыть понимание «сети» докладчиком.

Можно ли раскрыть, что такое сети у Вас? Потому что для меня совершенно недостаточно услышать, что появились какие-то сети и там всё по-другому, чем у фабрик мысли. Я говорю: а фабрики мысли – там что, нет сетей? Открываешь любую книжку, идешь в любую организацию, видишь там разные наложенные друг на друга сети. Сейчас люди инвестируют в компанию «Витолоджи» – она сети делает внутри организации. Это те сети или другие сети? Ведь словом «сеть» сейчас что только ни называют! Можно ли прояснить, какие именно сети Вы имеете в виду и чем они отличаются от любых других организованностей, которые мы видим на людях?

Афанасьев. Могу. Для меня по понятию сети ее отличительной особенностью является возможность осуществления совместного действия любого элемента сети с любым другим элементом. И, во-вторых, протокол этого взаимодействия не вырабатывается участвующими в момент взаимодействия, а задан наперед.

Еще раз: первая характеристика сети – возможность доступа любого элемента к любому элементу; вторая – протокол этого доступа задан и определен, например, стандартом. Это существенное отличие именно сетей. Дальше есть много разных вариантов. Везде, где реализуются хотя бы эти два принципа, я считаю, что можно говорить про сети. Во всех остальных случаях вы будете просто путаться. Например, считать «Одноклассников» или что-то еще сетями.

Бахтурин. Это Ваше разъединение и объединение: с одной стороны – think tank, с другой стороны – сеть, а дальше – упомянутый акцент на консалтинге в противовес реализации. Такой первый, предварительный вопрос: но ведь в общем можно себе представить и think tank, ориентированный на реализацию? В этом смысле это не родовой признак сети. Ведь можно эту мысль развить в таком направлении.

Афанасьев. Я специально разделил эти две части, считая, что особенностью тех процедур мышления, которые реализуются в фабриках мысли, является работа с ситуацией, с проблемой и перевод ее в пакеты задач. Собственно говоря, это единственная работа, которая делается в этих организациях. А в интеллектуальных сетях применяется другое мышление.

Щедровицкий. При этом Георгий утверждает, что эта проблемная ситуация (поскольку всякая проблемная ситуация – чья-то) – это ситуация некоего лица, принимающего решение (ЛПР).

Афанасьев. Да.

Щедровицкий. Реального, выставившего соответствующий заказ, или виртуального, которого эмулировал сам think tank, но потом нашел политический персонаж, которому вменил эту позицию в качестве его собственной субъективированной проблемной ситуации. Поскольку политики по определению ходят и ищут, где бы найти субъективированную проблемную ситуацию, им это нужно под каждые выборы, то в think tank'ах считается так: сделали

впрок, некая проблемная ситуация некоторое время повисит где-то на крючке, а потом кто-нибудь ее подхватит.

Бахтурин. Но в этом смысле различие с сетью в еще большей степени пропало.

Афанасьев. Нет.

Бахтурин. Think tank и сеть – в этом смысле еще более неразличимы. Или Вы тогда субъективируете в том смысле, что сеть – это ничья, а ЛПР имеет просто карманный think tank, который под себя подстроил?

Щедровицкий. Слушайте, карманный или групповой, коллективный…

Бахтурин. Хорошо, но это был предварительный вопрос.

Афанасьев. Нет, я считаю, что у интеллектуальных сетей другой продукт – под названием «рамочная программа». То есть это не повестка дня, не доклад с предложением, что делать. Рамочная программа задает границы и направления для коллективного мышления, коллективного действия – но исходно многопозиционного, то есть не ориентированного на одну позицию. Исходя из простого понимания, что одна позиция вообще сделать-то ничего не может, даже если примет этот доклад.

Щедровицкий. Чтобы процесс не перешел в процесс Вашего выяснения и прояснения понимания – вопрос задан, ответ получен. Если Вы не удовлетворены – выступайте и говорите. Да, пожалуйста, вопрос.

Вопрос. По тем характеристикам Вашего «фабричного» мышления – срочность, ситуативность, простота перевода проблем в задачи – правильно ли я понимаю, что скорее речь идет о проектировании? Вопрос: Вы различаете мышление и проектирование?

Щедровицкий. Не понял! Два слова – различаем. Одно – «мышление», на М, а второе – «проектирование», на П. Одно длинное, другое короткое. Оба кончаются на Е.

Вопрос. Для Вас это синонимы или нет?

Щедровицкий. Нет, пожалуйста, не задавайте бессмысленных вопросов, я Вас очень прошу. Не тратьте свое и чужое время!

Загидуллин. Два коротких вопроса. Открытых, не как суждения. Могли бы Вы пояснить, как для Вас связаны процессы технологизации и институционализации? Противостоят они друг другу, одно есть условие другого и т.д. Это первый вопрос. А второй вопрос – по второй части Вашего выступления, могли бы Вы пояснить…

Щедровицкий. Хотя, Жан, Вам грех не знать, что мы потратили на это аж два года жизни, поскольку два года подряд обсуждали на методологических школах по управлению развитием эти две темы и связь между этими двумя процессами. Поэтому Вы что хотите от Георгия – чтобы он Вам пересказал кратенько результаты этой работы или что?

Загидуллин. Нет! Это Вы меня призываете мой вопрос перевести в форму суждения про доклад.

Щедровицкий. Нет, у Вас еще будет такая возможность. Я просто хочу понять, что Вы хотите получить в форме такого вопроса?

Загидуллин. Ответ Георгия о том, о чем он ведет речь.

Щедровицкий. О технологизации или об институционализации.

Загидуллин. Совершенно верно, да. Это первый вопрос.

А второй вопрос – о второй части Вашего выступления: как особенности генеза этого «срочного» мышления, которое не из философии, накладывают или не накладывают какую-то специфику на институционализацию? Это отчасти связано с моей предыдущей репликой.

Афанасьев. Смотрите, здесь надо вернуться, наверное, в начало выступления, где я говорил об уровнях, для того чтобы ответить на первый вопрос. И если мы очень просто разложим, скажем, что без искусственно организованной деятельности во втором уровне невозможно появление естественного воспроизводства. Поэтому пакет институционализации предполагает обязательно включенной уже произведенную технологизацию. Это просто разные уровни.

Загидуллин. То есть технологизация – это этап институционализации?

Афанасьев. Организационная система невозможна, если у вас нет технологии. Институт относится к типу организационных систем. Это системы, в которых сама деятельность создается другой деятельностью. Она не существовала до этого. Невозможно как-то случайно породить деятельность. Нужна технология для этого. Это значит, что в самом начале мы должны признать то, что технологизация является обязательным условием для последующей институционализации.

Загидуллин. Условие, а не этап, – понятно.

Щедровицкий. Вы получили ответ?

Загидуллин. Да. А на второй вопрос?

Был еще второй вопрос – про специфику институционализации в связи с генезом. Вопрос был следующим: задала ли какую-то специфику самой институционализации специфика генеза этого «срочного» мышления? Или институты такого типа мышления – совершенно то же самое, что и, например, в науке?

Афанасьев. Ключевой характеристикой новых сложившихся форм институционализации стала связь с системами управления.

Загидуллин. Почему раньше в других институтах мышления не было?

Афанасьев. А в других институтах скорее постулировалась академическая независимость. То есть две совершенно разные постановки вопроса: в одном случае академические свободы как базовые характеристики этого мышления; во втором – связь с системами управления, ориентация на те задачи, которые в них появляются. Это противоположные в принципе способы организации мышления.

Щедровицкий. Короче, представитель think tank'а должен всё время присиживать в ситуационной комнате принятия реальных управленческих решений. Как только он оттуда выпадает, процесс решения никуда не девается, он начинает происходить без него, и через шаг любые его консультационные предложения, в общем, мягко говоря, уже не нужны. Потому что – всё, поезд уже ушел. Это если про физику данного процесса.

Коллеги, еще есть вопросы, замечания? Я не понял, Левенчук, у тебя нет замечаний, ты удовлетворен представлением о сети? Давайте, Слава и Аркадий.

Марача. У меня несколько коротких суждений. С моей точки зрения, и think tank'и, и интеллектуальные сети существуют и остаются важными формами институционализации мышления. По вопросу, какое это мышление, я выскаживаю гипотезу (не знаю, как поточнее это назвать): то ли стратегически-программное, то ли программно-стратегическое, они для меня близкие. Я даже подозреваю, что то, что в последние годы у нас называют «стратегированием», – это просто определенная социальная форма методологии программирования, во всяком случае, корни отсюда. И как разновидность проективных типов мышления это стратегически-программное мышление имеет вполне понятный цикл, который начинается с замысла, дальше идет проработка, разработка и, наконец – реализация. И, с моей точки зрения, как раз здесь мы имеем дело просто с разными частями одного и то же института, которые просто сфокусированы...

Щедровицкий. «Папа, а Вы с кем разговариваете?» Потому что Вы встаньте на позицию человека, который, например, не знает, что такое программирование в Вашем смысле слова. Вы ему говорите приблизительно так: «Это же совершенно очевидно, что то, что вы называете стратегированием, – это на самом деле просто вид программирования. Но мы-то все знаем, что такое программирование». Вам это зачем? Вы для чего производите, так сказать, перевод с русского на русский, а на самом деле – с одного распространенного управленческого языка на Ваш внутренний методологически-управленческий?

Марача. Мне это нужно было для того, чтобы отнести к родовому понятию...

Щедровицкий. Родовому для Вас.

Марача. ...для того чтобы зафиксировать жизненный цикл этого мышления и отнести предметы мысли господина Афанасьева к разным стадиям этого цикла.

Щедровицкий. Помните этот анекдот про зоопарк: «Что такое зоопарк? Зоопарк – это место, где животные, находясь в относительной безопасности, могут наблюдать различные породы людей». Зачем Вам этот перевод на Ваш внутренний, пока достаточно узко употребляемый, язык? Зачем нам знать, как Вы осуществляете этот перевод?

Марача. Это мне нужно было как основание для утверждения, что think tank'и и интеллектуальные сети являются разными модусами одного института мышления. По крайней мере, из той практики, с которой я сталкивался, мне известно, что think tank'и окружены интеллектуальными сетями...

Щедровицкий. Вы преуспели в этом? В сведении этих двух разных форм к одной.

Марача. Не в сведении, а в соотнесении.

Щедровицкий. Неважно; преуспели?

Марача. Пока – да.

Щедровицкий. Давайте поставим три точки.

Марача. Хорошо. И еще одно суждение. С моей точки зрения, утверждение о том, что think tank'и занимаются формулированием повестки дня как задачной формы, не совсем точное. Современные повестки дня имеют скорее ха-

рактер фиксации вызовов – а это проблемные формы, и дальше, как правило, идет перевод такой постановки проблем в тематизацию. То есть в любом случае форма остается рамочной и программной.

Щедровицкий. Давайте, я легко решу эту проблему. Для низкооплачиваемых think tank'ов – именно так, то есть только постановка проблем. А высокооплачиваемые выдают результат обязательно с указанием, что делать, потому что иначе вам денег не заплатят. Аванс перечислят, а денег не заплатят. Но не спешите мне отвечать!

Марача. Так я же не сказал, что только это, – я сказал, что с этого начинается, с проблемности.

Щедровицкий. Хорошо, спасибо! Аркадий.

Липкин. У меня ремарка о том, что соотношение между think tank'ами и сетями такое же, как, наверное, между программированием более современных форм работы и наукой. Например, когда здесь упоминается «междисциплинарное», то оно и многое другое относится к прикладным наукам, которые могут делаться под данный проект. В качестве необходимого элемента, средства, которое они задействуют, используются фундаментальные науки, растущие из другого места.

Щедровицкий. Да, Дмитрий.

Бахтурин. Я додумал свой вопрос до тезиса. Мне кажется, что недосказанное – для меня – относительно двух стратегий институционализации можно выразить в следующей линейке: think tank, рассматриваемый как некоторая единица, некоторая молекула, связанная, как было сказано, с ЛПР, в этом смысле обслуживает определенные проектные действия. И тогда его единицей, скорее всего, является проект, потому что, противопоставив ему сеть из think tank'ов, каждый из которых находится в своем проекте, можно говорить о некоторой совокупности проектов, в перспективе выведя их или подведя к программе как некоторой связке между проектами, использующей или создающей некоторую синергию. И что тогда можно сказать про стратегию? Тогда конкретный think tank может институционализироваться, вписавшись в определенный проект к ЛПР. В противовес ему возможна другая стратегия – сетевая, которая может заключаться в занятии места и получении признания среди других think tank'ов. И, в этом смысле, здесь относительная независимость по отношению к проекту...

Щедровицкий. Дима, мне кажется, Вы вслед за Славой [Марача] игнорируете социальную ситуацию. У нас была такая история: когда мы создали Центр стратегических разработок «Северо-Запад», то мы решили созвать на одну конференцию несколько различных think tank'ов. Написали им приглашения, говоря: «Приезжайте, мы с вами сядем и проделаем следующую работу: мы расскажем, что мы делаем, вы расскажете, что вы делаете, мы потом скоординируем повестки и коллективно будем делать гораздо больше и эффективнее сосредоточим ресурсы на определенных зонах, каждый в своей области компетенции». Вы догадываетесь, что произошло?

Бахтурин. Ну, я все-таки рискну...

Щедровицкий. Нет, догадываетесь или нет? Ваша социальная рефлексия уже позволяет понять, что произошло?

Бахтурин. Безусловно.

Щедровицкий. Скажите всем, а то не все поняли.

Бахтурин. А можно...

Щедровицкий. Нет-нет-нет, скажите, о чём Вы догадались!

Бахтурин. Я думаю, что на начальном этапе все пытались построить один другого, а потом просто разбежались.

Щедровицкий. Да нет! Не было никакого начального этапа, они нас послали сразу.

Бахтурин. Но, Петр Георгиевич, обратите внимание, ведь я думал, что Вы к Славе меня отсылаете в смысле идеального суда.

Щедровицкий. Да нет, просто Марача же их соотносит в идеальной действительности собственного сознания. Они у него, и то и другое, – форма программирования. Он свою проблему – целостности своего сознания – решил. Понимаете? А в реальной практике управления, аналитики и т.д. – всё не так. В той мере, в какой каждый из этих think tank'ов завязан на определенную зону реального принятия решений, они не могут вступить не то что в кооперацию, но даже в коммуникацию друг с другом.

Бахтурин. Тогда в каком смысле существуют сети? И, извините, сети чего?

Щедровицкий. О, это очень хороший вопрос! Это Вы можете спросить нашего коллегу докладчика. И я бы, например, на месте Левенчука задал вопрос более ехидно, я бы спросил: и что, Георгий Эдгарыч, Вы действительно в своей жизни видели хоть одну сеть? Нет ли у Вас ощущения, что пока всё это муляжи? И в лучшем случае – результат мимикрии сплоченных групп и think tank'ов под меняющуюся политкорректность: «Теперь принято выглядеть сетью. Чего изволите? Хотите сеть – будет сеть».

Реплика. А кто пройдет мимо протокола...

Щедровицкий. Коллеги, всё? – спрашивает докладчик. Ему уже надоела наша дискуссия. Да, пожалуйста.

Кучкаров. К тому, о чём говорил Георгий, – а он перечислил ситуативность и пакетирование задач как две особенности мышления в think tank'ах, – хочу добавить...

Щедровицкий. Нет, мне кажется, времённость и ситуативность – это разные вещи.

Кучкаров. И срочность, да, ситуативность. Есть еще один процесс, или свойство, который я называю «концентрация компетенции», или «компетентности», как лучше по нормам языка. То есть в этот момент и в этой проблемной ситуации важно собрать и пакетировать разные знания – экспертные, научные, статистические и т.д. И поскольку ЛПР, находящийся во власти, основное время тратит на то, чтобы в ней находиться, think tank – это некий протез, который позволяет скомплексировать, сконцентрировать и ввести компетенцию в этот момент. Иначе, как Петр говорит, решение будет принято и без этой компетенции.

Есть такая байка о «принципе аквариума». В одном think tank'е, кажется, в «РЭНД Корпорэйшн», после аварии при запуске какого-то из шаттлов или чего-то другого в результате разбора этой аварии выяснилось, что кто-то из участников этого КБ знал обнаруженный технический недостаток. Он знал, что *о* надо сделать не так, что должно быть не такое техническое решение. Но его никто не спросил, потому что он сидел в другом отделе и занимался блоком электропитания, а не блоком навигации. И тогда был опробован – не знаю, жив он сейчас или нет, – принцип принятия решений, который назвали «принципом аквариума», обеспечивающий прозрачность каждого шага выработки решений. Если ты компетентен, то ты, глядя в «аквариум», можешь в этот момент кнопку нажать и свои три копейки добавить, если нет – просто занимаешься дальше за своим кульманом тем, чем тебе положено заниматься. То есть концентрация компетенций как идеальный суд в предельной форме: если хоть кто-то об этом хоть что-то мог знать, то для предотвращения краха или аварии это важно канализировать.

Щедровицкий. Спасибо! Еще есть суждения? В 17:40 собираемся здесь для итоговой дискуссии по теме Чтений.

III коллоквиум

Щедровицкий. Коллеги, прошу всех, кто хочет участвовать в дискуссии, подсаживаться поближе, в том числе поближе к микрофону.

Итак, тему, которую мы хотели обсудить, и Вадим Маркович любезно согласился выступить с небольшой интервенцией для затравки этой дискуссии, – это вопрос о самой теме «институты мышления». О том, в какой мере постановка и выдвижение этой темы на дискуссию на Чтениях являются правомерными и что нужно для того, чтобы методологически обсуждать подобную тему, если мы положительно отвечаем на предыдущий вопрос о правомерности такого обсуждения.

Пожалуйста, Вадим Маркович!

В.М. Розин

Проблемы методологического обсуждения «института мышления».

Доклад⁴²

Розин. Я считаю, что если мы обсуждаем такую тему – «институт мышления», – то мы должны самоопределиться, по меньшей мере, в двух вещах. Во-первых, в вопросе, что мы понимаем под институтом, и, во-вторых, естественно, в вопросе, что мы понимаем под мышлением⁴³.

По сути, в предыдущем своем сообщении я пытался сказать, что лично я понимаю под институтом. Теперь второе: а что можно понимать под мышлением?

Первое, что я должен здесь резко заявить: ведь существует такая точка зрения, что человек всегда мыслил, или, по крайней мере, он мыслил, начиная с античной культуры. И в этом смысле, когда мы говорим о мышлении, то, естественно, и Аристотель мыслил, и Архимед мыслил, и Фома Аквинский мыслил, и все они – мы считаем – мыслители.

На мой взгляд, анализ истории мысли, истории философии говорит совсем о другом, а именно: он говорит о том, что мышление – довольно поздний феномен, а может быть, еще только становящийся, то есть даже, вероятно, мы можем говорить, что оно еще не стало, а до этого в истории, если мы говорим о мышлении, то это всего лишь наш ретроспективный взгляд, когда мы одно

⁴² См. также файлы [тезисов](#) и [презентации](#).

⁴³ Здесь сразу же возникает еще один – рефлексивный – вопрос о значимости и весомости этого самого «нашего понимания». На него частично дается [ответ](#) в конце этого доклада, хотя и в вопросительной форме: «перехватывает ли методолог способы решения проблем и т.д.». – Ред.

выдаем за другое, то есть это – модернизация. Может быть, она и имеет смысл, но это отдельный вопрос.

На мой взгляд, мышление полагается и появляется в рамках методологического подхода и работы. Это есть некоторая квазиестественная реальность. Почему квазиестественная? Потому что мышление вроде бы относится к деятельности, к тому, что делает человек, – а с другой стороны, когда мы говорим о мышлении, то мы все-таки его полагаем как некую естественную реальность, поэтому мы можем говорить о законах мышления, мы можем поэтому говорить о логике. Итак, это некая квазиестественная реальность, которая позволяет методологу понимать и действовать, реформировать, исследовать, проектировать и т.д. и которая ориентирована на изменение деятельности и *видения* других специалистов.

Естественно, здесь возникает такой вопрос: а почему, собственно, я так утверждаю? Что, разве мышления не было? Обратите внимание: даже если мы бегло смотрим историю философии, то видим, что речь шла не о мышлении. Платон говорил о размышлении, имея в виду совсем другой феномен, а не то, что мы понимаем под мышлением. Он имел в виду движение души к свету и спасению – через, правда, построение схем, действий с числами. Аристотель говорил о рассуждениях, доказательствах и т.д. В Средние века говорили о концептировании, причем это было в определенной культурной схеме, а именно: обсуждался вопрос, каким образом человек получает знания и создает предметы, выходит на предметность, если он направляется Богом и ориентируется Богом, но при этом он сам это делает. И концептирование – это такая первая репетиция деятельности: человек собирает, понимает, рассуждает и т.д., но как бы поглядывая наверх, ориентируясь на высший разум. Речь шла о разуме – это не только Средние века, но и эпоха Возрождения, речь шла об уме и т.д. И только! Если вы посмотрите этимологию, представление о мышлении появляется только у Фрэнсиса Бэкона. Еще можно отметить, конечно, что Аристотеля иногда так переводят, но я об этом отдельно поговорю.

Итак, у Фрэнсиса Бэкона появляется именно мышление, именно он впервые ставит задачу создания науки о мышлении и он первый говорит о методе. Потом Декарт это всё повторяет. А почему? А вот почему. Потому что здесь была тоже совершенно новая ситуация и схема. Бог уже, как говорится, был оставлен, то есть не предполагалось его непосредственное руководство и участие в получении знаний, в построении интеллектуальных образований. В этом смысле человек должен был сам себя направлять, и Кузанский так и говорит, что ум – это особая инстанция, которая сама о себе судит. Итак, человек должен был сам себя направлять, и Фрэнсис Бэкон вынужден был положить особую реальность мышления. В связи с чем? В связи с тем, как он говорит, что человек, когда он идет, движется и познает, и встречает множество запутанных путей, должен сам собой управлять.

Здесь у Фрэнсиса Бэкона очень интересная вещь. Ведь тогда человек рассматривался двояко: и как демиург в каком-то смысле (поскольку человек – второй Бог, как говорил Кузанский), и как Природа. И он действует как демиург по природе. А что же это за природа? И Фрэнсис Бэкон вводит здесь такую

потрясающую вещь. Он говорит, что это *природа, стесненная техникой*, стесненная искусством. Именно здесь и появляется методологическая установка: мы не можем просто рассуждать, получать знания и строить интеллектуальные представления. Мы должны планировать, мы должны управлять этим движением. И само движение [тоже есть]. Так появляется это принципиальное удвоение человеческой деятельности. Одна часть управляющая, планирующая, проектирующая, контролирующая, нормирующая, – и вторая часть как бы исполнительская, которая, конечно же, «кентаврическая». Почему? Потому что, с одной стороны, это действия со знаками, это рассуждения, это различные способы получения знаний и т.д. То есть это во многом семиотическая деятельность (именно деятельность!), а с другой стороны, это всегда деятельность, которая должна направляться – где? – очевидно, в методологии.

С этого момента и начинается история становления – я подчеркиваю, становления! – одновременно и методологии, и мышления. Методологии как особой управляющей инстанции над мышлением, а мышления – как принципиально управляемого и управляемого методологией; в то же время, я еще раз подчеркиваю, это кентаврическое образование, потому что это одновременно действия со знаками, способы получения знаний и т.д. Это первое.

Теперь, совершенно очевидно (опять же, анализ истории и философии показывает), что *и методология, и мышление всегда ориентированы практически*. Причем здесь всегда есть вполне определенная установка на преобразование, реформирование, изменение, перестройку и т.д. Кстати, эта установка заимствована от философии. Чем занимается философ, начиная с античности? Он именно этим и занимается. Он осуществляет критику той реальности, которая перестала работать, тех способов получения знаний, способов построения схем и проч., которые уже не отвечают вызовам времени, – и он, ориентируясь на вызовы времени и на свои собственные, как говорится, ценности, порождает, конструирует новую реальность. В этом смысле и философская, и методологическая работа – всегда принципиально работа, связанная с изменением, реформированием и преобразованием. И мышление, поскольку оно связано с методологией, эту установку принимает и проводит.

Не менее важная вещь – это двойная природа методологии и мышления. С одной стороны, можно говорить о том, что методологическая работа и мышление – это живое действие, и в этом смысле можно говорить о живом мышлении, живой методологической работе. Что это такое?

По сути дела, если осуществлять такую культурно-историческую реконструкцию, мы видим, что хотя человек рассуждает, хотя он строит схемы, хотя он строит понятия, но ведущим является личностный фактор, социальный фактор и т.д. Вот группа, вот – ММК, это сообщество; идут споры, идет взаимная критика, осуществляется рефлексия. И можно сказать: что-то рождается, происходит некоторое событие. Вопрос: это результат функционирования деиндивидуальной структуры – или это результат функционирования Георгия Петровича с его личностными установками, вменённостями и т.д.? То есть живое мышление – это всегда поиск, это всегда реализация личностных индивидуальных или групповых субъектов. И хотя я говорю, что люди рассуждают, спорят,

мыслят и т.д., но на самом деле, если мы хотим понять логику... а даже трудно говорить о логике в этом смысле, поскольку это уникальный творческий, креативный процесс, всегда – здесь-и-сейчас.

А вторая сторона мышления – это интеллектуальные технологии. Методология, поскольку она появляется и связана с установкой на управление, предполагает планирование, управление, нормирование и т.д. И поэтому методолог начинает конструировать методы, описывать методы, стратегии, выделять средства и т.д., и это отслаивается от живой методологической работы и мышления и функционирует, то есть живет, уже по другим законам. Если первое живет по законам социальной и индивидуальной жизни, ее реализации, то интеллектуальные средства, интеллектуальные технологии живут по другим законам и, в частности, по законам, которые определяют функционирование и развитие технологий. И здесь как раз мы имеем смычку (я специально это говорю) или соединение с институциональным подходом. Потому что – для чего, собственно, все эти вещи, для чего в методологии разрабатываются интеллектуальные технологии, для чего создается весь этот аппарат?

Это как раз связано со становлением определенных институтов. И мы сейчас находимся именно в такой ситуации, когда можно говорить о становлении института мышления – но в каком смысле? Именно в смысле тех вызовов времени, с которыми мы сейчас сталкиваемся и которые требуют создания особого института, где эти самые интеллектуальные технологии были бы основными средствами, основными способами работы и процедурами.

Действительно, всё больше возрастаёт требование интеллектуального обеспечения и сопровождения, и сегодня, по сути, ни одна из более-менее сложных задач не может быть решена без предварительного обдумывания, планирования, проектирования и т.д. Далее, всё более становится невозможным интеллектуальный сепаратизм, распадение мыслящего сообщества на отдельные группки, которые друг друга совершенно перестали понимать. Всё больше мы видим негативные последствия реализации «плохих технологий». Другими словами, решение этих задач требует *создания института мышления*. А что это значит? Это значит, конечно, что в рамках такого института нужно будет осуществлять рефлексию живого мышления и опыта мышления, связанного с методологией, осуществлять технологизацию, обеспечивать это антропологическим материалом и т.д.

И поэтому я бы выдвинул *идею развития института прикладной методологии*. У нас раньше были разные деления: общая методология, частная методология. Мне кажется, сегодня очень актуальна и важна именно задача формирования института прикладной методологии, где бы как раз и осуществлялась эта работа, связанная с созданием, развитием, разворачиванием и функционированием интеллектуальной технологии.

Щедровицкий. Можно здесь уточнить? А какую роль играет институционализация в отличие или сверх технологизации?

Розин. Институционализация, как я сказал, – это уже такая сложная форма соорганизации человеческого материала, норм, схем, *видений* и т.д., которая отвечает на определенные вызовы времени и обеспечивает здесь интересы оп-

ределенных популяций. А поскольку есть запрос на создание института мышления в силу тех новых вызовов времени, которые я кратко называл, то здесь, естественно, основной новой деятельностью, основными новыми процедурами и т.д. выступит как раз мышление и методология, но в ее, я бы сказал, прикладном аспекте – связанном с развитием интеллектуальных средств.

Щедровицкий. Мы с тобой одинаково понимаем? Я сейчас выскажу другой тезис, а ты на него, если можно, отреагируй.

Я бы для такого предельного заострения ситуации сказал: проект Георгия Петровича под названием «Методологизация мышления» и был проектом институционализации мышления в современной социокультурной ситуации. То есть на некий вопрос, который мог бы кто-то задать: «А какая форма организации мышления в наибольшей степени отвечает современной социокультурной ситуации?», – Георгий Петрович отвечал: «Методологическая».

Розин. Я полностью с этим согласен, но только я говорю: когда Георгий Петрович этот проект создавал, все-таки это был еще прошлый век, и те вызовы, на которые он собирался отвечать, сегодня во многом устарели. Сегодня – новые вызовы, и нужно осуществить коррекцию.

Щедровицкий. Сейчас-сейчас! В этом я с тобой согласен, хотя при этом надо сказать, что методологизация мышления, о которой он говорил, произошла. В каждой современной организации есть штатный методолог. Они, правда, полные долдоны.

Розин. Да.

Щедровицкий. Полные! Глаза бы мои их не видели!

Розин. Я как раз хотел об этом сказать: я залез в Интернет и увидел полтора миллиона вакансий «методологов».

Щедровицкий. Да-да! И в этом смысле надо сказать, что этот вызов (но это вызов не сегодняшнего дня, а это вызов, скажем так, второй половины XX века, а может быть, даже первой половины XX века, просто актуализированный во второй половине) получил в работе Георгия Петровича понятный концептуально-теоретический ответ, а дальше шла методологизация полным ходом. При этом Московский методологический кружок в лице его сторонников лишь узкой частью ответил на этот вызов, а вообще появилось огромное количество других методологов, которые и знать не знают ни про Георгия Петровича, ни про Московский методологический кружок. Просто бьют себя в грудь и кричат: «Мы – методологи!».

Розин. Я абсолютно согласен с этим диагнозом. И я говорю, что он составляет для нас определенную проблему, потому что многие люди, которые называют себя методологами, на самом деле занимаются на одну десятую методологией, а на девять десятых занимаются Бог весть еще чем, и в этом смысле идет размытие мышления – в том понимании, о котором я говорил.

И последняя проблема, на которую я хотел обратить внимание. Когда мы сегодня это обсуждаем, то для меня возникает очень серьезный вопрос: что происходит, когда речь идет о реформировании? Идет ли речь о реформировании, которое заменяет собой и вытесняет некоего специалиста, или идет речь о реформировании в кооперации с ним? Это очень серьезная вещь, на мой

взгляд. Что, [методолог перехватывает способы](#) решения проблем в ситуациях кризиса и становления нового, заменяя собой ученого, инженера, управленца, поскольку он как бы определяет реальность, определяет *видение*, подходы и т.д.? Или он вместе с ученым, инженером, управленцем и т.д. обсуждает решение проблем, конституируя реальность, способы мышления и другие интеллектуальные составляющие, оставляя за другими их компетенции, связанные с организацией, собственно руководством, работой и т.д.? Мне кажется, это очень серьезная проблема, которая требует нашего обсуждения.

Щедровицкий. Твой ответ какой?

Розин. Я тут, может быть, ретроград, но я скорее склоняюсь к тому, что в коопération, именно принципиально – в коопération, и что методолог все-таки – несмотря на то что он является здесь, конечно, ведущим интеллектуальным лицом, – тем не менее должен оставлять за другими специалистами их компетенции. И речь идет о том, чтобы постепенно всем, взаимно выслушивая друг друга и обсуждая ситуацию, взаимно корректировать свои представления. У меня такой ход.

Общая дискуссия

Щедровицкий. Хорошо. Коллеги, переходим к дискуссии.

Я бы сконцентрировал эту дискуссию на трех основных вопросах.

Первое: *что все-таки мы понимаем под мышлением* – с любыми аппендиксами, которые в том числе затрагивают тематику, поднятую Вадимом Марковичем? Я хочу сказать, что я частично с ним согласен, прежде всего – в этой части его рассуждения, потому что я считаю, что, конечно, мышление – это проект. Конечно, это проект недавний – с точки зрения истории, например, философского осмыслиения человеческой жизни, деятельности, так сказать, интеллектуальных процессов. Я бы, конечно, его даже еще и состарил, потому что мне понятна функция Бэкона и других философов, которые осмыслили феномен науки, но мне кажется, что до предела, конечно, эта линия была доделана немцами, и именно там проект под названием «Мышление» был доформлен и соединен с некоторыми другими, в том числе – морально-этическими темами и референциями, которые очень важны (в том числе Вера Данилова об этом говорила) для понимания и трактовки понятия мышления.

Второй круг вопросов. Все-таки, *как мы относимся к тематике институционализации мышления?* Является ли она магистральной для понимания самого мышления – или же она является периферийной? Склонны ли мы искать мышление (прежде всего и в основном) в его институционализированных формах – или мы хотим поймать Синюю птицу, так сказать, и считаем, что любой процесс институционализации обязательно приводит к редукции, к определенному уплощению и упрощению сложных технологических или творческих элементов мыслительного процесса, и в этом плане склонны искать мышление как

раз вне институциональных форм, может быть, мигрирующим по различным институтам...

Розин. Сообществам.

Щедровицкий. ...сообществам, может быть, культурным ситуациям. Вот это неуловимое, несхватываемое какое-то начало творческой активности, присущее человеку, эмансирировавшемуся, так сказать, частично из-под опеки Господа Бога. Это второй вопрос.

И третий вопрос (в зависимости от того, как мы отвечаем на второй): *а какие институциональные формы мы считаем соразмерными сегодняшнему мышлению*, может быть, мышлению будущего? В общем, где искать, с чем работать? При этом для меня этот вопрос, безусловно, связан в том числе с вопросом о перспективах так называемого методологического сообщества.

Я считаю, что довольно большой интерес к этой теме частично обусловлен чисто прагматическими обстоятельствами. Александр Прокофьевич Зинченко⁴⁴ может писать всё что угодно, но кушать-то, в общем, всем хочется, и чувствовать себя причастными к какой-то реальной жизни тоже всем хочется. Поэтому хочется получить ответ на вопрос: *методологическое мышление как такое имеет ли вообще какую-то институциональную форму – должно иметь, может иметь, – или же методологическое мышление получает свою институциональную закрепленность только в других формах мышления?* И тогда та дискуссия, которую старожилы ММК прекрасно помнят («Так что, надо поработать немножко в методологии, а потом идти в дизайн, в инженерию, в проектирование – и там уже приближаться к пенсионному возрасту в понятных институциональных рамках?»), остается открытой. Дискуссия, с моей точки зрения, достаточно жизненная. К ней можно по-разному относиться, на нее можно по-разному отвечать, но вопрос об институционализации методологического мышления стоит на повестке дня – как индивидуальной, так и движения в целом.

Вот три вопроса, которые я бы хотел, чтобы вы максимально грубо и жестко (а значит, и коротко) попробовали бы обсудить.

Я сейчас, прежде всего, буду давать слово тем, кто молчал всю дорогу, потому что у них был шанс и отрефлектировать. Прошу, Игорь.

Семенов. Когда мы говорим о перспективах, неплохо было бы отрефлектировать ретроспективу. Я принципиально не согласен с прозвучавшими сегодня положениями о том, что возникновение методологии ММК и сейчас ее развитие есть некоторое плавно перетекающее, предположим, развитие нашего сообщества.

Если вспоминать Сергея Леонидовича Рубинштейна, книги которого я здесь видел, так он учился в Марбурге, приехал в Одессу после Первой Мировой войны и захотел профессуре читать лекции по теории относительности. Его

⁴⁴ Здесь, по-видимому, имеется в виду текст А.П. Зинченко, см.: [Зинченко А.П. Реплика в оппозицию замыслу и теме XVII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого. – Ред.](#)

выгнали. Он ушел в библиотеку, десять лет там заведовал библиотекой и породил «Основы общей психологии» как лучшую книгу XX века по психологии⁴⁵.

Та же история произошла с Георгием Петровичем Щедровицким. Он, как мы помним, сын инженера и усвоил технологическое мышление. Поступив на физфак МГУ и проучившись там три курса, он тоже вынужден был уйти, потому что стремился проводить философский анализ физических процессов. Профессура протестовала, и он ушел на философский факультет. Там он встретился с Зиновьевым, Мамардашвили и Грушиным, и возникла такая аксиологическая ценность, о которой сегодня мне немножечко напомнил доклад Веры Леонидовны, когда от Темных веков к Средним векам шло развитие университетов. Темные века – это советская действительность конца 1940-х – начала 50-х годов, когда методология (это слово тогда употреблялось, но очень редко) имела такой апологетический смысл.

В этой ситуации у Георгия Петровича проект методологии был обращен в будущее – в будущее, которое абсолютно не было связано с той реальностью и с вызовами, которые бросала эта реальность, и он нам говорил (я участник этого кружка): «Мы с вами, ребята, разрабатываем средства для будущих нобелевских премий, а в том, что нас окружает, мы будем нормировать мышление будущего».

Ситуация, которая обсуждается сейчас, – «институционализация мышления», «институт мышления», – это, конечно, проекты, связанные с настоящим. Они экзистенциально замкнуты на будущую перспективу, но перспективу близкую: жизнедеятельность методологов в современном социальном окружении. У Георгия Петровича социальное окружение принципиально было вынесено за скобки до того периода, когда методологи стали устраиваться в конкретные институции: кто-то в ЦНИИПИАС, кто-то во ВНИИТЭ и т.д. Это был период институционализации мышления через интеграцию в существующие социальные институции.

В дальнейшем, когда наступил период ОДИ, произошло действительное образование микроинститутов мышления, которые нормировали методологическое мышление, распространяли его по стране, и тогда действительно уже было соотнесение с окружающей социальной реальностью, с ответом на вызовы, с выполнением заказов. И здесь возникло раздвоение методологии: с одной стороны, продолжались фундаментальные методологические исследования, с другой стороны, развернулись прикладные методологические исследования. Когда канул в лету журнал «Вопросы методологии», то фундаментальное раз-

⁴⁵ Для доверия указанным здесь датам и периодам дадим уточнение в их хронологии, пользуясь источником [Wikipedia](#), для этих целей вполне достоверным, см.:

«...в 1914 г. (! – Ред.) Рубинштейн вернулся в Одессу. По возвращении он занял пост заведующего кафедрой психологии в университете... В 1917 г. Рубинштейн перешёл на работу преподавателем гимназии.

... в апреле 1919 г. Сергей Леонидович был избран приват-доцентом кафедры философии Новороссийского университета...

... в 1921 г. Рубинштейн был избран на вакантную должность профессором кафедры психологии. С 1925 г. Рубинштейн занимает должность директора Одесской научной библиотеки.»

Первое издание указанной книги «Основы общей психологии» вышло в 1940 г. – Ред.

витие проблематики методологического мышления ушло на периферию⁴⁶, и мы оказались в той ситуации, в которой мы уже десять лет подводим ежегодно итоги в этом здании и обсуждаем эту проблему.

Мне думается, что, конечно, нужно заново переосмыслить систему вызовов и заново выстроить структуру развития институтов мышления, и тогда возникает центральная проблема: одно дело – институты мышления как нормы методологического мышления, а другое дело – создание институций мышления для трансляции тех норм, которые создает методология. Но это проблема на перспективу.

Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо! Левенчук.

Левенчук. Я постараюсь пройтись по тем вопросам, которые были заданы.

Первый вопрос – про мышление. Я хотел бы всем напомнить, что человек, вообще говоря, – это случайный носитель мышления. И я хотел бы всем сообщить, что у нас – радость-радость! – этот тезис начал материализоваться: буквально неделю назад компьютер под собственным именем IBM Watson победил в Америке чемпионов игры Jeopardy.

(Игра Jeopardy – это игра типа «Своей игры», то есть задается хитрый, с подковыркой, с игрой слов вопрос, на который надо как-то ответить, и еще ответить за три секунды примерно, то есть очень интеллектуальная такая деятельность. У нас в «Своей игре», вы знаете, лучший игрок – Анатолий Вассерман, человек, который помнит всё, делает всё. Это неважно, думает он или нет, есть у него мышление или нет.)

Так что произошло? Чемпионы мира в этой Jeopardy – многократные чемпионы США – были, в общем-то, посрамлены. То есть компьютер, отключенный от Интернета, отвечал на вопросы на естественном языке – бодро, правильно, хитро. Там были юридические вопросы, там были вопросы по литературе и искусству, были и еще проще.

То есть жизнь изменилась! Я хотел бы, чтобы все присутствующие уже брали в сотрудники не только людей, но и хотя бы один экземпляр IBM Watson.

И далее я следил, что происходит в тех самых сетях, как я их понимаю. Я сказал, что лучше в кулуарах расскажу, что я про эти сети думаю, но в разных сетях онтологи всего мира и лингвисты, и логики дико возмущались. Они сказали: «Это целых двадцать пять человек целых четыре года работали, и конечно, у них было столько ресурсов!». И сейчас они быстро-быстро договариваются, что «если бы вообще мы бы работали, то нам не надо было бы иметь суперкомпьютер». И я представляю, какие решения сейчас принимаются в корпорациях по всему миру, потому что IBM прямо сказала: «Мы будем отвечать на любые медицинские вопросы лучше чемпионов мира – врачей, мы будем отвечать на юридические вопросы, мы колл-центры не в Индию, а в железо вмонтируем, и это железо будет стоять тут же под столом». А все вокруг обсуждают:

⁴⁶ Представленные трактовки истории ММК, а также некоторые выражения («аксиологическая ценность») и стилистика этого выступления не редактировались. – Ред.

«Мы будем делать то же самое, что и IBM, только IBM в первый раз сделала суперкомпьютер, а мы сделаем – на обычных компьютерах». Но IBM проговорилась. Она сказала, что обычный компьютер – такой, как на столе, – тоже может ответить на вопрос, только не за три минуты, а будет думать примерно два часа. Это означает, что тот компьютер, который у меня дома, будет думать минут пятнадцать. Вы понимаете, да? При этом с кем методологам придется конкурировать в методологии через несколько лет – я, в общем-то, не знаю. Это – первая вещь.

А вторая вещь – мне очень приятно быть в этом зале. Позавчера я был на конференции аналитических философов и логиков. В Высшей школе экономики собралось несколько десятков человек. И там – те же самые вопросы: онтология, множественность миров – всё то же самое, что тут обычно слышно, но абсолютно в другом заходе.

Во-первых, в истории этих направлений случилась некоторая беда. Московский методологический кружок не успел кое-что обсудить. И беда случилась после того, как в 1972 году вышли работы Кripке про модальные логики, и тогда произошла маленькая революция. Она шла примерно по 1985 год, после чего этот комплекс идей взорвал лингвистику, (она пошла своим каким-то путем), взорвал логику и, собственно, саму аналитическую философию. Теперь там границы размылись, и – вы будете удивляться! – именно эти размытые границы и дали возможность сделать этот IBM Watson. Потому что лингвисты говорят: «Это наши алгоритмы!». Логики говорят: «Да ничего подобного, это наши алгоритмы!». Философы говорят: «Вы что! Вот они – наши идеи, которые там реализованы!». И они не могут найти, кто же, собственно, положил основу. Выяснилось, что всё это слилось и работает. Вы будете удивляться, но – работает.

И мне почему-то кажется, что у нас в России есть такие люди, есть альтернативная интеллектуальная действительность, альтернативные интеллектуальные институты, у которых есть четко выраженные достижения, ровно по программе Московского методологического кружка, насчет того что человек лишь случайная структура, случайный носитель мышления. Странно: они реализуют, тут обсуждают, там что-то делают, здесь опять обсуждают. Я, опять же, много лет хожу и слышу, что обсуждается, поэтому я про мышление много слышал, но смотрите: в некоторых местах ухитряются что-то посадить в компьютер, а тут даже в человека не всегда.

Щедровицкий. Тоже иногда ухитряются.

Левенчук. Ну, иногда ухитряются, но это подается как большое достижение, как «невзирая на... мы сумели». Это – первая часть. Это я только про мышление.

Щедровицкий. Но, обратите внимание: еще через двадцать лет, когда Вы, наконец, реализуете полную посадку того, что Вы хотите, на компьютер, Вы поймете, какую важную функцию выполняем мы, когда «иногда получается и на людях».

Левенчук. Да. Это я четко понимаю. Только на компьютер будет посажено не то, что на людях. Оно четко различается.

Щедровицкий. И слава Богу.

Левенчук. Да, слава Богу.

Щедровицкий. Кесарю кесарево.

Левенчук. При этом заметим, что человек, который каждые пять минут смотрит в Google, – это уже немножко другой человек, чем тот, который не смотрит в Google.

Щедровицкий. Точно! Ему уже ничего инсталлировать нельзя.

Левенчук. Да. Или, наоборот, ему как раз еще можно, а тем, кто уже не смотрит в Google и только вспоминает, но не воспринимает... Старость же как определяется? Старость определяется так: мы воспринимаем или вспоминаем. Если посмотреть по книжкам, сколько книжек насчет воспоминания и сколько книжек насчет воспринимания? Мне очень нравятся эти Чтения – они чуть-чуть отличаются, потому что тут как-то меньше вспоминают. По ощущению – чуть-чуть меньше вспоминают, чем в прошлые разы, поэтому шанс есть.

Но я хочу перейти к следующему шагу – это институты.

Тут я буду очень краток, потому что я много лет занимаю эту позицию. Когда я был на семинаре (я успел поприсутствовать на семинарах), я сказал, что про институты я не понимаю. Я не понимаю, почему такой большой акцент делается на институтах. Особенно, когда это делается в 2011 году, когда всё меняется с такой скоростью, что вы про эти институты не успеваете... Нет, обсудить институты прошлого – пожалуйста, в историческом заходе – да. А когда вы это пытаетесь как-то направить в будущее – мне кажется, мы тут слишком горячимся.

Я бы просто предложил обсуждать разные типы организаций, организованностей, перейти на этот язык и заново строить: если вам захочется институт – заново как-то обсудить. Потому что все эти определения сетей или орденов с разными этими мышлениями...

Я просто смотрю на то, какие процессы идут сейчас вокруг меня и как быстро перескакивают люди, которые чуть помоложе меня и которые занимаются Интернетом, скажем, из «Живого журнала» в FriendFeed (а это все сетевые сообщества). То есть у них есть бизнес-связи. Как мне Юрий Бирюков говорил, в Facebook сеть поддерживается, а в LiveJournal – не поддерживается. И я понимаю, что это так.

Да, действительно, я вижу, как бизнес-связи складываются через эти медиа. На самом деле, никакие бизнес-связи, как вы понимаете, ни через «Одноклассников», ни через LiveJournal, ни через что-то подобное не поддерживаются, а эпистолярный жанр выживает. В этих сетях важно, что кто-то кому-то письма пишет, а не кто кому постинг делает, на самом деле.

Но, обратите внимание, как быстро скачут эти организованности, когда вам надо оперативно сорганизовать большую массу народа, – из сети в сеть, из одной тусовки, можно сказать, в другую. Сейчас вот Quora. Туда можно попасть только по приглашениям. Вот там живет мышление. Там все знаменитые иностранные люди – они по приглашениям входят в эту Quora. Стиль там такой: задаются вопросы, причем вопросы вы должны ставить вечные – как бы

правильные, и там даются ответы. И далее ответы, вопросы, там идет на этом некоторая игра.

Реплика. Прошу прощения! Можно, я к порядку ведения? Мне очень хотелось бы услышать ответы на вопросы, которые задал господин Щедровицкий.

Левенчук. Да. Я и говорю: никаких институтов в связи с мышлением сейчас уже особо нет и не будет.

Реплика. Хорошо, то есть данный вопрос про институт мы снимаем, а на первый вопрос...

Левенчук. Непродуктивно обсуждение институтов в плане мышления! Поскольку Щедровицкий ровно так иставил этот вопрос: «Может, мы тут зря про эти институты?» – я даю очень жесткий ответ: конечно, зря! Да. Это вот такой вопрос.

Третье...

Реплика. Но тогда, соответственно, третий вопрос не существует, поскольку на второй был отрицательный ответ.

Левенчук. Нет-нет, ответ на третий я дам!

Реплика. Это очень парадоксальное и, видимо, диалектическое мышление.

Левенчук. Ну, естественно. Потому что какие-то ошметки институтов сейчас всплывают на несколько лет, потом исчезают, всплывают и исчезают.

Щедровицкий. Толя, реплика коллеги была к регламенту.

Левенчук. Я понимаю. Я быстро заканчиваю.

Щедровицкий. Поскольку ты работаешь в основном с машинами, а поговорить с ними невозможно, то как только ты до людей дорываешься, ты хочешь занять всё время.

Левенчук. Нет, тут немножечко не так. Смотри, я и сейчас говорю: работаю с машиной, но каждый раз за машиной у меня несколько тысяч человек. У моего блога аудитория порядка полутора тысяч человек. Нормально, хорошая машина.

Щедровицкий. Да.

Левенчук. Тем не менее, есть один институт. И в 2009 году я говорил в тот микрофон⁴⁷, что стандартизация является таким временным институтом, где иногда вспыхивает это самое мышление. То есть собираются люди и что-то новое делают, некий паттерн, по которому другие люди пытаются как-то жить, а иногда – и они же сами. Ведь многие организации, занимающиеся стандартизацией, не выпускают стандарт до тех пор, пока устроители стандарта не попробуют сделать сами что-нибудь по нему.

И я хотел бы еще раз обратить внимание уважаемого сообщества, что все методы сейчас оформляются как интересные стандарты. Не все эти стандарты публичны. Даже стандарты ISO вы будете покупать, они на дороге не валяются. И то, что эти стандарты на дороге не валяются, не означает, что их нет. Поищи-

⁴⁷ По-видимому, А.И. Левенчук имеет в виду свой доклад на XV Чтениях памяти Г.П. Щедровицкого 23 февраля 2009 г. – см. тезисы его доклада: [Левенчук А.И. Управление деятельностью](#). – Ред.

те – может, вы найдете какой-нибудь интересный институт. Но я не думаю, что это продлится долго. В нынешнее время, в отличие от того, что я говорил два года назад, период, когда метод будет жить в стандартизации, я оцениваю как более короткий. Это довольно быстро пройдет.

Спасибо!

Щедровицкий. Спасибо! Вы хотели? Пожалуйста, только просьба – плотно.

Чумаков. Первое. Когда я прочитал программу Чтений, была мысль, что если существует Институт мозга в Москве, в Санкт-Петербурге, то почему бы не создать Институт мышления? И многие присутствующие в зале могут быть его штатными или внештатными сотрудниками.

Второе. Когда Георгий Петрович в конце 1980-х годов провел цикл лекций в Ленинграде, у нас организовался методологический семинар, и на нем было предложено в качестве предмета для деятельностной игры положить мышление. Мне тогда Рифат Шайхутдинов пытался объяснить, почему этого сделать нельзя. До сих пор я этого не могу понять, но данный вопрос так и повис.

Что касается научного мышления или, как тут звучал вопрос, видов мышления. Все-таки научное мышление существует! Почему оно сейчас не работает, а когда-то работало (в XIX веке или еще раньше были периоды) – сейчас есть определенная социальная ситуация, которая тормозит это мышление. Единственная область, в которой научное мышление востребовано, – это как раз социальные науки, социология. Здесь может быть в ближайшее время прорыв, и в этом направлении, я думаю, следует сделать определенное усилие.

И еще один момент. Когда мы говорим о видах мышления, мне кажется, актуальным сейчас было бы выделять мышление управленца, поскольку власть и управление – это ключевые моменты в развитии цивилизации, а также выделять технологическое мышление и технологии мышления. На этих вопросах, я думаю, нужно сосредоточиться в ближайшее время. Это то, что я хотел сказать в ходе дискуссии.

Щедровицкий. Спасибо! Дмитрий.

Бахтурин. У меня три ответа, собственные версии.

Итак, как я записал – *вопрос один*: что есть мышление? Я считаю, что, в частности, в выступлении Вадима Марковича это проявилось просто с такой явственностью, что прямо как будто читаешь что-нибудь из критики немецкой идеологии. Мышление как проект, методологическое мышление как проект требует своего восстановления, потому что, в моей версии, этот проект – и все то, что Вы сейчас говорили, Вадим Маркович, – безусловно, восходит к известному тезису Маркса о Фейербахе: нечего объяснять, надо изменять этот мир. И мышление, становящееся частью проекта изменения, во-первых, должно быть восстановлено со всеми теми онтологическими картинами, которые лежали в основании так понимаемого тезиса о мышлении, или так понимаемого мышления, и, во-вторых, – соотнесено с философской традицией.

Претензия на предельность мышления удерживалась в философии до появления методологического проекта – и, с моей точки зрения, удерживается до сих пор в параллельных ветках. В этой связи – кратко резюмируя: методологическое мышление как проект должно восстановить свои рамки и те онтологии, которые лежат в его основе.

Второе. Где живет собственно мышление (в этом смысле я уже буду говорить о методологическом мышлении, или об этом проекте)? Опять же, беря за основу тот самый тезис Маркса: оно живет в ситуациях развития. То есть ответ на вопрос «где живет?» – в ситуациях. В каких ситуациях? В ситуациях развития. И в этих ситуациях оно и может быть востребовано. И, как мне кажется, все доклады, которые сегодня были представлены, явно или неявно удерживали логику жизненного цикла. А в Вашем [В.М. Розина. – Ред.] докладе просто впрямую употреблялись связанные с этим понятием жизненного цикла термины и понятия. Или субпонятия. Поэтому – в ситуациях развития.

Теперь, где *сегодня* [живет мышление]? В чем – моя версия – ключевое отличие ситуации ММК и сегодняшней ситуации с точки зрения развития мышления? Тогда с большой натяжкой (еще раз: это моя версия, и я понимаю ее ограниченность) можно было говорить об одном пути развития. Например, известное выступление группы философов, посвященное задачам развития логики в обеспечении развития народного хозяйства⁴⁸, конечно, как упрощенный пример, но, в общем, может трактоваться как развитие в некоторой мономодели. Сегодня вопрос только в одном – он, правда, один, но очень большой: наличие огромного количества конкурирующих моделей развития, центров развития, деятельности, которая себе это присваивает, пытается это делать, так или иначе дерется между собой за это самое развитие. И непроработанный (или неизвестный мне) вопрос, например, о методологической этике (или этике применения методологического инструментария) не позволяет говорить о применимости методологии в ситуациях конкурирующего развития, или при наличии множества проектов развития. Но с точки зрения сегодняшней ситуации и применимости методологического мышления в ситуациях развития для меня это ключевой вопрос.

Щедровицкий. Спасибо! Прошу Вас.

Цой. Ответ на вопрос, что есть мышление, я начну с последнего тезиса Вадима Марковича Розина. Он говорил о «живом мышлении», которое разворачивается «здесь-и-теперь». Тогда у меня возникает вопрос: а что «здесь-и-теперь» произошло? И задаю вопрос еще другой: а было ли здесь мышление, демонстрация? Все-таки здесь есть ортодоксы, которые несут на себе этот тип мышления, методологический – ну, допустим. И тогда я как социолог отследила, что делали докладчики, и вывела следующее: что докладчики разделились на две части.

⁴⁸ Имеется в виду состоявшаяся в апреле-мае 1954 года по инициативе Т.И. Ойзермана «гносеологическая» дискуссия о соотношении философии и естествознания, где с возражениями против позиций официальной советской философии выступили две группы молодых философов: одна – под руководством Э.В. Ильинкова и В.И. Коровикова, другая – под руководством А.А. Зиновьева (в которой участвовал и Г.П. Щедровицкий). Подробнее см.: Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001. С. 28. – Ред.

Первую я отнесу к методологическому мышлению. Это докладчики, которые на первом шаге самоопределялись по отношению к теме, к ситуации, к истории и т.д. Затем второе, что они делали, – они все-таки фиксировали знание, фиксированное знание доносили, фиксировали то знание, которое уже есть в учебниках или в работах. А третье, что они делали, – они позволяли себе проброс в будущее мыслью: а каковы результаты были там и тогда, и для чего, какие проблемы решались тем знанием... Но вот проброс в будущее: какие проблемы могут решаться с точки зрения того, как они решались, – здесь, мне кажется, произошел разрыв, потому что собственно проектирование сейчас только начинается, и следующий вопрос будет – «что делать?».

Нужны ли институты? Конечно, как социологу мне трудно оторваться от социального аспекта, когда я говорю об институтах. Да, я не буду говорить о той половине, которая демонстрировала другой тип мышления. Но, наблюдая за тем (я беру просто нашу реальность – живую социальную реальность), как живут, как действуют люди с методологическим мышлением, я вижу, что им институты – социальные – собственно говоря и не нужны, потому что они разворачивают (мышление. – Ред.) везде, где они бывают. Я слежу, допустим, за Вадимом Марковичем Розиным или за другими – в разных ситуациях демонстрируется то, что можется.

И они сами себя ограничивают – это еще одна особенность. Они сами себя ограничивают, ставят рамки, куда они не пойдут. Ну, здесь, конечно, рамки ставит ведущий, потому что время.

Щедровицкий. Мне кажется, что Вадим Маркович определился. Он, насколько я знаю, работает в Институте философии.

Цой. Это только одна из его форм работы.

Щедровицкий. Ну, слушайте, одна – не одна...

Цой. Нет, а тогда мы говорим об институте социальном все-таки, а не об институте мышления, потому что мышление – оно асоциально по своей сути, если мы говорим о мышлении.

У меня всё.

Щедровицкий. Спасибо! Да, прошу Вас, коллега.

Стёганцев. Моя позиция такова, что эволюция происходит не равномерно, а есть прорывы, есть лидеры, есть пионеры. И, на мой взгляд, мышление появилось довольно давно, просто это были частные и недолгие случаи.

Одним из самых великих мыслителей (и я не побоюсь это сказать даже в этой аудитории методологов) для меня был человек, который сейчас известен как Будда Шакьямуни. Он, оказавшись в состоянии вызова (и здесь я согласен, что мышление происходит в состоянии вызова), начал некоторый проект и подошел к нему методологически. И самая древняя мировая религия под названием буддизм, на мой взгляд, очень методологична. В основание того, что он затянул две с половиной тысячи лет назад, он положил три базовых схемы и красиво их назвал: «Четыре благородных истины буддизма», «Три корня страдания» и «Три драгоценности», – и дальше на них построил некоторую систему трансляции, технологии и т.д.

На мой взгляд, в тот момент, когда Будда занимался этой деятельностью, он мыслил. Неизвестно, мыслили ли его последователи – так же, как в примере со святым Бернаром мыслили ли тамплиеры, но сам святой Бернар, когда занимался этим делом, на мой взгляд, мыслил.

И я хочу сослаться на этого «пионера» методологии и мышления – Будду Шакьямуни. Одна из его моделей под названием «Три драгоценности» может быть приложена в наше время к такой вещи, как мышление. Вообще он это затеял для того, чтобы люди достигали просветления. В моем представлении, мышление и просветление – это близкие вещи: человек мыслящий почти что просветлен – все время, двадцать четыре часа в сутки.

И модель его такова: для того чтобы достичь просветления, есть три необходимых и достаточных фактора. Первый – наличие человека, который опережает в этом других. В данном случае, как я понимаю, в Кружке это был Георгий Петрович Щедровицкий.

Второй – должна быть некоторая технология. У Будды эта технология называется «дхарма».

И третий: должна быть группа единомышленников, которая объединена общей идеей, применяет эту технологию, в какой-то степени идет за этим лидером – и тогда результаты если не гарантированы, то вероятность их появления повышается. И в этом смысле институт мышления (какие-то организованности), может быть, и не является необходимым, но является фактором, который резко повышает вероятность – если не гарантированность, то хотя бы вероятность – развития на каких-то индивидуумах или группах индивидуумов того, что мы называем, обозначаем словом «мышление».

У меня всё.

Щедровицкий. Спасибо! Рустем.

Максудов. Спасибо! *Первый вопрос.* Если предполагать, что мышление – единица мыследеятельности, а значит, не может существовать без мыследействования и мыслительной деятельности... Оно обеспечит развитие с помощью коммуникации. То есть на первый вопрос – вот так.

На *второй вопрос* (о необходимости институционализации мышления) я тоже отвечаю положительно, потому что как институционализируется деятельность и в каких проектах и программах, отрывается ли она от мышления и коммуникации или нет? Этот вопрос – важный! Институты могут создавать условия, чтобы такого отрыва не произошло. Соответственно, а какого типа институты тогда нужно создавать и в какой форме? Это, мне кажется, важный третий вопрос. Возможно, что институты не могут обеспечиваться учрежденческой и индивидуальной составляющей. Возможно, что нужны новые типы клубных структур и нормировок. А где живут эти клубные структуры и где такие нормировки, которые обеспечивают мыслительную деятельность? Мне кажется, что вся дискуссия, связанная с сетями, с think-tanks, – она куда-то сюда двигается.

Щедровицкий. Спасибо! Кучкаров.

Кучкаров. Я чувствую некую свою задолженность про виды мышления. Я бы различил такие виды мышления в ответе на первый вопрос.

Первый вид – непроизвольное мышление, по аналогии.

Щедровицкий. Это как у IBM Watson?

Кучкаров. Да. Неважно, кстати, у летчика, полководца или управленца, но оно включается. Непроизвольное мышление включается.

Второй вид – произвольное мышление.

Щедровицкий. Оно не включается.

Кучкаров. Я его могу включить / выключить тогда, когда понадобилось, некоторое время оно будет функционировать и т.д. Я могу осуществлять над своим мышлением произвол, а не стимул-реактивно, так сказать, нападать на врага. и проч.

Следующее, третье, – рефлексивное мышление. Я здесь оговариваюсь, что сейчас термин применяю экспромтом. Это какой-то более изощренный вид произвольного мышления, когда я само мышление рефлексирую, управляю им, и не только включаю и выключаю, но и, так сказать, интенсифицирую, регулирую и т.п.

Наконец, четвертое – это развивающее мышление. Если я его еще и умею сфотографировать, оценить, сделать выводы на следующий сеанс мышления.

Вопрос второй – о сеансе. Если воспользоваться таким конструктом, как «объект описания», то нет описания мышления. Гончар *показывает* ученику. Он не может ему рассказать, как двигать пальцы и давить на педаль и т.д., чтобы получился этот самый кувшин. Поэтому передача не компьютеру, а человеку, из моей практики – это два-три года такого «гончарного» со-мышления, показа, повторения, рефлексии приемов и т.д. Это не описываемо и по инструкциям не передаваемо, не инсталлируемо. Мое многолетнее наблюдение: ни разу мне не удалось людям старше определенного возраста – я не буду никого обижать – инсталлировать концептуальное мышление. Не получается. Но у молодежи, которая у нас на физтехе, – получается у большей части, хотя тоже не у всех.

Институционализация – обязательно нужна. Может быть, самая острыя сейчас проблема мышления – это отсутствие регулярных эффективных способов институционализации. Отмеченные, обсужденные в докладах и существующие формы институционализации складывались годами или веками – а задача состоит в том, чтобы их эффективно создавать под нужный вид мышления. Не знаю, как и когда эта задача будет решена, но тоже высажу наблюдение: институционализация – это всегда редукция. Если я промыслил, я стремлюсь это институционализировать, то есть организовать группу студентов или сотрудников и произвести отчуждение. Тогда я начинаю, не беспокоясь о воспроизводстве этого мышления, развивать свое дальше. Естественно, при этом происходит некое упрощение, утилизация, технологизация и т.д. Коллективный развивающий сеанс «на двоих» – это прецедентно освоенная вещь, на троих не получалось. Втроем осуществлять такой сеанс – это как «задача о трех станках».

Если я не институционализирую, то я должен постоянно удерживать свою способность воспроизвести, по крайней мере, такой же эффективности процесс мышления, а это требует ресурса. Кто-то сегодня только что сказал, что в этом,

в частности, проявляется [индивидуальное самоограничение](#) жизни методолога. А поскольку описать это и задокументировать я не могу, пересказывать – бесполезно, то я должен это воспроизводить всё время.

Школа, кстати, – пример подобной институционализации. Мы всё время говорим, в науке особенно, что школа разрушена. Разрушив это складывание, мы пытаемся его по мановению получить снова. Но сколько ни финансируй Академию наук или что-то подобное, оно не воспроизведется, потому что школа – это институт.

И формы институционализации. Мне кажется (сейчас пришло в голову), одним из эффективных направлений поисков было бы создание таких полных жизненных циклов институционализации, возможности прохождения полного жизненного цикла мышления от идеи до реализации, воплощения, как я бы сказал, автоматизации, онтологизации. Грубо говоря: я подумал, разместил концепт в этой сети или где-то – и он уже реализовался, а я снял рефлексию результатов и думаю дальше. Освобождение – или снятие, как сказали бы диалектики, – этого ограничения, что я думать могу больше, чем проверить, – есть институционализация этого процесса, чтобы снять с креативного деятеля, с творца материальное ограничение: сколько он придумал, столько и имеет возможность воспроизвести.

Как-то Георгий Петрович рассказывал (не помню, о ком): после одной из первых поездок в Соединенные Штаты наш физик или химик через две недели приехал назад черный. Так он сказал – ну, буквально слово было «черный». Почему? «Потому что я, – говорит, – приехал туда, сошел с самолета, подошла машина, привезли в гостиницу, потом в лаборатории прикрепили двух помощниц, четырех помощников. Утром начался эксперимент, спросили, что нужно завтра – завтра было всё то, что нужно». Он произвел свой второй эксперимент и т.д. «И за две недели я, – говорит, – был полностью обесточен, у меня не осталось ни одной идеи. Этого ощущения у меня не было никогда. Я был пустой, и творчества больше не было, всё! Я вернулся опять в Союз накапливать идеи». То есть автоматизация этого процесса была бы очень важна.

Щедровицкий. Спасибо! Борис Васильевич, потом Вадим Маркович, и будем завершать.

Сазонов. Мне кажется, что такие темы, как институт, мышление, методологические технологии и т.д. нельзя обсуждать без понимания того, кто такие держатели и потребители этого продукта, грубо говоря. А кому нужны институты и кто их потребляет? Кому нужен этот проект мышления и на кого он рассчитан? И, соответственно, важно понять с этой точки зрения, а что же было в ММК? Московский методологический кружок – в чем его специфика?

Мне кажется, что у этих трех (если рассматривать эти три образования: институты, проект мышления и технологии) – просто разные субъекты, их порождающие, и, соответственно, разные потребители.

Буду предельно краток, выскажу просто сами тезисы без обоснования, потому что я думаю, что они и так будут понятны.

Институты, с моей точки зрения и как показывает мой анализ (и здесь, кстати говоря, я не один, поскольку такие позиции даже звучали), – это вроде

бы продукт управленческой деятельности, организационно-управленческой деятельности, организаций, институционализации организаций и т.д. Управление их создает – и управление же их употребляет так или иначе: как формы организации, как формы воспроизведения деятельности и т.д. Это – одна ситуация.

Вторая ситуация касается так называемого мышления. Мысление никаким образом с институтами не связано, никогда ими не было (не знаю, будет или нет), потому что институты – это проект философский, психологический, он имеет историю. Очень хорошо Вадим Розин здесь об этом рассказывал, мне очень понравился этот доклад. И причем научный проект, так сказать, в рамках методолого-сайентистской ориентации. Это научный проект – изучить так называемое мышление или сконструировать его и представить как норму куда-то. Скажем, представить как норму в обучении: разрабатывается мышление для обучения – школьников, ученых и т.д.

И, с этой точки зрения, если они встроены в институт – здесь нет вопроса. Они уже сумели встроиться как научная составляющая. А проблема у них другая – этот научный проект никак не проходит, и до сих пор идут всяческие разговоры об институционализации этого мышления. С моей точки зрения, за этой проблемой стоит не ошибочность, но именно неудовлетворительность самого этого научного проекта. И вроде бы методология начинала с этого точно так же: рассматривала содержательно-генетическую логику как теорию – как теорию мышления, в том числе, – и т.д. Но методология фактически отказалась от этого проекта, и не столько потому, что признала его ошибочность (то есть можно ошибаться сколь угодно долго, психологи и философы делают это уже не одну сотню лет), а в силу того, что она обратилась к собственной деятельности и пониманию и рефлексии этой деятельности, понимаемой как полипозиционная. И именно деятельности, а не только мышления!

Сначала говорили о мышлении и деятельности, то есть считали нужным дополнить соответственно мышление этой деятельностью; потом стали говорить о мыследеятельности и коллективной мыследеятельности. И эта рефлексия заставила отказаться от отдельного проекта мышления и перейти, в частности, к типодеятельностным представлениям и к технологическим представлениям. Это методологические технологии организации – и, добавим, коллективной деятельности. То есть с самого начала специфика методологического подхода заключалась в том, что было понятно, что это не отдельный индивид с его сознанием, с его мышлением, которое можно исследовать, а это некоторая коллективно организованная деятельность с ее технологиями: проблематизация, схематизация и еще что-то, и еще что-то, причем каждая из этих технологий не является сугубо специфически мыслительной технологией. Она и мыслительная, и деятельностная, и проч.

Причем мы были вовсе не единственные. Эта так называемая проблема полииндивидуальных, так мягко скажем, структур – сегодняшняя. Весь постмодернизм построен на том, что уникальный универсумальный субъект с его истиной закончился: есть множественный субъект, где каждый, так сказать,

прав. И этот проект, вы знаете, закончился тем, что разрушается мышление, разрушается знание и т.д.

В противоположность этому постмодернистскому проекту методология исходит из полисубъектов, то есть в этом смысле каждый участник является субъектом того процесса, который организуется, и, соответственно, обеспечивается теми или иными типодеятельностными средствами, такими как проектирование, программирование, схематизация и т.д. И, с подобной точки зрения, как это ни парадоксально или ни плохо, но проект методологии порожден самими методологами, то есть у него в этом смысле нет внешнего исходного субъекта. Подобно тому, как проект мышления был порожден психологами и философами, этот проект был порожден, соответственно, методологами.

И, заканчивая, хочу сказать. А кто же может быть потребителем у этого проекта? Проблема заключается в том, что потребителем может быть только система, которая формируется множеством субъектов деятельности, где каждый из участников обладает ресурсом, средствами и т.д. для, условно говоря, управлеченческой деятельности. И проблема, с этой точки зрения, заключается не в том, чтобы институционализировать методологические технологии, – это бесмысленная задача.

Проблема заключается в том, что сегодня субъекты потребления этих технологий «полисубъектны», а не «индивидуальны», каждый из них имеет собственное мнение и на нем стоит до конца (так сказать, постмодернистская трактовка). Сегодня эти субъекты – организации коллективной мыследеятельности. Значит, проблема, с моей точки зрения, в этом смысле социальная, и она не решается просто на путях институционализации.

Щедровицкий. Спасибо! Вадим Маркович.

Розин. Я постараюсь коротко.

Мне показалась интересной мысль насчет восстановления методологии, но, мне кажется, лучше говорить о возобновлении методологии в новых условиях. Да, ситуация изменилась, новые условия. Действительно, пришли новые люди, и это требует особой работы по реконструкции, пониманию и т.д. того, что было сделано и на каких всё это делалось основаниях. Это – первое.

Теперь второе. Здесь часто звучало, что у нас такая новая ситуация, всё меняется, всё течет, и я тут вспоминаю Баумана, который говорил, что раньше была «твердая» социальность, а теперь «жидкая», и в этой «жидкой социальности» как бы ничего нет. Я думаю, что это кажущаяся вещь. Почему? Здесь шла речь о стандартизации. Это очень интересно. У нас был доклад Голубковой как раз о стандартизации, и что мы там поняли? Что вообще стандартизация – это, во-первых, нормальный институт, а с другой стороны – это такой особый институт, который перестраивает другие институты. Потому что, с одной стороны, действительно, идет, как говорится, анализ деятельности предприятий или фирм и перестройка ее, а с другой стороны – те, кто осуществляют стандартизацию, по сути присоединяют данное предприятие к другим соответствующим предприятиям, которые начинают жить по этим стандартам, и вообще создается некоторый конгломерат, или сообщество. И в этом смысле идет процесс институционализации и перестройки существующих институтов.

И я бы мог высказать такое предположение, что методологическое мышление и методология – они тоже могут быть институтом. Который, во-первых, может быть нормальным институтом, а во-вторых – быть таким институтом, одна из функций которого – действительно, перестройка других институтов или создание условий для их перестройки. И мы не должны тут обманываться этой текучей и изменяющейся реальной «жидкой» социальностью: на самом деле это просто другие способы соорганизации, остановки и кристаллизации социальной жизни.

Спасибо!

Закрытие XVII Чтений

Щедровицкий. Коллеги, я не буду говорить в завершение никаких развернутых тезисов. Большую часть того, что я хотел сказать, я сформулировал в ходе самих дискуссий. Отмечу только два момента.

Прежде всего, я бы хотел убрать некую уничижительную тональность (или вам хотел бы рекомендовать убрать) при обсуждении социального, процессов социализации, в том числе в таком достаточно прагматическом залоге. С моей точки зрения, вопрос о том, где живет знание, в каких социальных условиях вынужден работать человек, который претендует на то, чтобы генерировать новое знание, в том числе за счет и с помощью тех или иных техник и технологий мышления, для человечества неизбытен, и каждая эпоха его ставит по-своему и пытается на него отвечать.

Я взвешивал вчера и позавчера последствия включения в программу нового доклада – профессора Люттвака, – и мне кажется, что он свою положительную роль в нашей программе сыграл. И не только потому, что это совсем внешний человек, но и потому, что на его примере хорошо понятно, что те вопросы, которые мы пытаемся ставить и обсуждаем для себя, сегодня одинаково важны и для любой страны, и для любой социокультурной ситуации, и для самоопределения тех, кто себя мыслит, позиционирует и заявляет в качестве интеллектуалов, – они для Соединенных Штатов не менее болезненны, чем для России или стран СНГ, в том числе и тех, которые здесь назывались. И, в общем, на этот вопрос надо иметь какой-то ответ.

Когда мы только начинали цикл игр про онтологию, в третьем мероприятии, посвященном теологической онтологии, участвовал молодой иезуит – поляк. Он учился и работает в Италии, в окрестностях Ватикана, говорит в том числе неплохо по-русски, хотя вынужден был некоторые цитаты произносить по-итальянски. И мне очень понравилась форма его самоопределения и позиционирования. Когда ему задавали какой-то вопрос, у него были три опции ответа. Опция первая: «На таком-то Соборе тогда-то вопрос был обсужден, на него было дано решение. Альтернативных версий пока никто не предъявил, поэтому – цитирую». Вторая версия ответа: «Вопрос понятен. Мы ищем на него ответ. Были такие-то и такие-то дискуссии, есть такие точки зрения, оконча-

тельного решения пока не принято». И третья версия: «Сообщество этого не обсуждает, но моя личная точка зрения заключается вот в этом».

Игнорировать вопрос об институционализации мышления, с моей точки зрения, просто глупо и недальновидно. На него надо иметь ответ. Можно иметь разные ответы, можно достаточно долго искать этот ответ, но какой-то ответ на него рано или поздно придется вырабатывать. Я заявил эту тему давно, коллеги. Я напоминаю вам, что программа Чтений на несколько лет вперед была объявлена пять или шесть лет тому назад. У вас была возможность отреагировать на эту программу давно. Но я хочу сказать, что никаких планов менять я не собираюсь: что заявлено, то и будет. Через год я заявлю программу еще на десять лет вперед. Когда она заявлена – она обсуждается. Но обсуждать организационный вопрос в ходе его реализации я вообще не считаю нужным и возможным.

Представьте себе, что вы находитесь в какой-то другой ситуации: приняли решение строить некий сложный технический объект, выкопали котлован, начали строить, а потом вдруг вспомнили, что что-то недообсуждали. Ну, раньше надо было обсуждать! Думать надо было и вообще читать планы, сетевые графики и синхронизировать с ними работу.

Поэтому призываю всех планировать заранее, обсуждать планы в тот момент, когда планы можно обсуждать, и не обсуждать планы и оргрешения, когда они уже запущены и реализуются, соблюдая некоторые простые нормы культуры.

Мы и в следующий раз будем обсуждать институты мышления. Первоначально я вообще предполагал обсудить оргдеятельностную игру. Но еще месяца два или три я, в общем, открыт для дискуссий по этому поводу, потому что у самого меня возникли некоторые сомнения по итогам того обсуждения, которое прошло сегодня.

Хотел бы поддержать нашего члена-корреспондента Виталия Яковлевича Дубровского – вчера мне прислали его развернутые тезисы, почти статью на эту тему, которую он, как я понимаю, уже вывесил на сайте. И все, кто имеет что-то сказать по этому поводу, – современные информационные технологии позволяют это делать из любого места, в любое время, в доступном формате, – могут подключиться к этой продуктивной дискуссии. Поэтому, если кто-то не выступил сегодня и не высказал какую-то важную мысль – в качестве реплики, тезисов или статьи, – милости просим: вывешивайте на сайте; будем дальше думать и обсуждать совместно.

Всем успехов, привет, и – через год встречаемся!

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ

НАУЧНЫЙ ФОНД
ИМ. Г.П.ЩЕДРОВИЦКОГО

**Переход к Части II:
XVIII Чтения – «История и современное состояние
институтов мышления»**